

ИЗОЛЬДА ОККЕРВИЛЬ

ИМПЕРИЯ АМАЗОНОК
КНИГА ПЕРВАЯ

ВОССТАВШАЯ
ПРОТИВ
НОРМЫ

Изольда Оккервиль

Восставшая против нормы

«Издательские решения»

Оккервиль И.

Восставшая против нормы / И. Оккервиль —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904143-2

Апрель 2083 года, Парадизская Империя. Эдельвейс Акка, сотрудница отдела техподдержки Сектора хроноопераций Храма Немезис, приезжает в усадьбу «Темные Ели» на похороны своей матери, погибшей при странных обстоятельствах. Усадьба, доставшаяся семье Акка несколько поколений назад, хранит тайну: первая владелица усадьбы бесследно исчезла сразу же после ее продажи семье Акка. А в это время иностранная разведка планирует операцию по похищению из нижележащего времени генномодифицированной девушки.

ISBN 978-5-44-904143-2

© Оккервиль И.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1. В Парадизской Империи – май 2083 г.	6
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Восставшая против нормы

Изольда Оккервиль

Я имею ввиду врачебные опыты на живых людях. ... опыты эти не представляют собой чего-то исключительного и случайного; они производятся систематически, о них сообщают спокойно, не боясь суда ни общественной совести, ни своей, – сообщают так, как будто речь идет о кроликах или собаках. ... Но пора уже и обществу перестать ждать, когда врачи, наконец, выйдут из своего бездействия, и принять собственные меры к ограждению своих членов от ревнителей науки, забывших о различии между людьми и морскими свинками.

Вересаев В. «Записки врача».

Что такое медицинская норма? Анатомическая норма имеет индивидуальные варианты. Поэтому крайне сложно определить грань между индивидуальным вариантом анатомической нормы, косметическим дефектом и болезнью, требующей хирургического вмешательства.

Примечание автора.

© Изольда Оккервиль, 2018

ISBN 978-5-4490-4143-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. В Парадизской Империи – май 2083 г.

– Эдельвейс Акка!

– Нет, это не я... – быстро ответила Эдельвейс и стремительно развернулась, свирепая, как пантера, готовая к схватке.

Ну как же ее достала вся эта публика!

Только что, открывая калитку, она глухо выругалась, обнаружив просунутые между прутьями рекламки «Центра репродукции человека»: учреждение предлагало услуги по клонированию... Все никак не уймется! Они словно стервятники: стоит им узнать о случившейся у кого-то трагедии, и они тут как тут с предложением услуг, словно люди не в состоянии сами обратиться в фирму, если они в этих самых услугах нуждаются!

Сначала Эдельвейс хотела разорвать засунутые между прутьями калитки бумажки и выбросить их в ближайшие кусты, но потом просто смяла их и, криво усмехнувшись, засунула в карман: пригодятся при растопке печки. Хоть какая-то польза от рекламной продукции!

И вот в этот момент она услышала, что ее окликают по имени. Совсем обнаглели! Не иначе, специально дежурили у калитки, поджидали, когда кто-нибудь выйдет с территории усадьбы... Если сейчас посмеют предложить услуги своей фирмы, она их пошлет! Пошлет подальше в такой форме, что они и дорогу к усадьбе забудут. У людей и так горе, а тут... Ну, почему они не оставят их семью в покое?

Эдельвейс резко обернулась, готовая дать достойный отпор.

Обсаженная кустами черноплодной рябины грунтовая дорога была сплошь покрыта лужами, узкие перемычки между которыми бугрились крупным щебнем и небольшими булыжниками.

«Семь футов под килем!» – каждый раз мысленно восклицала Эдельвейс при виде подобных разливов.

Разглядеть лица стоящих на обочине людей Эдельвейс мешало светившее в глаза солнце, отражавшееся в огромной луже, пересекавшей дорогу от края до края. Придется обходить лужу по обочине, противоположной той, на которой стояли окликнувшие ее люди, разговаривать с которыми она не имела ни малейшего желания. Однако поскольку они начали первыми...

– Какого черта вы не оставите нас в покое! – громко воскликнула она, резко остановившись и в упор глядя на преградивших ей путь людей. Взгляд ее не предвещал для просителей ничего хорошего.

И в этот момент Эдельвейс поняла, что все обстоит гораздо хуже, чем она думала.

Засада была организована по всем правилам военного искусства: из-за бившего в лицо солнца перед глазами ее плясали темные пятна, и она не смогла разглядеть поджидавших ее людей, пока они не подошли к ней почти вплотную. Доктор Иеронимус знал свое дело и мог бы собой гордиться – операция была проведена блестяще. Впрочем, как и всегда, когда требовалась его изобретательность и знание психологии. Вот и сейчас он, в своей длинной черной мантии с бордовой оторочкой, так и излучал довольство и самоуверенность. Эдельвейс не сомневалась, что идея организовать засаду именно здесь принадлежала ему.

Она заметила, что за спиной доктора Иеронимуса маячили еще двое, и остановилась, выжидающе глядя на них и чуть не шипя от досады.

Угрозило же ее так глупо попасться...

Обычно, во избежание нежелательных встреч, она выбиралась из дома окольными путями – в глубине сада, в самом его уголке с юго-восточной стороны, брала начало тро-

пинка, ведущая через лес на соседнюю улицу. Правда, эта пересеченная корнями деревьев тропинка, петлявшая по лесу, была узкой и бугристой, а разросшийся одичавший крыжовник тянул свои колючие ветви к случайным путникам, норовя зацепить и порвать одежду, но зато об этой тропинке не знал никто, кроме членов семейства Акка. И если бы Эдельвейс вышла из дома одна, она выбрала бы именно этот путь. Но сегодня она решила прихватить с собой свою свиту из человекоподобных роботов и прогуляться до центральной площади: предыдущие дни были дождливыми и пасмурными, и ее подопечные засиделись в доме без прогулки. Вести роботов по узкой неровной тропинке было невероятно сложно, и Эдельвейс решила идти по дороге.

Она не без задней мысли прихватила с собой роботов – раз уж она зайдет на почту, зайдет и в магазин. Роботы понесут тяжелые сумки. Правда, это еще сильнее затруднит их передвижение, но должны же они осваивать новые виды деятельности!

Оглушительно пели птицы, слабый ветерок доносил терпкий и душный аромат цветущей черемухи.

По грунтовой дороге роботы передвигались медленно, с трудом преодолевая неровности, но в этот день Эдельвейс никуда не спешила. В последние годы это стало особенно модным – отправляться совершать променады не иначе как в компании человекоподобных роботов. Некоторые из них прихватили с собой еще и роботов-собачек на веревочках. Это придавало им окончательное сходство с гуляющими детьми.

– Господа имперцы, кто прячет незаконно находящихся на территории Империи людей, просьба обратиться в иммиграционный контроль за получением вида на жительство для ваших подопечных! – внезапно ожил громкоговоритель у центральной дороги.

Эдельвейс вздрогнула от неожиданности и плюнула. Черт бы ее побрал сегодня выйти из дому, с запоздалой досадой подумала она.

Ведь она вообще не собиралась выходить сегодня... Однако когда ей поступило извещение, что на поселковую почту прибыла заказанная ею бумажная книга, она решила выйти с территории имения. Если бы не эта случайность... Но о какой случайности идет речь? Если бы не это извещение...

Ей стало ясно, что это не случайность, а заранее подстроенная ловушка. Ее просто выманили из дому.

Теперь она разглядела тех двоих, которые маячили на дороге за спиной доктора Иеронимуса. Ясно было, что они заодно с ним. В первый момент она не обратила на это внимание, но теперь, несмотря на то, что солнце било ей в лицо, освещая спутников доктора Иеронимуса со спины, рассмотрела обоих повнимательней. Темно-синяя форма с эмблемой на груди, берцы.

Эдельвейс не слишком хорошо разбиралась в военных мундирах, но даже ее небольших знаний хватило на то, чтобы сообразить, что эти люди не имеют никакого отношения к имперским силовым структурам. И даже если бы этим утром она не имела бы чести встречаться с одним из этих людей, она все равно бы поняла, что эти люди вообще не были имперцами – по тому, как они вели себя, как двигались, по множеству других неуловимых примет Эдельвейс безошибочно распознала в них иностранцев.

Когда-то, еще в детстве, у нее была прекрасная память на лица, редкая способность, позже утраченная из-за прогрессирующей миопии. Очки позволяли ей четко видеть, но не могли вернуть способность запоминать внешность окружающих. Казалось, что Эдельвейс навсегда утратила эту способность. Она с трудом запоминала внешность даже тех людей, с которыми общалась постоянно, хотя с помощью очков видела черты их лиц вполне отчетливо.

Однако с тех пор, как маги Секретной Федерации избавили ее от сильной близорукости, Эдельвейс заново приобрела утраченную способность запоминать внешность окружающих, и теперь с наслаждением пользовалась вновь приобретенными возможностями.

Не нужно было даже смотреть на нашивки на мундире, чтобы понять, что высокий, атлетически сложенный светловолосый мужчина лет тридцати с небольшим, в мундире ВКС США – капитан звездолета «Инвиктус» Джон Кеннет. А его спутник, молодой человек лет 26—27, темноволосый и по-юношески стройный – судя по нашивкам, старший штурман. Его имени Эдельвейс не знала.

И эти двое американцев здесь явно не с целью культурного обмена.

«Ну, вот и началось, – подумала Эдельвейс. – Оперативно сработано!»

Она, конечно, еще этим утром, при первой личной встрече с капитаном Кеннетом с первого взгляда поняла, что он относится к тем людям, которые умеют добиваться своего. Она знала, что он вернется, но не думала, что это случится так скоро.

Когда она согласилась выполнить одну важную для Секретной Федерации миссию, она знала, что ей придется сотрудничать с иностранцами, но при этом предполагала, что это будет неофициальное сотрудничество. В противном случае... Черт бы побрал этого Кеннета! Он наведет на нее имперскую контрразведку! И дело даже не в том, что в этом случае ей придется бежать, а в том, что под угрозой провала окажется важная миссия, ради которой Эдельвейс решила приехать в усадьбу!

...А ведь как хорошо начинался день!

Завтракали они с бабушкой всегда на веранде первого этажа за большим деревянным столом. Из широких окон, выходивших на юг, открывался вид на живописный сад с небольшим декоративным прудиком, окаймленным путиловским плитняком. Густая живая изгородь из разросшейся черноплодной рябины тянулась вдоль южной границы усадьбы «Темные Ели», а за черноплодкой, почти смыкаясь широкими лапами, вздымались пышные шатры высоченных елей. В просветах между их лапами виднелась темно-бордовая черепичная крыша коттеджа соседней усадьбы.

Эдельвейс и Сельма пили чай, сидя по обеим сторонам стола, напротив друг друга.

Стол, придвинутый торцом к окну, был покрыт веселенькой клеенчатой скатертью, которой Эдельвейс особенно дорожила как одним из своих первых самостоятельно смоделированных артефактов: она сама синтезировала материал со свойствами клеенки и настройками, позволяющими назначать материалу любой рисунок из созданной ею базы данных. В это утро скатерть была украшена анимированными изображениями крупных ярких цветов, с которых собирали нектар пчелы, шмели и осы. Насекомые порхали с цветка на цветок, ползали и деловито жужжали, но звук Эдельвейс выключила, чтобы не мешал смотреть утренние новости.

– Переборщила ты с этим реализмом, – сообщила Сельма Акка, хлопнув подвернувшимся под руку полотенцем голографическую осу и чуть не разбив при этом сахарницу. – И вообще, терпеть не могу насекомых!

Эдельвейс возмущенно фыркнула, но, повозившись с настройками, рисунок материала заменила. Другой вариант рисунка для скатерти включал в себя анимированное изображение крабов, морских звезд и раковин. Жутковатого вида крабы с шипованными панцирями и огромными клешнями непрерывно ползали, как будто исполняя сложный танец, сталкивались панцирями и щелкали клешнями, сражаясь за добычу или просто выясняя отношения.

Однако Сельма забраковала и этот материал:

– Никогда не любила морепродукты, – заявила она, отправляя в рот очередную кильку. Именно этому блюду она отдавала предпочтение перед традиционной утренней овсянкой.

– Вот и я считаю, что эти кильки уже неделю как надо выбросить собакам! – с жаром поддержала ее Эдельвейс, указав вилкой на вскрытую консервную банку, стоявшую на столе перед ее бабушкой.

– Я и без собак все прекрасно съем, – возмутилась Сельма Акка, на всякий случай отодвинув банку подальше от Эдельвейс и подхватив на вилку благоухающую чем-то острым и пряным кильку.

Эдельвейс хлопнула в ладоши.

В дверном проеме возникла, материализовавшись из темноты коридора, и бесшумно вплыла на кухню величественная стройная фигура горничной в длинном темном платье с белоснежным кружевным воротником и рукавами, отороченными столь же белоснежными кружевными манжетами. В руках горничная держала серебряный поднос с конической серебряной рюмкой на тонкой ножке.

– Водка? – взяв рюмку за тонкую ножку, Сельма Акка подозрительно принялась к содержимому.

– А ты что бы хотела к кильке? Стакан молока? – удивилась Эдельвейс.

– У меня еще не настолько плохо с пищеварением, – пробурчала Сельма.

– Стакан яблочного сока! – приказала Эдельвейс, и на подносе у горничной тут же возник стакан со светло-коричневой жидкостью.

– Свободна, – объявила Эдельвейс горничной, поставив стакан на стол и провожая взглядом удалявшуюся фигуру в темном платье. В дверном проеме горничная бесследно растаяла в воздухе.

– И что, у нас теперь по дому все время будут шляться чужие люди? – пробурчала Сельма.

– Это не человек, а программа меню «Горничная» в голографическом режиме, – в очередной раз терпеливо объяснила Сельме Эдельвейс. – Внешность – это всего лишь оболочка для интерактивного общения с системой. Говоря иначе, персонифицированный интерфейс пользователя для интерактивного управления системой. Наличие подноса означает, что программа вошла в режим работы мобильного пищевого синтезатора. Основные меню – «Горничная», «Секретарь», «Компаньонка». Я установила систему с привязкой к нашему дому и придомовой территории.

– Теперь она достанет нас в любом месте в любое время, – пробурчала Сельма. Несмотря на то, что система исправно функционировала уже несколько недель, она все еще не могла привыкнуть к возможностям продвинутых технологий.

– И это очень удобно, – в очередной раз объяснила Эдельвейс.

– Не доверяю я этим импортным технологиям, – пробурчала Сельма, осторожно пробуя на вкус жидкость из бокала. – Это что, действительно можно пить?

Эдельвейс пожала плечами. День за днем Сельма задавала ей один и тот же вопрос, а она терпеливо на него отвечала.

– Синтезатор пищи способен мгновенно создавать любые атомные структуры. Синтетическая копия полностью имитирует натуральный продукт...

...Когда Эдельвейс переехала в усадьбу, она, с молчаливого согласия Сельмы, начала переделывать интерьеры на свой лад.

– На этой веранде хорошо бы смотрелся столовый гарнитур в стиле ренессанс, – задумчиво сказала Эдельвейс, впервые увидев выходящую на юг веранду с обшитыми досками стенами. Сельма была не против: новшества ее вполне устраивали. Она не возражала даже против современной клеенки с анимированным рисунком.

Однако вид горничной, разряженной в роскошный наряд придворной дамы эпохи позднего ренессанса, неизбежно вызывал у ней острое чувство собственной неполноценности.

– В этом доме горничная похожа на леди больше, чем сама леди, – недовольно проворчала леди Сельма Акка, окинув критическим взглядом свое домашнее серое платье и рабочий передник с накладными карманами.

– Могу перепрограммировать интерфейс. Например, можно создать интерфейс в виде неряшливой бомжихи в лохмотьях и со спущенным чулком... Или в виде сервировочного столика на колесиках, который будет сам выкатываться из коридора на кухню... – пожалала плечами Эдельвейс, одетая в небрежно запахнутый бордовый атласный халат с широкими рукавами и поясом, завязанным бантом. Именно такие удобные и практичные домашние вещи она предпочитала всем остальным, и в отличие от Сельмы, никогда не комплексовала по поводу своего внешнего вида.

Дополняли наряд Эдельвейс богато инкрустированные стразами босоножки из прозрачного, украшенного гравировкой пластика – изящная разновидность столь популярных в сельской местности пластиковых тапочек, разнообразные модели которых были в изобилии представлены на прилавках всех сельских рынков.

Прозрачные босоножки были собственным произведением Эдельвейс, ее авторской работой. Вообще-то она не собиралась заниматься моделированием обуви, но у одного из роботов в усадьбе «Темные Ели» треснули пластиковые тапочки. Покупать у фирмы-производителя такие же новые было весьма затратно, и Эдельвейс решила изготовить новую обувь для робота самостоятельно. Вот тут-то и выяснилось, что даже небольшое расхождение с фирменным изделием по форме и весу оказывает влияние на кинематику робота. В тапочках, смоделированных Эдельвейс, робот шаркал по земле ногами, цеплялся за траву и вообще был очень неустойчив. Эдельвейс сразу вспомнился рассказ о Левше, подковавшем блоху... История повторялась! Долго же ей пришлось возиться с тапочками для робота, прежде чем они перестали нарушить его балансировку!

Зато в процессе работы над тапочками для робота Эдельвейс создала массу интересных по дизайну моделей, которые потом подогнала под свой размер, распечатала и носила сама. В том числе и босоножки. Она сама разработала дизайн модели, сама синтезировала материал, чисто внешне действительно напоминающий хрусталь, только упругий и эластичный. Она отрешенно подумала, что если бы сказочной Золушке подарили туфельки из такого материала, все решили бы, что туфельки сделаны из хрусталя. Хрусталь тогда уже был известен, пластик – нет.

– Хрустальные башмачки фея-крестная подарила? – отпустила дежурную шутку Сельма, увидев прозрачные босоножки впервые.

– Фея никак не может быть крестной, так же как крестная – феей. Эти понятия- «фея» и «крестная» – явно несовместимы: крестная просто обязана быть верующей христианкой, но чтобы христианка в открытую практиковала магию! Инквизиция отправила бы ее на костер, – пожалала плечами Эдельвейс.

...Этим утром выпуск новостей начался со срочного сообщения.

Эдельвейс и Сельма одновременно повернули головы к терминалу.

Многофункциональный настольный терминал размещался на кухонном столе, в простенке между окнами, выходящими в сад, но более удобного места для терминала на кухне не было. Терминал, способный функционировать в разных режимах, сейчас работал в режиме стереовизора.

Молодая корреспондентка начала бодрым тоном:

– Сегодня ранним утром в Нижнеклонском порту имело место необычное происшествие. Вот что зафиксировали камеры слежения, установленные на пирсе...

Эдельвейс насторожилась: порт находился всего в нескольких километрах от усадьбы. С удвоенным вниманием она уставилась на экран.

Уютная светлая веранда, выполнявшая роль кухни, выходила окнами на юг, поэтому этим ясным утром она была залита солнечным светом. Смотреть на стереоизображение против света, тем более немного сбоку, под углом, было не совсем удобно, изображение выглядело бледным на фоне солнечных лучей, лившихся из окон, но другого места для размещения терминала на кухне не было.

На экране возникла стереокартинка. Видно было, что съемка производилась ранним утром: небо на востоке наливалось предрассветной желтизной, отражаясь в спокойной в этот час поверхности моря Нево и окрашивая в охристые тона верхний диск стоящего на рейде огромного звездолета стального цвета.

Звездолет горел. Из иллюминатора клубами валил белый дым. Клубящаяся дымка стремительно растеклась вдоль борта и в считанные мгновенья достигла поверхности воды, заполнив собой все пространство. Казалось, корабль заволокло туманом. Дым не поднимался вверх, а опускался к поверхности воды, растекаясь по поверхности.

Эдельвейс даже приподнялась со стула, чтобы получше рассмотреть происходящее.

В кадре опять возникла молодая корреспондентка.

– Вот что рассказывает очевидец события ... – начала она бодрым тоном.

На экране возник немолодой мужчина в темной куртке.

– Я как раз был на ночной рыбалке...

– Ага, – цинично усмехнулась Сельма, – мирный имперский рыболов...

Эдельвейс понимающе улыбнулась.

Именно под рыболовов маскировались имперские контрразведчики. И не только они... Контрабандисты тоже любили изображать из себя рыбаков.

– Я не знаю его, – продолжала Сельма, кивнув на рыбака. – То ли он какой-то новенький, то ли вообще не из наших. Возможно, из контрразведки. То-то крутился рядом с американским звездолетом.

Эдельвейс кивнула: мнению Сельмы можно было доверять. Рыбак тем временем продолжал рассказ.

– Я сначала подумал, что это дым, но дымом и не пахло. Я почувствовал неладное, когда заметил, что этот дым припорошивал воду подобно легкому снегу. Когда клубы достигли моей лодки, тончайший белый порошок осел на резиновых бортах... Я в свое время служил в армии и сориентировался быстро...

Камера зафиксировала, как, отчаянно ругаясь, рыбак вздрогнул, бросил удочку, схватился за весла и начал стремительно грести в сторону берега.

И в это время глухой взрыв раздался в недрах звездолета и из приоткрытого иллюминатора вырвались языки пламени. Рыбак успел прыгнуть за борт за долю секунды до того, как вспышка объемного взрыва охватила клубящуюся белесую дымку, полыхнул огонь... Скрежет... Глухой хлопок, мгновенно распространившийся по воде, заставил любопытных нерп, дежуривших возле звездолета в ожидании подачек, мгновенно уйти под воду.

Завыли сирены, сработала звуковая сигнализация на пирсе... Где-то залаяли собаки.

– Говорила же я, взорвут они нас когда-нибудь, – поддев на вилку очередную кильку, Сельма Акка ткнула ей в сторону терминала, едва не проткнув стереоизображение.

Эдельвейс хмыкнула.

Звездолет как будто висел в воздухе над столом. Копоть покрывала его серебристый борт. Пронзенная зубцами вилки насквозь, килька смотрелась на фоне морского пейзажа со звездолетом как акула мегаладон, поддетая на трезубец.

– Смотри, пропорешь ему брюхо, – усмехнулась Эдельвейс, когда вилка оказалась в опасной близости от стереоизображения звездолета.

– Никогда не доверяла этой импортной технике, – пробурчала Сельма, и было непонятно, какую технику она имеет в виду: multifunctional терминал или звездолет.

Эдельвейс привстала и потянулась за чайником.

– Устраивать космопорт вблизи жилого массива... – Сельма тоже налила себе чаю. – Знали же все, что это плохо закончится! Хорошо еще, что Парадизский порт принимает только круизные лайнеры, а не звездолеты! Ничего хорошего, когда летающие тарелки приводняются чуть ли не под окнами!

– Ага, а еще иностранные граждане, пачками бегущие со своих звездолетов, чтобы получить политическое убежище в Империи, – согласно кивнула Эдельвейс. В этом вопросе она разбиралась неплохо.

С тех пор, как был открыт принцип перемещения во времени, все развитые страны создали сеть собственных межвременных порталов. Однако мощность таких порталов была невелика и не позволяла объектам крупнее человека проникать в прошлое глубже, чем на несколько тысяч лет. Для перемещения звездолетов в прошлое на миллионы лет не хватало энергии. Но даже если бы энергии хватило, любой техногенный объект просто перестал бы существовать в момент перемещения в нижележащее время. Но Секретная Федерация предложила Империи помощь в строительстве мощного портала, а также свои технологии для создания звездолетов в нижележащем времени.

Единственным условием создания межвременных порталов было то, что они размещались там, где большие массы воды двигались по окружности. Море Нево для этого подходило идеально. И вода в нем была пресная, что было немаловажно для корпуса и двигателей звездолетов и лайнеров. Вот поэтому море Нево и было выбрано для создания столь мощного портала. Второй портал было решено создать в гавани Парадиза.

Размеры и мощность Парадизского и Нижнеклонского межвременных порталов позволяли перемещать круизные лайнеры и звездолеты в далекое прошлое, однако из соображений безопасности Парадизский порт звездолеты не принимал.

Одна из квартир, принадлежащих семье Акка, находилась как раз возле Парадизского порта, и из западных окон открывался вид на гавань и круизные лайнеры на рейде. Лайнеры сильно портили вид закатного неба и мешали любоваться морским пейзажем. И это было не единственной проблемой...

Побеги иностранных граждан с круизных лайнеров и даже звездолетов не были редкостью. Как правило, эти люди сразу же обращались с просьбой предоставить им в Империи политическое убежище, и в подавляющем большинстве случаев эта просьба удовлетворялась.

Камера опять крупным планом показала незадачливого рыбака.

– Я, можно сказать, не пострадал, – продолжал он развивать тему. – А вот лодку мою унесло неизвестно куда. На ней, конечно, есть специальная метка, но поиск и буксировка стоят дорого. Оплатят мне американцы это мероприятие? А вместе с лодкой пропал и мой рюкзак с вещами. А удочка у меня была дорогая.

– Во-во, – кивнула на рыбака Эдельвейс, – он теперь под эту марку заявит, что удочка у него была антикварная, ручной работы и к тому же инкрустированная бриллиантами...

Сельма хмыкнула и согласно кивнула.

– Ну, если б он был гражданином Московской Федерации, скорее всего, так бы оно и было – и золото, и бриллианты. Но имперец... Теперь запросит за свое старье как за произведение искусства. Ничего, Америка – страна богатая, заплатят, не обеднеют.

Между тем ведущая продолжала:

– Напомним зрителям нашего канала, что звездолет США «Инвиктус» выполняет исследовательскую миссию в рамках совместного проекта Парадизской Империи и США.

– Совместный проект! – фыркнула Сельма. – Нужен Империи этот проект, как рыбе зонтик.

Сельма всегда следила за изменениями в международной политической обстановке и была в курсе всех важных событий. А через своих знакомых в порту она знала и то, о чем в новостях не говорилось.

Ведущая скромно умолчала о том, что, хотя проект и именовался совместным, участие Империи ограничивалось тем, что в состав экипажа были включены несколько человек с двойным гражданством.

Тейи не предоставили американцам технологий создания мощных межвременных порталов, однако американцы смогли договориться с имперцами. Имперские звездолеты успешно пользовались Нижнеклонским порталом, уходя в прошлое на миллионы лет и исследуя Солнечную систему. Назвав миссию исследовательской, а проект совместным и включив в исследовательскую группу нескольких специалистов с двойным гражданством, американцы получили право пользоваться этим порталом для перемещения в прошлое боевого звездолета. Изготовленного, конечно же, при помощи Секретной Федерации и с ее ведома.

Ведущая бодро тараторила:

– Не всякий звездолет способен двигаться в различных средах: раньше огромные звездолеты гордо парили в открытом космосе, но не могли приземляться, а тем более приводняться на поверхность планеты. «Инвиктус», звездолет класса «Первопроходец», способен передвигаться в различных средах. Создание подобного звездолета было обусловлено тем, что для прохождения через межвременной портал звездолет должен перемещаться в водной стихии подобно океанскому лайнеру. При необходимости «Инвиктус» способен также двигаться под водой подобно подводной лодке.

– Еще бы боевой звездолет не мог двигаться в различных средах, – проворчала Сельма Акка, намазывая масло на хлеб.

В боевых звездолетах она разбиралась особенно хорошо, черпая свои знания из романов под грифом «фантастика».

Ведущая продолжала:

– В рамках исследовательской программы предполагается...

– Как же, исследовательской! – издевательски усмехнулась Сельма Акка. – Видела я этих исследователей, когда они выходили в увольнительную! Военная выправка...

Высокая, стройная и прямая, несмотря на возраст в семьдесят с лишним лет, Сельма знала, о чем говорила.

Тем временем ведущая продолжила репортаж:

– Сегодня рано утром частицы белого порошка были направлены на анализ в химическую лабораторию. Исследование не выявило следов взрывчатки. Капитан звездолета «Инвиктус» Джон Кеннет уже дал объяснение случившемуся...

На огромном студийном мониторе возникло изображение молодого мужчины в форме капитана первого ранга американских ВКС. Было видно, что капитан Кеннет связался со студией прямо из конференц-зала «Инвиктуса».

Говорил он по-английски, медленно и спокойно. Автопереводчик четко переводил каждое слово.

– Происшествие было вызвано тем, что на камбузе вышел из строя синтезатор пищи. В результате разорвало рукав, которым синтезатор был подсоединен к машине. Мука, поступавшая в рукав под давлением, начала заполнять камбуз, а затем мучная пыль вырвалась через иллюминатор наружу. Случайно возникшая искра вызвала взрыв мучной пыли. Мы приносим извинения всем пострадавшим и готовы возместить им ущерб, нанесенный в результате инцидента на борту «Инвиктуса».

– Ага, случайность! Если не техническая неисправность, так диверсия, – пробурчала Сельма, указав вилкой на экран. – Вот когда я была молодой, в смутное время...

Готовая от избытка чувств пуститься в воспоминания о своей боевой молодости, Сельма, обманувшись изображением соблазнительно спелого помидора, ткнула в скатерть вилкой да еще и полоснула ножом. Эдельвейс сокрушенно покачала головой и подумала, что придется заменить изображение овощей на скатерти на простой геометрический орнамент.

Взяв со стола свою чашку с чаем, Эдельвейс через веранду вышла на южное крыльцо. Чай она предпочитала пить, сидя на этом крыльце на кресле-качалке, с которого открывался вид на живописно разросшийся терновник и высокую черемуху в полном цвету. Однако насладиться созерцанием пейзажа в одиночестве ей не удалось: в дверном проеме веранды, примыкающей к крыльцу, бесшумно материализовалась высокая фигура в длинном темно-зеленом платье и черной шляпе с высокой тульей. Эдельвейс вздрогнула, заметив краем глаза человеческую фигуру: она сама так и не смогла привыкнуть к тому, что голографические программы меню «Горничная» и «Секретарь» настолько человекоподобны. Как только на электронную почту приходило очередное сообщение, «Секретарь» извещала ее об этом своим появлением в голографическом режиме и передавала послание электронной почты, отображенной в виде тактильной голограммы конверта. Эдельвейс подумала, что, наверно, стоит изменить интерфейс программы «Секретарь» и настроить его в виде птицы, или животного, или любого неодушевленного предмета, с которым она, как пользователь, в состоянии будет вести диалог...

– Вам послание, миледи, – произнесла программа меню «Секретарь», представленная в образе молодой женщины в темно-зеленом платье, мелодичным, хорошо поставленным голосом.

Приблизившись к сидящей на кресле Эдельвейс, она подала ей на серебряном подносе конверт. Эдельвейс тяжело вздохнула и, поставив недопитую чашку на перила крыльца, взяла в руки конверт.

– Очередной заказчик, – крикнула она Сельме и помахала раскрытым конвертом. – Просит о срочной личной встрече...

– И? – протянула Сельма.

– Вообще-то я личные встречи незнакомым людям не назначаю, но учитывая его высокий чин и другие обстоятельства...

Сельма кивнула понимающе.

– В общем, назначу ему через час, здесь, в усадьбе.

– И кто же он такой?

– Да ты его уже видела сегодня утром!

– Что?..

Эдельвейс нетерпеливо кивнула в сторону терминала. На лице Сельмы отразилась мучительная работа мысли, но, когда она поняла, о ком идет речь, глаза ее блеснули от радости. И Эдельвейс поняла, что любившая общество и вечеринки Сельма не упустит случая превратить деловую встречу в торжественное мероприятие и встретит гостя во всеоружии – разодетая, как на великосветский прием.

Эдельвейс окинула критическим взглядом веранду: в углу возле двери, ведущей на южное крыльцо, выходящее в сад, висели дождевики, а на полу у стенки стояла целая коллекция разноцветной пластиковой обуви всех моделей – от тапочек до утепленных башмачков, незаменимых при работе в саду. Некоторые из этих моделей Эдельвейс распечатала на принтере сама. Легкая, непромокаемая обувь идеально подходила для тех, кто бывает на природе в любую погоду.

Однако перед приходом клиента-заказчика плащи и обувь с веранды следовало убрать, но с этой задачей справятся роботы.

Роботов в доме был явно избыток. Ростом с семи-восьмилетнего ребенка, они обладали примерно такой же физической силой, вполне достаточной, чтобы выполнять простые

работы по дому – подметать пол, чистить ковры, застилать постели, приносить и подавать определенные вещи. Они умели отвечать на простые вопросы, а интеллект их соответствовал уровню развития трехлетнего ребенка, хотя мелкая моторика была развита не в пример лучше. Роботы не нуждались в теплом помещении, поэтому их можно было держать даже в тех помещениях дома, где температура была значительно ниже нуля градусов. Они не занимали много места, поскольку, задвинутые в кладовку, могли стоять, плотно прижатые друг другу.

В повседневной речи их называли роботы, причем во множественном числе ударение, вначале ставившееся на первом слоге, постепенно перекочевало на второй слог, а буква «о» в первом слоге стала произноситься как «а».

И, поручив роботам уборку веранды, Эдельвейс приступила к более важным делам: перед деловой встречей следовало привести себя в порядок и переодеться.

Кеннет предусмотрительно припарковал аэрокар возле моста через Малый канал, а сам, чтобы не привлекать внимания, вошел на территорию усадьбы через маленькую угловую калитку, выходящую в лесополосу прямо у Петровской дороги. Про эту калитку ему сообщила сама Эдельвейс, когда он связался с ней через ее личную страничку в социальной сети. Пройдя по тропинке мимо небольшого магазинчика сувениров и водоема, Кеннет подошел к центральному строению усадьбы.

Сельма Акка, в длинном кардигане из плотной черной ткани, напоминавшей бархат, с отделкой из широкой золотистой тесьмы со спиралевидным орнаментом, встретила его на крыльце особняка. Застегнутый только на верхние пуговицы, распахнутый кардиган позволял видеть длинное платье из блестящей оливково-золотистой ткани.

Пожилая леди проводила Кеннета на веранду, на которой в семействе Акка было принято принимать важных, но пока малознакомых клиентов.

– Прошу вас, присаживайтесь...

Обитые черной кожей объемные приземистые кресла с «дутыми» спинками и подлокотниками занимали большую часть пространства вытянутой в длину веранды. Свет падал откуда-то сверху, из арочных окон. Было ощущение, что они находятся в подвале, хотя Кеннет понимал, что этого просто не может быть.

Он с удивлением рассматривал облицованную диабазом стену: будучи прочней и долговечней гранита, диабаз был незаменим для мощения дорог, облицовки туннелей, надводных и подводных частей мостов, но Кеннет впервые видел, чтобы диабазом облицовывали стену в жилом помещении.

... -А вот и моя внучка, Эдельвейс Акка!

Она появилась внезапно, возникнув, словно из воздуха – девочка лет тринадцати, как подумал вначале Кеннет. Худощавая, небольшого роста, Эдельвейс Акка выглядела подростком.

Войдя, по-видимому, со стороны расположенного у северной стороны коттеджа сада, она остановилась на фоне облицованной крупными блоками черного диабазом стены. В левой опущенной руке она несла большую ветку цветущей черемухи, крупные белые султаны которой, влажные от росы, источали дурманящий аромат.

Перехваченные алой лентой, как диадемой, пышные темно-русые волосы падали Эдельвейс на плечи. Длинная челка с пробором на две стороны обрамляла светлое овальное личико, казавшееся еще более светлым на фоне темной стены. Распахнутый длинный кардиган из темной блестящей ткани с расширенными в плечах рукавами и отложным широким воротником из белых кружев, надетый поверх светлой блузки, позволял видеть две нитки крупных бус из гематита на груди Эдельвейс.

На левом боку девушки на широкой голубой ленте, перекинутой наискось через грудь, висела плоская прямоугольная матерчатая сумка. Робот в виде русской псовой борзой вертелся у ее ног, норовя обтереть свою влажную от росы шкуру об ее светлые брюки-юбку из гофрированной ткани. Небрежным жестом отослав робота, Эдельвейс села в кресло напротив Кеннета.

– Итак, что же у вас за проблема? – тон Эдельвейс был подчеркнуто вежливым и деловым.

– Вы моделлер-фрилансер? – на всякий случай уточнил Кеннет: не то, чтобы он не знал этого, но внешний вид Эдельвейс Акка удивил его. До сих пор Кеннет видел ее только на снимках и не ожидал, что в жизни она будет выглядеть совершенно иначе. И дело тут было не в чертах лица или пропорциях фигуры, дело было в самом облике: ее внешний вид шел вразрез с его представлением о том, как должен выглядеть профессиональный высококлассный моделлер.

– Разумеется, – с легким удивлением кивнула Эдельвейс. – Так что вы хотели бы заказать?

– Дело в том, что у нас вышел из строя синтезатор пищевых порошков...

И Кеннет вкратце объяснил суть проблемы.

Выслушав Кеннета, Эдельвейс нахмурилась.

– Поверьте, не было бы ничего проще, только... Я не знала, что речь идет о работе на выезде. Официально я оформлена на работу в отдел техподдержки Сектора хроноопераций Имперской Государственной Комиссии по урегулированию конфликтных ситуаций, выходящих за рамки существующего законодательства, и согласно договору, который я подписала, я не могу выполнять заказы на иностранной территории, каковой является также и территория иностранных звездолетов. В общем, в данном случае вы должны подать официальный запрос по моему месту работы, и вот тогда, если мне дадут разрешение на работу на иностранной территории, я смогу взять ваш заказ. А пока...

Она развела руками и поднялась с кресла, давая понять, что аудиенция закончена.

Эдельвейс не удивилась, что Кеннет обратился к ней напрямую: многие заказчики договариваются с моделлерами напрямую, чтобы те не были вынуждены платить налоги. Но в данном случае речь шла не только о налогах.

Иностранец, который хочет, чтобы она выполнила работу на иностранной территории!

Эдельвейс была в раздражении – ведь если Кеннет обратится в Храм Немезис, как аллегорически называется Имперская Государственная Комиссия по урегулированию конфликтных ситуаций, выходящих за рамки существующего законодательства, то привлечет к ней внимание имперской контрразведки – они обращают внимание на тех, кто официально сотрудничает с иностранцами. Эдельвейс искренне надеялась, что разрешения на работу на иностранном звездолете ей не дадут. В противном случае ей придется работать под пристальным вниманием имперской контрразведки...

– Заметила, как он косился на стену? – Сельма кивнула в сторону облицованной диабазом стены после того, как они с Эдельвейс проводили Кеннета до калитки и вернулись.

Эдельвейс кивнула. Это была ее идея – облицевать стену диабазом, крупные блоки которого она достала по случаю. Ей сказали, что этими блоками когда-то был вымощен проезд на территории знаменитой Апрашки и за долгие десятилетия использования блоки были отшлифованы миллионами ног. И в этом было что-то романтическое...

– Необычный интерьер всегда привлекает внимание, – пожала Эдельвейс плечами. — А не это ли основная задача дизайнера? Ручаюсь, он никогда не видел ничего подобного.

В этот день они с Сельмой обедали чуть позже обычного.

Когда они перешли к десерту, в дверном проеме материализовалась высокая фигура в длинном темно-зеленом платье. Приблизившись к столу, она подала на серебряном подносе конверт.

– Сначала – горничная, теперь – секретарь... – проворчала Сельма. – Я уже вздрагиваю!

– Привыкнешь, – пробурчала Эдельвейс, разворачивая конверт. — Я тоже не сразу привыкла, когда училась у тейи. Потом сама убедишься, насколько это удобно...

Эдельвейс просмотрела присланное ей сообщение, стараясь держать его так, чтобы Сельма не могла прочесть его содержание. Она опасалась, что это очередное послание от какой-нибудь фирмы, специализирующейся на оказании услуг по клонированию. С тех пор, как погибла Сельвия, эти фирмы, не заботясь о чувствах родственников погибшей, заваливали семью Акка своими рекламными проспектами, всерьез считая, что Сельма захочет клонировать свою погибшую дочь. Эдельвейс живо представила в доме младенца, которого она будет звать своей мамочкой. Конечно, фирмы, специализирующиеся на клонировании, содержат в нижележащем времени специальные пансионаты для подращивания клонированных детей, особенно если их родители находятся в преклонном возрасте и не могут ждать, пока ребенок достигнет совершеннолетия естественным путем... В этом случае между заказом на клонирование и получением от фирмы подросшего ребенка могло пройти от нескольких недель до нескольких месяцев, а потом в доме появилась бы восемнадцатилетняя копия Сельвии, которая звала бы Эдельвейс доченькой... Да-а, перспектива... Но это послание было вовсе не рекламкой от очередной фирмы.

Это было уведомление о том, что заказанная книга доставлена на почту на центральной площади.

– Времени-то впритык, в четыре они закрываются, значит, надо успеть раньше, – проворчала Эдельвейс, бросая письмо на стол. Она знала, что тактильная голограмма, если ее специально не сохранить, автоматически прекратит свое существование через несколько минут. И никаких проблем с утилизацией!

...Вот из-за этого письма с уведомлением она и вышла с территории усадьбы.

...План доктора Иеронимуса с самого начала вызывал сомнения у капитана Кеннета.

Найти специалиста, способного отремонтировать поврежденное оборудование, оказалось сложной задачей. Такого специалиста, чья кандидатура по всем параметрам устраивала капитана, удалось найти только в отделе техподдержки Сектора хроноопераций Храма Немезис, как аллегорически называлась Имперская Государственная Комиссия по урегулированию конфликтных ситуаций, выходящих за рамки существующего законодательства. Разумеется, в Парадизской Империи было достаточно специалистов, чтобы воссоздать уничтоженный артефакт, но капитан Кеннет по разным причинам отклонял предложенные кандидатуры, пока не выбрал именно Эдельвейс Акка. Он внимательно и придирчиво рассмотрел выложенные в сеть портфолио специалистов по трехмерному моделированию. И остановился на портфолио Эдельвейс. Нильсен, старший инженер «Инвиктуса», конечно, пожал плечами: зачем им высококлассный специалист такого профиля, достаточно было бы и кого попроще, но возражать не стал: капитану лучше знать, кого нанимать на работу.

С тех пор, как Кеннет связался с отделом техподдержки Храма Немезис, отправив на их электронный адрес просьбу прислать моделлера Эдельвейс Акка, которую в Храме звали сестра Теодосия, руководство операцией полностью взял на себя доктор Иеронимус. Переговоры с ним велись по видеофону. Он объяснил Кеннету, как следует действовать.

– А нельзя ли как-то попроще? – Кеннет был удивлен сложностью предложенного плана.

Доктор Иеронимус вздохнул. Иностранцы – они как дети, американцы особенно. Доктор Иеронимус понял это давным-давно.

– Вся проблема в том, что вы хотите, чтобы ваш заказ выполнил определенный модельер. Если бы вам было все равно... Но вы хотите, чтобы этот заказ выполнила непременно Эдельвейс Акка. Почему именно она, почему бы вам не выбрать другого модельера?

– Я ознакомился с ее портфолио в сети. Она – один из лучших модельеров. По ее работам видно, что она высококлассный специалист, – ответил Кеннет.

– Да, я тоже считаю, что Акка – наш лучший специалист-модельер... В смысле, лучший, что у нас есть, – важно заявил доктор Иеронимус. В своей длинной черной мантии с красной оторочкой, с расширенными к запястьям рукавами и капюшоном он выглядел очень внушительно. – Но вот это-то и плохо...

– Плохо? Что именно плохо? – удивился Кеннет: он решительно не понимал представителей Секретной Федерации.

– Она оформлена как сотрудница отдела техподдержки сектора хроноопераций Храма Немезис, а также по совместительству преподает моделирование трехмерных объектов на кафедре виртуальной симуляции предметов и явлений Парадизской педагогической Академии, а еще является и фрилансером. Если бы она не была высококлассным специалистом, ей бы редко перепали заказы, и она хваталась бы за любую работу. Но она, увы, специалист высокого класса. Высококласные специалисты-фрилансеры берут со стороны только те заказы, которые им интересны. А я не уверен, что ваш заказ будет ей интересен, – пояснил Иеронимус и покачал головой.

Американцы еще не поняли местной специфики... В результате широкого распространения в Парадизской Империи программ трехмерной графики, позволяющих моделировать самые сложные объекты материального мира, а также принтеров трехмерной печати, способных воспроизводить по виртуальным моделям практически любые атомные структуры, используя в качестве сырья разложенную на атомы любую материю, жизнь коренным образом изменилась. С такими технологиями отпала необходимость работать ради куска хлеба, пусть даже и с маслом. Зачем, если все это и многое другое можно бесплатно синтезировать по химической формуле? Бесплатные библиотеки моделей в сети предлагали богатый выбор виртуальных моделей синтетической пищи, одежды, предметов интерьера...

Секретная Федерация щедро делилась своими знаниями с имперскими специалистами, считая это своего рода гуманитарной помощью отсталым государствам, стоящим на низкой ступени технического развития. Продвинутое технологии начали широко внедряться в Парадизской Империи еще лет двадцать назад. Однако на подготовку специалиста-модельера уходят годы, и редко кто согласен учиться годами, чтобы научиться создавать что-то новое, тогда как в огромных каталогах библиотек бесплатных моделей можно отыскать практически все. Иеронимусу уже доложили, что у американцев проблемы: две дизайнерские фирмы уже отказались от заказа. А зачем им делать что-то новое, если можно предложить нечто из библиотеки моделей за ту же цену?

В такой ситуации с каждым годом было все сложнее найти работников. Работали только те, кому это еще было интересно: представители творческих профессий и те, кто маялся от скуки и при этом очень хотел чувствовать себя нужным и полезным другим. Представителей нетворческих профессий – уборщиков, техников, ремонтников было не найти днем с огнем. Роботы еще не были способны их полностью заменить. Поэтому за административные нарушения провинившихся посылали на общественные принудительные работы, но публика эта была ненадежная.

Понимая, что, когда высокие технологии получают широкое распространение в США, там будет аналогичная ситуация, правительство крайне осторожно внедряло в повседневную жизнь американцев полученные от Секретной Федерации технологии. А некоторые технологии вообще не спешило внедрять.

Иеронимус не стал объяснять этого Кеннету, так как тот и сам все понимал, а вместо этого сказал:

– У вас с самого начала было два пути – официальный и неофициальный. Вы могли бы связаться с Эдельвейс неофициально. Но, если бы ее не заинтересовал ваш заказ, она бы просто вам не ответила.

– Она ответила, и я даже встречался с ней, но леди Эдельвейс сказала, что у нее нет разрешения работать на иностранной территории, каковой является «Инвиктус».

– И после этого вы, абсолютно правильно, предпочли официальный путь, обратившись с предложением работы на электронный адрес отдела техподдержки Храма. Там ваше послание продублировали и отправили на ее электронный адрес на кафедре в педагогической академии. Как куратор факультета, я узнал об этом заказе, поступившем на ее имя. И, так как Ее Императорское Величество Эллина I повелела всячески содействовать вашему проекту, сделаю все возможное, чтобы Эдельвейс Акка подписала с вами контракт. И вот теперь следует сообщить ей лично о поступившем на ее имя заказе.

– Но разве недостаточно ее начальству из отдела техподдержки связаться с ней по коммуникатору? – Кеннет был крайне удивлен.

– Связаться можно, но это вовсе не значит, что леди Эдельвейс будет отвечать. А в вашем случае речь идет еще и о работе на выезде, на иностранной территории... Ее начальство должно будет оформить для нее особое разрешение, и только потом связаться с нею. А если рабочий день тем временем закончится, то по закону она имеет полное право не реагировать на послания, присланные с работы. А согласно нашему трудовому кодексу, нельзя привлечь сотрудника к ответственности за невыполнение служебных обязанностей, если нет доказательств, что данный сотрудник был поставлен в известность о необходимости выполнить эти самые обязанности. И если сотрудник не проверял свою почту в свободное от работы время, считается, что он не был поставлен в известность. А ведь сегодня уже четверг, а заказ у вас срочный! Завтра начнется уикэнд, и тогда она примет ваш заказ только в понедельник утром. Поэтому придется поставить ее в известность при личной встрече. Тогда Акка не сможет сказать, что не знала про заказ. А по условиям договора сотрудник отдела техподдержки не может отказаться от выполнения заказа, даже если узнал про него в нерабочее время. При этом безразлично, кто выступит в роли курьера, оповестившего сотрудника о поступившем заказе.

Кеннет нахмурился: он все больше запутывался, пытаясь понять странные имперские обычаи.

– Я бы, конечно, не стал сейчас тревожить леди Эдельвейс с принудительным предложением заказа, – продолжал доктор Иеронимус. Она приехала в усадьбу «Темные Ели» на похороны матери. Ее мать, Сельвия Акка, трагически погибла, разбившись на аэрокаре... Леди Эдельвейс в трауре. Однако ее Императорское Величество Эллина I повелела оказывать всяческое содействие вашему проекту, поэтому придется нарушить траур леди Эдельвейс.

– Мы хорошо заплатим. Можем деньгами, можем по бартеру...

– Волхвы не боятся суровых владык, а княжеский дар им не нужен... – пробормотал Иеронимус.

– Что? – Кеннет вопросительно уставился на Иеронимуса: автопереводчик не распознал тихо сказанной фразы и не смог ничего перевести.

– Эти владельцы усадеб – личности самодостаточные, – терпеливо разъяснял доктор Иеронимус. — Укрывшись за стенами своих имений, они могут сидеть в осаде годами. Пищевые синтезаторы есть в каждом доме, многофункциональные терминалы обеспечивают их развлечениями на любой вкус. Выцарапать владельца имения во время уикэнда из его логова – это все равно, что вытащить улитку из раковины. Придется как-то выманить леди Эдельвейс с ее территории. Могу предложить следующий вариант...

...Они припарковали аэрокар как раз за остановкой рейсового автобуса, чтобы его не было заметно с дороги. Припаркованный здесь аэрокар не выглядел подозрительным: рядом находился мост через Малый канал, и здесь парковались многие.

– Если припарковать аэрокар поближе, на линии, она может его заметить и насторожиться.

Припарковав аэрокар в указанном доктором Иеронимусом месте, они прошли немного вперед по обочине шоссе, отделенного от поселка неширокой лесополосой. Черемухи в полном цвету белыми факелами возносились по обеим сторонам вдоль шоссе, и воздух был пропитан их терпким и сладким ароматом.

От шоссе под прямым углом ответвлялись грунтовые дороги, которые здесь назывались линиями. Собственных названий линии не имели, только порядковый номер. Кеннет невольно вздрогнул, когда они повернули с шоссе на нужную линию и перед ними открылась перспектива: небрежно замощенная крупным щебнем и покрытая лужами цвета столовского какао грунтовая дорога напоминала вовсе не улицу жилого поселка, а аллею запущенного пейзажного парка. По обеим сторонам дороги возвышались высокие тонкоствольные березы, росшие по обочинам вдоль дренажных канав. Обочины заросли молодой порослью сныти, среди которой проглядывали яркие, как веснушки, одуванчики. А впереди по ходу виднелась шеренга огромных елей, довольно беспорядочно выстроившихся по обеим сторонам неширокой дороги, и, казалось, готовых сомкнуть над ней свои лапы.

– Вот возле тех елей, слева, и находится интересующая нас усадьба, – сказал Кеннету доктор Иеронимус.

Кеннет кивнул. Он с опаской поглядывал на лужи, прикидывая на глаз глубину, и старательно их обходил. Такое состояние дороги его не удивило: а зачем, собственно, ремонтировать дорогу, если аэрокару нипочем любое бездорожье, даже в наземном режиме это для него не помеха, аэрокар может передвигаться на посадочных опорах, а колесным транспортом в Империи пользуются крайне редко?

Досадливо отмахнувшись от комара, Кеннет отвлекся и едва не вступил в лужу. Старательно обходя лужи, он одновременно следил, чтобы невзначай не задеть молодую поросль сныти на обочине дороги: его предупреждали насчет энцефалитных клещей, особенно лютых в это время года. Клещи обычно подстерегали своих жертв в траве и на нижних ветках, поэтому лучше было вообще не приближаться к растениям, а держаться середины дороги. Конечно, все, кто сходил со звездолетов на берег моря Нево, пользовались противоклещевым спреем, но Кеннет сомневался, что клещи об этом знают.

Кеннета еще в прошлый приезд, год назад, предупредили о том, что в этом районе встречаются клещи – разносчики энцефалита, и он привез с собой спрей от клещей и москитов производства США. Фирма гарантировала полную защиту от разных кровососущих тварей, однако в Империи выяснилось, что местные зловредные москиты о серьезной репутации фирмы ничего не слышали, и вскоре Кеннета искушали так, что все лицо покрылось красными пятнами... Судовой врач поначалу даже подумал, что он подхватил какое-то инфекционное заболевание! Но, к счастью, обошлось. На этот раз новый судовой врач посоветовал купить спрей имперского производства.

– Уж они-то должны знать, как бороться с собственными кровососами! Можно, конечно, принимать специальные таблетки, изменяющие запах человека, так что он становится непривлекательным для насекомых, но я бы не советовал использовать их постоянно, – предупредил Кеннета доктор Кронин. Бывший врач отряда зеленых беретов знал, о чем говорил.

Кеннет последовал совету Кронина и теперь надеялся, что купленный им в хозяйственном отделе портового магазинчика спрей имперского производства, надпись на этикетке

которого гарантировала полную защиту от клещей и комаров, не подведет. По крайней мере, пока что местные москиты держались от Кеннета на некотором расстоянии.

Капитан подумал, что новый врач явно толковей предыдущего, ушедшего в отставку по выслуге лет: Кронин сразу же выдал всем членам экипажа обеззараживающие таблетки для воды. То, что местную некипяченую воду из-под крана пить нельзя, знали все, однако многим не приходило в голову, что нельзя также есть местную пищу, вымытую этой самой водой. Прежний судовой врач только разводил руками, когда вахтенные, наплевав на устав, то и дело поочередно убегали с поста в одно очень тихое и уютное местечко!

...Иеронимус с Кеннетом и Маккормиком заняли позицию на мостках возле ворот усадьбы, расположенной дальше по дороге за усадьбой «Темные Ели», по направлению к центральной поперечной линии. Из-за разросшегося кустарника стоящих на мостках людей не было видно с дороги.

Когда Эдельвейс со свитой человекоподобных роботов вышла из ворот «Темных Елей», направляясь на почту, Иеронимус и его подопечные, Кеннет и Маккормик, двинулись ей навстречу, преградив путь.

Капитан Кеннет молча рассматривал специалиста, которого он хотел нанять для выполнения заказа.

На этот раз Эдельвейс Акка выглядела совсем не так, как при их первой утренней встрече. Честно говоря, он бы даже ее не узнал, но доктор Иеронимус мог опознать ее в любом облике.

Овальное светлое личико обрамляли длинные волосы, на затылке свободно распущенные, а над ушами зачесанные наверх и собранные в пышный хвост ажурной серебристой, искрящейся стразами заколкой в форме бабочки.

Одета она была в короткую черную бархатную курточку с воротником-стойкой поверх белой блузки, в свободные брюки из темно-синего атласа с лампасами из белых и голубых узких полосок и остроносые лакированные полусапожки на небольшом каблучке.

Она стояла, скромно потупив глаза, как и подобает благовоспитанной гражданке Империи.

– Леди Эдельвейс Акка, один из лучших наших моделлеров, – представил Кеннету имперского специалиста доктор Иеронимус.

Эдельвейс вежливо кивнула.

– А это – капитан «Инвиктуса» Джон Кеннет и его старший штурман Ральф Маккормик, – Иеронимус по очереди представил американцев.

– Капитана Кеннета я уже имела удовольствие созерцать не далее как сегодня утром, – откликнулась Эдельвейс. Голос у нее был звучным, а интонация насмешливой. —А вот старшего штурмана вижу впервые.

Ральф Маккормик улыбнулся и церемонно кивнул ей.

– А теперь вы часто будете видеть их обоих, – подхватил доктор Иеронимус. – У капитана для вас есть работа... Он вам сам все объяснит, на «Инвиктусе». Сейчас вы с ним поедете на его корабль... Свиту, конечно, отведете домой – мы вас проводим.

– И с каких это пор мы начали обслуживать иностранных военных? – громко произнесла, не обращая ни к кому конкретно, Эдельвейс.

– Совместный проект, – развел руками доктор Иеронимус. – Ничего не поделаешь.

– Надо полагать, на почту мне идти уже не имеет смысла – сообщение было не от них, а от вас? – тихо спросила Эдельвейс у доктора Иеронимуса, вспомнив письмо, которое ей подали за обедом ее программа меню «Секретарь».

Иеронимус широко улыбнулся и стал похож на кота, слизавшего сметану.

– Поздно же вы догадались, леди!

– Ладно, -кивнула Эдельвейс, -только подгоните аэрокар к самой калитке: не хочу видеть любопытные физиономии соседей при виде меня, идущей по улице в компании американских военных... Справа-то домов нет, а вот слева еще три дома, и там у меня знакомые!

Повернувшись с видом оскорбленного достоинства, Эдельвейс махнула рукой роботам, и процессия прогулочным шагом тронулась в обратный путь- к воротам усадьбы «Темные Ели». Следом за Эдельвейс тащилась вся ее свита. Замыкающий шествие робот тащил на веревочке игрушку – лошадку на колесиках в выпученными белесыми глазами. Когда лошадка поравнялась с доктором Иеронимусом и американцами, она неожиданно открыла рот и громко и отчетливо сказала, ни к кому конкретно не обращаясь:

– Понаехали тут!

Но Кеннету показалось, что ее белесые, мертвенные, неподвижные глаза выразительно скозились в его сторону.

– Ну, мы сделали все от нас зависящее – нашли вам специалиста, – с довольным видом констатировал доктор Иеронимус, обращаясь к Кеннету. —Как только она загонит свиту на территорию усадьбы, хватайте ее и тащите на свой звездолет...

– И куда это вы ее? – у калитки внезапно нарисовалась Сельма Акка. Она, как всегда, была начеку и на страже интересов семьи. Видя, что дело плохо, она кинулась выручать внуку. —А поле под картошку кто копать будет, вы, что ли? -кивнула она на Кеннета. - Никуда Эдельвейс не пойдет, пока все не сделает!

Потом Сельма взглянула на Макормика и, безошибочно угадав в нем младшего по званию, тут же повернулась к Кеннету и предложила:

– Сдайте мне его в аренду вскопать поле под картошку, и тогда можете забирать Эдельвейс.

Сажать картошку на майские праздники было древней традицией, зародившейся задолго до возникновения Империи. Поэтому даже в конце 21 века, несмотря на изобилие продуктов и на пищевые синтезаторы, многие владельцы садовых участков продолжали по привычке сажать собственную картошку.

Кеннет пришел в замешательство: к своему стыду, он должен был признать, что, несмотря на насыщенную учебную программу, сажать картошку курсантов Академии ВКС США не обучали, и даже если бы он оставил Макормика для помощи пожилой леди, -а он бы его с удовольствием оставил, хотя бы для того, чтобы немного сбить спесь с адмиральского сынка, толку от того все равно было бы мало. Кеннет не мог знать, что на самом деле картошка была благополучно посажена еще неделю назад, просто Сельме было интересно посмотреть на реакцию американского капитана.

– Боюсь, что нельзя доверять столь ответственную работу людям, не обучавшимся этому в высших учебных заведениях, – вернувшаяся Эдельвейс выручила Кеннета из неловкого положения, про себя отметив, что при других обстоятельствах идея Сельмы по привлечению к сельхозработам американских военных была бы не так уж плоха.

Роботы с трудом справлялись с посадкой картошки: их силы с трудом хватало на то, чтобы перекопать хотя бы верхний слой почвы, поэтому Эдельвейс с Сельмой пришлось повозиться, прежде чем они как следует вскопали на дальнем конце участка небольшое поле под картошку. То, над чем они трудились полдня, сильный мужчина сделал бы за пару часов.

Кеннет принял слова Сельмы за чистую монету и чувствовал себя неловко из-за того, что отвлекал Эдельвейс от столь важной работы на огороде. И еще он подумывал о том, как бы поделикатнее выразить обеим леди соболезнования по поводу кончины Сельвии, так, чтобы это не выглядело слишком формально и бездушно.

– Вам очень повезло, капитан, что так быстро удалось заполучить специалиста, – преврал его раздумья доктор Иеронимус, – если бы в порту в этот момент случилась поломка

на звездолете, принадлежащем одному из русскоязычных государственных образований, специалиста отправили бы в первую очередь туда.

Кеннет кивнул. Он был очень благодарен доктору Иеронимусу за оперативное решение проблемы.

В порту находилось множество звездолетов, принадлежащих военно-космическим силам различных государств. За последние двадцать лет количество империи, федераций, альянсов и республик выросло неимоверно. Межвременные порталы позволяли создавать государства, в состав которых входили земли, расположенные на значительном временном расстоянии друг от друга. В результате государственные образования множились и росли, как грибы после дождя. И, конечно, Парадизская Империя, где русский был единственным государственным языком, в первую очередь отправляла специалистов на помощь представителям русскоязычных государственных образований.

Иеронимус вдруг внезапно резко окрикнул кого-то возле дороги:

– Кыш, тварюшка! – и повернулся к Кеннету. – Смотрите за своим штурманом: его уже почти утащили.

Только что старший штурман Ральф Маккормик, слегка отставший от остальных, проходил мимо, как он думал, подростка, сидевшего на каком-то бревне в кустах на обочине. И в этот момент подросток его окликнул и о чем-то негромко спросил. Маккормик ответил. Подросток протянул к нему руку, показывая какой-то предмет и еще что-то сказал... Маккормик сделал шаг в сторону кустов и не заметил, как отошел далеко в сторону, так, что его уже не было видно с дороги. Потом штурман не мог даже вспомнить, как же так получилось и о чем именно его спрашивали.

Дальнейшего он просто не помнил, а очнулся от окрика Иеронимуса, уже стоя среди деревьев лесополосы.

Еще немножко – и его увели бы..

А подростка и след простыл.

– Эдельвейс – воспитанница тейи Аиды, и у нее есть знакомые хэльфи: так вот один караулил тут возле дороги, – пояснил Иеронимус. – Сейчас бы вашего штурмана похитили, а вернули бы только после того, как вы отказались бы от заказа...

– Мистер Маккормик! – резко окликнул его Кеннет. – Был приказ – держаться вместе. Маккормик со смущенным видом подошел к капитану.

– Ваш штурман не виноват, – неожиданно звучным и властным голосом сказала Эдельвейс. – Человеку очень трудно противостоять ментальному воздействию хэльфи. Особенно если он сталкивается с хэльфи впервые.

– Это плохо, что он поддается на ментальное воздействие хэльфи, – доктор Иеронимус нахмурился и покачал головой. – Вашему штурману лучше не ходить одному. Правда, хэльфи не склонны к подобным трюкам, но если нужно выручить кого-то из друзей... Впрочем, не беспокойтесь, хэльфи никогда не причинят человеку вреда. В их понимании, конечно.

– Поиграют и отдадут, как говорится, – усмехнулась Эдельвейс, бросив на Маккормика быстрый взгляд.

По мнению Эдельвейс, Маккормик был слишком молод для должности старшего штурмана такого корабля, как «Инвиктус». Наверное, блатник...

– Держите ее, чтоб не убежала, – Иеронимус показал штурману на Эдельвейс.

Тот беспрекословно, с извиняющейся улыбкой подошел к ней и послушно взял за рукав: осторожно, но крепко. Почувствовав чужую руку, крепко сжавшую ее рукав, Эдельвейс вскинулась и бросила на штурмана предостерегающий взгляд, но потом опустила глаза – а чего, собственно, она так возмутилась... Ничего страшного. Она же не экспонат в музее, который нельзя трогать руками. К тому же он взял ее не за руку, а за рукав. И она скромно потупила глаза.

– Не надо понимать все так буквально, – обратился Кеннет к Маккормику, чуть заметно усмехаясь. Сын адмирала ВКС, воспитанный на военной дисциплине, Ральф Маккормик воспринимал любую просьбу вышестоящих чинов как приказ. – Я уверен, что леди Эдельвейс Акка никуда не исчезнет.

– На вашем месте я бы не был так в этом уверен, – пробормотал доктор Иеронимус.

Однако Маккормик послушно отпустил рукав Эдельвейс. Та отступила в сторону: она не любила, когда к ней прикасались.

– Зачем только вы выбрали этого моделлера? – вздохнул, закатив глаза, доктор Иеронимус.

Хотя что толку задавить этот риторический вопрос? Кеннет в очередной раз выдаст подготовленную версию, что, мол, видел ее работы на сайте в сети и был впечатлен ее мастерством. И Иеронимусу придется сделать вид, что он поверил. А на самом деле... Иеронимус ознакомился с его досье... М-да-а-а... Скорее всего, Кеннет заинтересовался Эдельвейс, когда впервые увидел ее на голографических снимках в каком-то светском журнале и захотел познакомиться... Воспитанница тейи, как же... К тому же она на редкость фотогенична. Хорошенькая мордочка, искусно подобранный наряд, наиболее выгодная поза для съемки... И при этом она еще и первоклассный моделлер!

...В свое время доктор Иеронимус тоже был впечатлен ее способностями, обратил на нее внимание и тем самым определил ее судьбу. Ему, конечно, не впервой было выступать в роли мецената и вытаскивать из передраг заинтересовавших его людей, чтобы использовать их способности на благо Секретной Федерации, а Эдельвейс оказалась даже способнее, чем он ожидал. На территории Секретной Федерации находили приют и убежище многие талантливые люди, чьей жизни угрожала опасность. Это были представители разных культур и разных слоев общества, у всех у них была своя жизненная философия и система ценностей, не всегда совпадавшая с системой ценностей самой Секретной Федерации. Адаптировать таких людей было чрезвычайно сложно, но такова была политика Секретной Федерации: каждый талантливый человек представлял собой огромную ценность, и ради этого следовало смириться с некоторыми особенностями его поведения.

Кеннет явно торопился откланяться, но Иеронимус предостерегающим жестом поднял руку.

– Нет-нет, я буду сопровождать вас до самого звездолета...

Доктор Иеронимус занял место в салоне аэрокара.

Кеннет быстро понял, чем вызвана такая предосторожность: дважды путь им внезапно преграждали деревья, росшие прямо посередине дороги, вынуждая их повернуть назад и двигаться в объезд, хотя по карте, введенной в бортовой компьютер, никакие зеленые насаждения на этом месте не были обозначены. И дважды Иеронимус устранял эту иллюзию.

– Если бы не мое сопровождение, вы бы до корабля не доехали, так и плутали бы тут бесконечно... И отказались бы от заказа по доброй воле, – объяснил он Кеннету.

Эдельвейс коварно усмехнулась.

– Еще не жалеете, что выбрали мою кандидатуру в качестве моделлера? – спросила она Кеннета.

– Наоборот, я вижу, что ваши таланты превосходят то, что я мог предположить, – откликнулся он. – И я даже начал подумывать еще об одном заказе...

Эдельвейс хмыкнула.

Вскоре они приземлились на территории Нижнеклонского порта.

При оформлении пропуска для Эдельвейс на КПП, устроенном перед технологическим мостом на «Инвиктус», возникла небольшая заминка.

Начальник службы безопасности «Инвиктуса», крепыш лет сорока пяти, небольшого роста, вводил необходимые данные в компьютер.

– Так... Пол – мужской... Ой, извините! – он бросил быстрый испытывающий взгляд на Эдельвейс.

Она усмехнулась. Не впервые ее, несмотря на миниатюрность, принимают за представителя сильного пола. К этому она привыкла еще с детства. Хотя сейчас, с такой прической и в этом наряде, принять ее за юношу было мудрено... Значит, есть в ней нечто... К примеру, аура, как у представителя сильного пола. Или... Или начальник службы безопасности просто куражится, проверяя ее реакцию.

Эдельвейс быстро заполняла анкету, выведенную на экран компьютера. Кеннет наблюдал за нею и начальником службы безопасности со стороны.

Напряжение возникло на уровне подсознания...

Воображение упорно рисовало картину – заснеженная поляна в лесу, хмарь, серый свет пасмурного зимнего утра, голые ветви деревьев, окружающих поляну...

Два хищника, два опасных хищника кружат друг напротив друга, выжидая удобного момента, чтобы вступить в схватку. Принимаются... Оценивая возможности противника, они не рычат, а только слегка приподнимают верхнюю губу, дышат почти бесшумно, осторожно переступая напряженными лапами...

– Вы не заполнили этот пункт, – начальник службы безопасности ткнул пальцем в экран.

– И каким образом я должна это заполнять? – Эдельвейс тоже ткнула пальцем в один из пунктов анкеты. В ее голосе слышалось возмущение. Кеннет заглянул через ее плечо.

Эдельвейс не проставила свой год рождения.

– В Парадизской Империи такого пункта в анкетах нет, – пояснила она. – И, к тому же, у нас нет возрастных ограничений при приеме на работу. Несовершеннолетние указывают, сколько оборотов нашей планеты вокруг звезды они прожили, совершеннолетние указывают только то, что они совершеннолетние.

Кеннета об этом предупреждали... Этот пункт из имперских анкет был устранен около десяти лет назад. Официально это объяснялось заботой о защите личных данных подданных Парадизской Империи: узнав дату рождения, любой злокозненный алхимик может нанести человеку вред.

А неофициально...

Согласно законам любого государства, совершеннолетним считался любой гражданин, достигший определенного возраста. В Империи, как и в большинстве государств, совершеннолетие наступало в возрасте 18 лет. Однако создание межвременных порталов создало серьезную проблему: как высчитать возраст человека, который в 16 лет пересек портал, ведущий в нижележащее время, и пробыл там два года, а потом вернулся в ту точку, из которой и начал межвременное путешествие? В этой точке времени ему еще 16 лет, но как же быть с теми прожитыми двумя годами? Фактически, такой человек – совершеннолетний, но юридически, согласно году рождения – нет. Вот поэтому такой пункт, как год рождения, в анкетах устранили, чтобы не привлекать к таким людям излишнего внимания. И эта проблема была не самой серьезной...

Безответственные опыты генных инженеров с геномом человека привели к тому, что во второй половине 21-го века начали рождаться дети, которые нормально развивались до определенного возраста, а затем их рост прекращался, и внешне они на всю жизнь оставались детьми, выглядящими на тот возраст, в котором они перестали расти.

Если развитие останавливалось в подростковом возрасте, такой человек по достижении восемнадцатилетнего возраста еще мог рассчитывать на то, что его признают совершенно-

нолетним, но если речь шла о «вечном» ребенке, который выглядел как младшеклассник или дошкольник...

Судьба таких людей была трагична. При том, что интеллект их в большинстве случаев вполне соответствовал интеллекту взрослого человека, их не признавали совершеннолетними и, соответственно, дееспособными. Держать таких людей в зависимости оказалось очень выгодно: почти полностью бесправные, они идеально подходили на роль вечных рабов. Каково было тридцатилетнему человеку жить в теле восьмилетнего ребенка в постоянной зависимости от желаний и капризов родителей или опекунов и не иметь возможности реализовывать свои собственные мечты и планы?

Империя решила этот вопрос самым логичным образом: если гражданин со стопроцентно сохранным интеллектом прожил ровно 18 оборотов планеты Земля вокруг своей звезды – Солнца, он автоматически переходил в разряд совершеннолетних граждан, даже если выглядел, как дошкольник.

Парадизская Империя была единственным государством, которая признавала таких людей полностью дееспособными.

Немудрено, что иностранные граждане, которых не признавали совершеннолетними и дееспособными у себя на родине, правдами-неправдами пробирались на борт лайнеров и звездолетов, идущих в порты Парадизской Империи, чтобы там, сойдя на имперскую землю, обрести наконец свободу.

Парадизская Империя предоставляла им убежище, несмотря на развернутую против нее кампанию травли и запугивания, несмотря на обвинения в похищении несовершеннолетних.

Для таких людей указывать свой истинный год рождения значило привлекать к себе ненужное внимание и рисковать своей безопасностью.

И это была еще одна серьезная причина, по которой пункт «год рождения» в анкетах было решено упразднить.

– И вот еще один пункт, который я не могу заполнить, – Эдельвейс указала на экран компьютера.

Это был пункт о семейном положении.

– Как я могу указать, состою я в браке или нет, если в Империи институт брака просто не существует? Как не существует и никаких других форм рабства. В Империи существует только контракт на совместное проживание. Поэтому, в какой бы графе этого пункта я ни поставила галочку, это не соответствовало бы действительности. Не хотелось бы начинать сотрудничество с умышенного предоставления заведомо ложных сведений.

Эдельвейс мысленно усмехнулась: будучи девственницей Храма Немезис, она, тем не менее, вполне могла бы заключить контракт на совместное проживание, так как этот договор, в отличие от старомодного брака, не предусматривал обязательных сексуальных отношений, хотя и не запрещал их... Если этот запрет не был специально оговорен при составлении договора.

Кеннет мысленно застонал. Начинается! Он выступил вперед.

– Думаю, что данные пункты анкеты являются несущественными... Будем считать, что анкета заполнена.

Эдельвейс не смогла скрыть торжествующей улыбки.

Начальник службы безопасности поднял сканер, проверяя Эдельвейс на наличие оружия... Сканер показал наличие во внутреннем нагрудном кармане металлического предмета.

– Что у вас там? – спросил он.

Эдельвейс распахнула курточку: во внутреннем кармане из защитного чехла высовывалась рукоятка скальпеля.

– Зачем вам это? – Кеннет был удивлен.

– Это- знак моего статуса, – гордо заявила Эдельвейс. —Я закончила Академию промышленного моделинга в Секретной Федерации и имею право на ношение скальпеля.

– Да, -подтвердил не без гордости доктор Иеронимус, – поскольку у них на эмблеме учебного заведения имеется скальпель, она имеет такое право. Эти правила распространяются и на имперские учебные заведения.

– А я-то думал, что скальпели используют только врачи, – Кеннет был крайне удивлен.

– Из этой Академии выходят и моделлеры широкого профиля, и врачи, и наемные убийцы, – усмехнулся доктор Иеронимус.-Представителей все этих профессий объединяет то, что все они обязаны хорошо знать анатомию.

– Моделинг – занятие многогранное. Нас учили не только создавать трехмерные виртуальные модели, но и рисовать, работать с различными пластическими материалами, делать гипсовые и глиняные отливки. Скальпелем очень удобно резать бумагу, глину, гипс, точить карандаши... Впрочем, могу оставить скальпель на КПП, если ваши правила безопасности не позволяют проносить его на корабль, – милостиво согласилась Эдельвейс.

– В этом нет необходимости, – улыбнулся Кеннет. —Оставьте скальпель при себе.

– Только не вздумайте угощать леди Эдельвейс спиртным, – на прощание предупредил доктор Иеронимус, пристально посмотрев на капитана Кеннета тяжелым взглядом. – Знаю я ваши обычаи...

– Ну, что вы, у нас сухой закон, – покачал головой Кеннет, подумав, что доктор Иеронимус явно путает американцев с кем-то другим.

Эдельвейс быстро отвернулась, чтобы скрыть усмешку: на самом деле она могла не опасаться, что ей что-то подмешают: вживленный в верхнюю губу детектор ядов мгновенно распознает любую отраву, а биофильтры быстро ее нейтрализуют. Этот детектор ей вживил сам доктор Иеронимус вскоре после того, как Аида привезла ее в свой замок!

Капитан Кеннет взглянул на Эдельвейс и сделал жест в сторону технологического моста:

– Прошу вас...

Эдельвейс бросила последний осуждающий взгляд на доктора Иеронимуса: если б не он, ей не пришлось бы браться за этот заказ.

– Ну, не обессудь... – развел руками доктор Иеронимус, обращаясь к Эдельвейс, – ты же знаешь условия контракта...

Повернувшись, он направился к выходу.

– Ничего-ничего, – прошипела ему вслед Эдельвейс, – я вам уже на мантию плюнула...

Дисковидной формы, с серебристо-серым корпусом из сверхпрочного сплава, «Инвиктус» был огромен. Эдельвейс поняла это, когда в сопровождении капитана Кеннета приближалась к люку звездолета, стоя на движущейся дорожке, проложенной по технологическому мосту.

Звездолет рос буквально на глазах. В его верхнем диске, вздымавшемся над водой подобно шатру, отражалось ярко-синее небо. По периметру корпус опоясывали иллюминаторы, расположенные высоко над водой.

Когда они приблизились к люку и борт «Инвиктуса» навис над головой Эдельвейс, она оказалась в густой тени.

Эдельвейс стояла на палубе боевого звездолета.

Отсек был разнесен взрывом.

Она попросила сразу проводить ее на камбуз, чтобы на месте осмотреть фронт работ. Эдельвейс окинула взглядом пострадавший камбуз: переборки выгнуты взрывом, пластик оплавлен... Взрыв был не слабый: камбуз был разворочен, вокруг царил полный разгром.

Под ногами хрустели обломки оплавленного пластика. Огромные кастрюли и миски, закопченные и искореженные, были составлены на одном из разделочных столов. Оплавленные пластиковые тарелки и разделочные ножи валялись возле стены, в спешке замеченные в угол. На одном из столов стоял оплавленный и деформированный пищевой 3D принтер. Робот-уборщик ползал по полу, периодически попадая под ноги техникам.

Когда-то белые стенные панели и трубы вытяжки под потолком, стальные разделочные поверхности и раковины были покрыты копотью. Возле отверстия, зияющего на месте иллюминатора, возились двое техников. Снятый иллюминатор, закопченный и, видимо, слегка погнутый, стоял в сторонке, прислоненный к стене.

В отверстие, зияющее на месте снятого иллюминатора, врвался свежий влажный ветер, виднелось ясное голубое небо и ажурная конструкция технологического навесного моста, стрелой уходившего в сторону берега.

...Работу свою я люблю, но работать ненавижу

Каждый раз, когда меня вызывают на работу, у меня внутри как будто что-то обрывается. Словно я выпадаю из этого мира. Я иду на дрожащих ногах. Никогда не знаешь, что там ждет... Каждый новый заказ – это как очередное испытание. Какое задание для тебя припасли? И каждый раз я испытываю страх: до сих пор я справлялась, но что, если именно в этот раз я не справлюсь?

Перед Эдельвейс на рабочей поверхности стола были аккуратно разложены детали поврежденного взрывом артефакта под названием «Волшебная мельница». На мгновение она испытала глубокое облегчение: принцип работы этого артефакта был ей знаком. На этот раз повезло. А ведь бывают ситуации, когда попадают всякие диковинки, устройство которых ей не знакомо. И неудивительно! Каких только чудес не бывает в жизни! Иногда встречаются такие вещицы!

В Храме Немезис целый отдел занимается тем, что регулярно отслеживает литературу и видео, в которых фигурируют те или иные волшебные предметы, даже самые диковинные. Сказка ложь, да в ней намек, как говорится... Не исключено, что именно в сказках сохранились воспоминания о некогда существовавших технологиях!

Эдельвейс попыталась выяснить, что же все-таки произошло на камбузе.

– Да я понимаю, что мука взорвалась, но меня интересует, отчего это произошло? Вы уверены, что нет следов взрывчатки?

– Кок подсоединил «мельницу» к тестомесильной машине, активировал артефакт и оставил без присмотра, не зная, что таймер на этот раз не сработает, и ушел, – излагал свою версию событий старший инженер. – Тем временем дежа тестомесильной машины переполнилась, а мука продолжала поступать. В результате разорвало рукав, которым артефакт был подсоединен к машине, и мука, выбрасываемая рукавом под давлением, начала заполнять камбуз. Когда кок вернулся, дверь в камбуз, как назло, заклинило. Пока возился с электронным замком, пока сообразил вызвать инженера, муки на камбузе уже скопилось порядочно, мучная пыль уже вырвалась через иллюминатор наружу. Наружные камеры слежения засекли странную дымку, служба охраны всполошилась, но пока сообразили, что к чему... Думали, что пожар, но датчики дыма не сработали. Никто и не подумал насчет муки! Тем временем вызванный коком инженер вызвал техника, начали вскрывать дверь с помощью инструментов, возникла искра и взрыв. А затем сдетонировали запасы порошка для пищевого 3D принтера.

Эдельвейс понимающе кивнула. Секретная Федерация не поставляла США удобные универсальные пищевые синтезаторы своего производства, в результате на звездолетах США использовались более примитивные технологии, включая тестомесильные машины, электропечи, микроволновки и принтеры трехмерной печати. Но они нуждались в запасах пищевых порошков. Однако на борт звездолета можно было взять только очень ограниченные запасы пищевого порошка. Но из этого положения можно было легко найти выход.

Зачем везти с собой запасы пищевого порошка, если можно купить артефакт «Волшебная мельница» – то есть синтезатор пищевых порошков, и не испытывать недостатка в порошковых смесях для принтера трехмерной печати? В то утро синтезатор был настроен на производство муки. Да только вот в этот раз синтезатор и не думал прекращать синтез. В результате мукой завалило весь камбуз... Только благодаря тому, что и кок, и техник во время взрыва находились в коридоре, а не на камбузе, оба отделались легким испугом.

Эдельвейс огляделась. Да-а, ремонт предстоит солидный. Современный камбуз на звездолете – это не кухня 19 века. Кругом встроенные приборы, техника, электроника.

Когда вытяжка перестала справляться с очисткой воздуха, мучная пыль проникла во все щели, выведя из строя высокоточную аппаратуру. Теперь техники размонтировали оборудование, пострадавшее от мучной пыли и последующего взрыва.

Обломки артефакта были разложены на отполированном до блеска участке разделочного стола.

– Откуда у вас этот артефакт? – спросила Эдельвейс, внимательно осмотрев обломки.

– Был установлен вместе со всем оборудованием камбуза фирмой, которая специализируется на поставках оборудования для камбузов звездолетов.

– Либо они получили откат, либо поставщик и сам нагрелся... Этот артефакт у вас – демоверсия, запрограммированная на включение определенное количество раз или на работу в течение определенного периода времени. А затем...

– Да-да, мы уже знаем, -с готовностью кивнул старший инженер.– Мы тут узнали, что можно не покупать новый артефакт, а заменить вот этот узел...

– Может быть, вашу деталь можно сосканировать? – осторожно поинтересовалась Эдельвейс. – Тогда бы вы сами напечатали ее, и все.

Эдельвейс все еще надеялась, что удастся отказаться от заказа.

Те заказы, для выполнения которых требовался высокий уровень мастерства, в Империи попадались редко, что, в общем-то, ее вполне устраивало: она предпочитала создавать свои, авторские работы. Или уж брать те заказы, выполнять которые было интересно. Этот заказ не только не позволял ей продемонстрировать свое искусство, он был ей еще и неинтересен.

Ни денег, ни славы... Именно так оценила эту работу высококлассный моделлер Эдельвейс Акка. Примитивный дизайн «Волшебной мельницы» не позволял ей в полной мере продемонстрировать уровень своего мастерства.

Если бы можно было от этого заказа отказаться...

Но старший инженер ее разочаровал.

– Это невозможно: часть детали разрушена. Ее-то и нужно восстановить. Чертеж вам выдадут, – штатный переводчик старался как можно точнее передавать слова американского инженера. Перевод был слишком ответственный, чтобы его доверили автопереводчику коммуникатора.

Эдельвейс начала делать замеры и сканирование обломков артефакта. Фронт работ она оценила с ходу. Работа была несложной, но муторной. Эдельвейс задумалась. Она была специалистом широкого профиля: умела моделировать практически все. Однако по этой ли причине капитан Кеннет решил доверить этот заказ именно ей?

А может, он слышал от кого-то благоприятные отзывы о ней? Эдельвейс не раз выполняла различные заказы людей, имевших то или иное отношение к звездолетам. Эти люди вполне могли входить в круг общения капитана Кеннета.

Если бы у нее был выбор, она не взялась бы за выполнение этого заказа. Будучи человеком обеспеченным, она имела возможность брать только те заказы, которые ей нравились, но на этот раз она не могла отказаться. С одной стороны, этот заказ был ей неинтересен, с другой стороны, ей было лестно, что для его выполнения выбрали именно ее.

Ее ценили, и это было приятно. Всегда приятно, когда тебя ценят. Внимание и восхищение — вот то, в чем нуждается мастер — а именно так можно назвать высококлассного специалиста любой профессии. Небольшая победа — это то, что необходимо. Пусть работа и нехитрая, но в очередной раз справиться с предложенным заданием — это победа.

И Эдельвейс в очередной раз собиралась доказать, что является лучшим моделлером отдела техподдержки Сектора хроноопераций Храма Немезис. И что капитан Кеннет не ошибся с выбором.

Она не знала, что выбор был сделан заранее, и вовсе не Кеннетом. Кеннет просто выполнял приказ.

— А почему у вас нету файла с трехмерной моделью? — спросила Эдельвейс. — Насколько я знаю, в корабельном компьютере хранятся трехмерные модели всех деталей корабля, чтобы их можно было восстановить в случае поломки.

— В корабельном компьютере — только модели деталей самого корабля, — пояснил старший инженер и протянул лист бумаги.

— Эта распечатка — чертеж модели.

Эдельвейс внимательно просмотрела чертеж и инструкцию и усмехнулась. Пояснительный текст инструкции был на английском языке. Они что, предполагали, что она понимает по-английски? Она действительно понимает, но американцам об этом знать не следует. И Эдельвейс направила на инструкцию луч сканера автопереводчика.

Однако Кеннет по выражению ее лица понял, что Эдельвейс и так понимает английский текст. Правда, насколько хорошо она понимает прочитанное, он судить не мог. Его предупреждали, что редко кто из имперцев владеет иностранными языками: эти патриоты не учат языки из принципа. Впрочем, американцы тоже не учили иностранных языков, поэтому Кеннет хорошо понимал имперцев.

Ошибку в чертеже она заметила сразу же. И тут же указала на нее инженеру.

— О, извините, — американский инженер ужасно смутился, — это получилось случайно.

В других обстоятельствах Эдельвейс поверила бы в случайность, но в данном случае... Похоже, ошибка была намеренной. Хотели выставить ее, имперского специалиста, недоучкой? Или это хитрая проверка? Или... саботаж? Правду ли говорит старший инженер, или... Интересно, это действительно случайность или часть заранее придуманной игры, или импровизация кого-то из членов экипажа?

— В сети брали? — с усмешкой спросила Эдельвейс, помахав в воздухе чертежом.

— Да-а, — протянул старший инженер, озадаченный ее тоном.

— Точь — в — точь как мои студенты... Те тоже думают, что в сети можно найти какие-то профессиональные секреты. Кто-то их будет учить бесплатно! Здесь перепутана последовательность действий создания этого артефакта, хотя все они сами по себе правильные. Но выполнять их нужно в другой последовательности.

— А вы знаете правильную последовательность?

— Разумеется, — кивнула Эдельвейс. — Можно забрать эти детали с собой? Работать я буду на своей аппаратуре у себя дома.

— Забирайте. Вам нужны все детали?

– Конечно. И лучше я сделаю вам новый артефакт, чем буду ремонтировать старый.

– Но создавать артефакт заново – это же дольше, чем восстановить одну деталь, – Кеннет нахмурился.

– Разумеется, однако в этой демоверсии могут быть еще сюрпризы. Лучше создавать свои артефакты, чем специализироваться на восстановлении чужих. Результат непредсказуем, а я ведь отвечаю за качество своей работы.

– Когда же артефакт будет готов? – озабоченно спросил Кеннет. – Когда сотня с лишним человек питаются сухими пайками... Можно на время заключить договор с местным кафе, но мне все равно нужно знать, на какой срок, – Кеннет изобразил нетерпение, хотя на самом деле такое развитие событий его очень устраивало, собственно, он и рассчитывал на то, что работа затянется.

Кеннет не стал говорить, что судовой врач предупредил его о том, что местные продукты и вода могут быть небезопасны для членов экипажа. Впрочем, Кеннет и сам хорошо это знал. Еще не хватало эпидемии на борту... Так что связываться с местным кафе Кеннет не собирался.

– Раньше, чем к послезавтра, не справлюсь, – предупредила Эдельвейс. —И это только сам моделинг. Затем нужно будет файл распечатать.

– Я слышал, что в Секретной Федерации используют другую метрическую систему... – встрял старший инженер.

– Программа позволяет вставлять единицы измерения по усмотрению пользователя. Дюймы, сантиметры, миллиметры... Правда, сразу могу сказать, что многие 3d принтеры путают сантиметры с миллиметрами, поэтому сантиметры в качестве метрической единицы не рекомендую. Или миллиметры, или дюймы.

– Сколько времени артефакт будут печатать? —озабоченно спросил Кеннет.

– Это зависит от того, где именно его будут печатать. Я могу отправить файл вам, могу в любую фирму по вашему усмотрению. Кроме того, у нашего отдела техподдержки есть собственные цеха, расположенные в нижележащем времени. Но, я полагаю, вы предпочитаете распечатывать вашу деталь в той фирме, услугами которой уже пользовались?

Разумеется, капитан предпочел бы. Ибо имел все основания подозревать, что на имперском производстве его деталь могут напичкать всякими недозволенными вложениями – от жучков до маячков. И его подозрения были не так уж беспочвенны.

Но, учитывая, что «Инвиктуса» были создан на заводе в Секретной Федерации и все, что надо, туда явно уже вложили, Кеннет пожал плечами.

– На ваше усмотрение.

– Тогда послезавтра я предъявлю вам виртуальную модель «Волшебной мельницы».

– Хорошо, послезавтра, в десять утра на «Инвиктусе», – кивнул Кеннет.

Назад в усадьбу Эдельвейс должен был отвезти старший штурман Ральф Маккормик.

Выйдя на пирс, Эдельвейс окинула взглядом акваторию —вдалеке за «Инвиктусом», у горизонта, почти на пределе видимости, дрейфовали «плавучие острова» – одна из местных достопримечательностей, привлекавшая туристов. И неиссякаемый источник тем для анекдотов...

...Несколько лет назад, решив заранее подготовить рекламные проспекты для имперских и иностранных туристов, какие-то умники из отдела туризма прислали фотографов на берег моря Нево в начале мая. Для съемок выбрали необычно теплый для этого времени года день. Стоял полный штиль, в лазурном небе над морем Нево лениво плыли легкие перистые облачка.

Фотомодели в бикини полулежали в шезлонгах на пляже, тянули через соломинку коктейли и демонстративно мазались солнцезащитным кремом. Море Нево уже почти полно-

стью очистилось ото льда, однако благодетную картинку портила только маячившая на горизонте крупная льдина. Сначала ее хотели просто замазать в графическом редакторе, затем решили отбуксировать в сторону, но потом придумали более оригинальный выход из положения. Льдину догадались сверху засыпать песком, а в просверленные во льду дырки вставить пластмассовые пальмы. Получилось нечто вроде тропического островка на горизонте. С большого расстояния все выглядело весьма достоверно, фотографии для проспекта получились впечатляющие. Идея понравилась, и ее было решено развить. Администрация Нижних Клонов заказала в фирме, специализирующейся на декорациях для фильмов, плавучие модели тропических островов. Несколько островов, каждый площадью несколько десятков квадратных метров, были спущены на воду моря Невы. Оснащенные двигателями, острова могли на малом ходу передвигаться по всей акватории и вставать на якорь в указанном заказчиком месте. Эти острова можно было брать в аренду, устраивать на них пикники, загорать, купаться и даже ставить палатки. Учитывая прохладный климат, каждый остров был оснащен собственным термогенератором. Плавучие острова пользовались популярностью у туристов... Единственное неудобство заключалось в том, что периодически приходилось их перегонять с одного места на другое, чтобы не мешать звездолетам двигаться к порту...

Идя по выложенному плитам пирсу, Эдельвейс заметила группу людей, столпившихся возле берега. Все они смотрели в сторону стоявшего на рейде звездолета «Мирный», принадлежащего Московской Федерации. Эдельвейс приостановилась, заинтересованная происходящим, и прислушалась.

– Лодку нашли в камышах у берега, недалеко отсюда, – услышала она. – А его удочку унесло под днище звездолета...

Эдельвейс поняла, что речь идет об имуществе незадачливого рыбака, героя утренних новостей.

– Американцы предложили отправить за удочкой ныряльщика из своего экипажа, но москвичи не позволили американцам подплывать под днище своего звездолета.

– Ну, еще бы! – усмехнулся кто-то.

В результате за удочкой отправился кто-то из экипажа «Мирного», явно специалист по подводному плаванию. Эдельвейс остановилась понаблюдать за мероприятием по извлечению удочки. Ныряльщик в гидрокостюме уже появился на поверхности воды с удочкой в руках. Высоко подняв свой трофей над головой, он помахал им в воздухе. В толпе на пирсе зааплодировали.

Когда, выбравшись на мелководье, ныряльщик снял маску, Эдельвейс с удивлением узнала в нем врача со звездолета «Мирный». Воистину, у некоторых докторов слишком много талантов! И, конечно, гидрокостюм последней модели! Хорошо, хоть маска не инкрустирована бриллиантами... Москвичи славились тем, что демонстрировали достаток при каждом удобном случае, причем зачастую делали это столь нарочито, что вызывали у людей раздражение. Показная роскошь во всем являлась отличительной чертой граждан супербогатой Московской Федерации. Конечно, Парадизская Империя ни в чем не уступала по части уровня жизни граждан, но у имперцев не принято было демонстрировать достаток публично и столь вызывающе.

Маккормик любезно улыбнулся, открыв перед Эдельвейс дверцу аэрокара. С тяжелым вздохом села она в аэрокар – не к лицу девственнице Храма Немезис садиться в аэрокар с малознакомым мужчиной! С хорошо знакомым, впрочем, тоже. Это было опасно... Для мужчины, конечно же.

За ужином Эдельвейс рассказала Сельме о новом заказе.

– Мне, конечно, лестно, что из всех моделлеров выбрали именно меня, причем по настоянию лично капитана «Инвиктуса» Джона Кеннета, – Эдельвейс знала за собой эту маленькую слабость – благоволить к людям, которые ценили ее способности, – но причины такого выбора я не понимаю. Для такой работы не нужен высококлассный моделлер. Кеннет мог бы выбрать кого попроще. К тому же мои расценки достаточно высоки... Обычный специалист среднего уровня обошелся бы американцам куда дешевле.

Сельма только пожала плечами.

– Возможно, капитан Кеннет по складу характера относится к перфекционистам. Таким подавай все самое лучшее... А возможно, он из тех мужчин, которые слово «нет» просто не воспринимают. То, что ты отказалась работать на выезде, просто его раззадорило. Он воспринял это как вызов, и... Однако клиент всегда прав. Пока платит, конечно же.

– Особенно если готов платить за копию примитивного артефакта -несложную разновидность пищевого синтезатора, -как за дизайнерское авторское изделие, – усмехнулась Эдельвейс.

– Возможно, он где-то видел тебя раньше. Например, на фотографиях в журнале «Мир усадьбы». Или на рекламных проспектах продукции завода Эдуарда Лациса... Ты же у нас теперь фотомодель, – чуть вызываяще усмехнулась Сельма.

– Что ж я могу поделать, если фотографы выбирают меня чаще других... Наверно, я фотогеничная, – пожала плечами Эдельвейс.

– Ага, худая и плоская... Типичная фотомодель!

Сельма Акка и сама всегда была худощавой, она не располнела даже в старости, но она была высокого роста. Эдельвейс ростом не отличалась и на роль модели на подиуме не годилась, но для фотомодели был важен не рост, а пропорции. Но фотографов, конечно, привлекали не столько ее пропорции, сколько стильные, а порой чересчур экстравагантные наряды, прекрасно сидевшие на ее стройной фигуре.

Сельма отхлебнула чай из чашки.

– Привлекательная внешность действительно значит очень много, к сожалению, даже больше, чем душевные качества человека или его интеллект. Некоторые мужчины предпочитают предоставить заказ понравившейся молодой женщине... В надежде на благодарность.

Эдельвейс возмущенно фыркнула.

– Ну и не забывай, что ты – леди Парадизской Империи. И к тому же— воспитанница и компаньонка тейи Аиды. Многие не прочь завязать знакомство с тобой только поэтому. Хотя бы просто из любопытства. Капитан Кеннет, возможно, не исключение.

– Будем надеяться, что причина значительно проще, – фыркнула Эдельвейс.-Просто этот Кеннет, видимо, как-то прознал, что я понимаю по-английски. И выбрал меня потому, что его инженерам будет легче общаться со мной, чем с теми моделлерами, кто по-английски вообще не понимает.

Сельма согласно кивнула. Да, это многое объясняло. Имперцы, как правило, не владели никакими иностранными языками, не видя в этом необходимости. Они и до появления автопереводчиков не тратили время на изучение иностранных языков, а уж после...

– Другой вопрос, как он узнал про мои познания в английском...

Эдельвейс погрузилась в раздумья.

...Появление первых межвременных порталов позволило людям заглянуть на сотни миллионов лет назад, в прошлое, и там, в далеком прошлом, они впервые столкнулись с необычной цивилизацией, представленной единственным государственным образованием, которое называлось Секретной Федерацией.

Первые порталы были маломощными, они были способны переместить в прошлое только одного человека, однако Секретная Федерация предложила свою помощь в строительстве более мощных порталов. Межвременных порталов у Секретной Федерации

не было, только пространственные, зато многие технологии значительно превосходили технологии человечества. В результате при поддержке Секретной Федерации была создана сеть порталов настолько мощных, что сквозь них могли проходить даже звездолеты. Тем самым было положено начало масштабным исследовательским проектам, а затем и межвременному туризму. Но именно это полностью изменило карту мира.

Когда из-за появления межвременных порталов возникло множество новых государственных образований и политическая карта мира полностью изменилась, Парадизская Империя оказалась в числе тех государств, чье правительство не отказывалось принимать в качестве гуманитарной помощи артефакты, изготовленные по неизвестным в Империи технологиям.

Секретная Федерация готова была поделиться многими своими технологиями, в частности, в области моделирования трехмерных объектов, представляющих собой белковые или кристаллические атомные структуры. И в спешном порядке Секретная Федерация адаптировала свои программы моделирования трехмерных объектов под потребности человечества. В Империи государственным языком являлся русский, однако, поскольку в Парадизской педагогической Академии обучались и иностранные студенты, некоторые терминалы на кафедре виртуальной симуляции предметов и явлений были укомплектованы программами на английском языке. Кто-то, должно быть, видел, что Эдельвейс легко управляется с англоязычной программой трехмерного моделирования. Как об этом узнали американцы, неясно, возможно, среди иностранных студентов были шпионы... Но вот теперь ей придется за это расплачиваться.

«Думаешь, мы не знаем, что ты понимаешь по-английски? – злобно прошипел в ее мыслях недоброжелательный голос, похожий одновременно на голоса всех ее коллег по работе. – Вот теперь ты и впредь будешь возиться с американцами!»

Эдельвейс представила, с каким подозрением на нее будут теперь коситься сотрудники храмовой службы безопасности: ведь одно дело, переговоры с иностранцами через автопереводчик, фиксирующий каждое слово, другое – личное общение. Кто знает, что она там наговорит американцам в неофициальной беседе? А у нее не будет никаких шансов доказать, что в действительности говорить по-английски она не умеет, да и понимает с трудом. И теперь она будет под подозрением и под наблюдением храмовой службы безопасности... Не было печали!

И это, между прочим, могло поставить под угрозу выполнение задания. Но кто же ее заложил? У них что, действительно шпионы на кафедре? От этой мысли стало совсем нехорошо. Да, похоже, кругом шпионы...

Голос Сельмы вернул Эдельвейс к действительности.

– А вот когда я была молодой и патрулировала эти земли с овчаркой... – поддев на вилку ломтик ветчины, Сельма приготовилась пуститься в воспоминания о своей боевой молодости.

Лихая контрабандистка, в молодости ходившая на катере в весьма рискованные рейды, а в смутное время, вследствие знаний и опыта, призванная в народное ополчение, и снова ходившая на катере, только теперь на десантном, Сельма приосанилась, а Эдельвейс приготовилась терпеливо слушать о героических подвигах бабушки по поимке шпионов и прочих темных личностей в смутные дни... И неважно, что на самом деле Сельма патрулировала не эти земли, а совсем другие, те, что лежали значительно севернее Нижних Клонов, возле западного берега моря Нево. Там, где у семьи Акка был еще один загородный дом.

... Тем домом семейство Акка владело уже в течении нескольких поколений.

Дом находился в поселке, расположенном к северу от Парадиза, недалеко от шоссе, рассекавшего поселок на две неравные части. Вдоль шоссе, в нескольких метрах от обочины, тянулась полоса длинноплодного шиповника, достигавшего высоты человеческого роста.

Шиповник служил в качестве живой изгороди, отделяющей картофельные поля от дороги. К дому от шоссе вела наезженная дорога, проходившая между картофельных полей.

Дом был развернут передним, восточным фасадом к склону горы. Со стороны заднего фасада, обращенного на запад, к шоссе, был разбит сад. С северной стороны дома простиралось большое поле, с южной стороны примыкавший к дому небольшой огород доходил до длинного одноэтажного строения. Этот барак под низкой двускатной крышей когда-то гордо именовался базой отдыха и использовался по назначению, но давно уже был заброшен. Между базой отдыха и шоссе располагался еще угольный склад. Больше никаких строений вблизи не было.

Такое удобное расположение и отсутствие соседей и определило дальнейший принцип использования дома.

Возвышавшийся над Реющим склоном дом был развернут передним фасадом к низине. В нескольких метрах от крыльца равнина обрывалась, уходя вниз крутым склоном, поросшим полевым разнотравьем. С гребня склона открывался захватывающий вид на затянутую сизой дымкой низину, в центре которой вздымался поросший соснами холм, у подножья которого с одной стороны между деревьев темнело небольшое озерцо под названием Лужа, а с другой стороны вдалеке за холмом блестела поверхность огромного Чайкина озера.

Именно в доме над Реющим склоном располагалась перевалочная база контрабандистов.

Эдельвейс вспомнился какой-то далекий день... Льет дождь... Шум дождя приводит ее почти в гипнотическое состояние...

Несмотря на дождь, наружная дверь почему-то открыта. Дверной проем обрамляет вид на затянутую сизой туманной дымкой низину, на поросший соснами холм, на исхлестанную дождем поверхность Чайкина озера. Эдельвейс стоит в дверном проеме, завороченная видом низины и шумом дождя.

Позже, когда она впервые увидела картину Луи Ленена «Семейство молочницы», она почему-то вообразила себе, что вот так могло бы выглядеть семейство контрабандистов, готовящееся к переходу границы. Почему при взгляде на мирное семейство в голову приходили мысли о контрабандистах, она не знала. Возможно, было в этой группе людей нечто такое... В их позах, пластике, выражении лиц... Ей казалось, что они стоят над Реющим склоном, тревожно вглядываясь с высоты в даль низины, куда собираются спуститься. В стоявшей на переднем плане девочке лет восьми Эдельвейс почему-то видела себя, возможно, потому, что в детстве очень хотела, чтобы у нее был такой же чепчик, как у этой девочки, и такая же коса, но таких чепчиков в продаже не было, а косу она почему-то так и не удосужилась отрастить.

Навьюченный ослик под деревянным седлом позже напомнил Эдельвейс тех вьючных роботов, на которых контрабандисты перевозили грузы по пересеченной местности. Стоящая рядом с осликом женщина внешне не напоминала Сельму Акка, к тому же в лице ее читалась усталость и безнадежность, но она была женщиной того же типа, что и Сельма: самостоятельной и решительной.

Она спускалась с горы на лошадях...

Сельма между тем в очередной раз рассказывала одну из самых ярких историй, приключившейся с ней во время службы в народном ополчении. О том, как она ночью в одиночку выследила и задержала двоих подозрительных личностей.

— Так вот я направила фонарик ему в лицо и говорю: что это вы тут ходите в темноте? А он отвечает: «Убери фонарь, чертова баба! Я начальник полиции, а это — мой заместитель!»

И, видимо потому, что это воспоминание вызвало у нее определенные ассоциации, Сельма без перерыва перешла к вопросам культуры:

— Давненько я не была в театре... Надо бы съездить в город на оперу или балет.

– Я бы тоже была не против, – поддержала ее Эдельвейс, равнодушная к вопросам культуры. —Только я люблю про шпионов...

– А, значит, балет «Гаянэ», -понимающе кивнула Сельма.-Это где по сцене бегают пограничники с собаками. Тебе понравится.

И она мечтательно задумалась. Должно быть, вспомнила молодость и свою служебную овчарку.

Несмотря на то, что в Нижних Клонах на центральной площади их района каждые выходные транслировались голографические записи различных спектаклей и концертов, все же это был только суррогат настоящего театрального действия. И, несмотря на полную реалистичность происходящего на сцене, действие отдавало какой-то фальшью. Все же голограммы —совсем не то, что настоящие, живые актеры.

– Возьми два билета, -попросила Эдельвейс.— Я вот тоже давным-давно хотела приобрести к настоящей культуре...

После ужина Эдельвейс поднялась в свой рабочий кабинет, интерьер которого Эдельвейс почти полностью скопировала с интерьера своего кабинета в замке Аиды – первого интерьера, оформленный ею самостоятельно. Скопировала и с небольшими нюансами перенесла в свой кабинет в имении «Темные ели».

Интерьер был выдержан в готическом стиле, стены облицованы панелями темного дерева с прорезями в виде четырехлистника-крестоцвета. Укрепленные для контраста на светлой подложке, прорезные панели расчерчивали стены крестообразным готическим орнаментом.

К стене напротив входа была придвинута консоль с резными ножками, а над ней висело большое прямоугольное, горизонтально расположенное зеркало в резной раме. Опытный взгляд распознал бы в этом зеркале настенный терминал, хотя на самом деле это был устаревшей конструкции портал имперского производства. Подобные порталы во множестве производились около пятнадцати лет назад и, прикрытые защитным экраном, использовались в качестве видеофонов.

А к боковой стене была придвинута большая, громоздкая лошадь-качалка, выполненная в готическом стиле. Темное дерево отливало матовым блеском. Спину лошади в качестве попоны укрывал гобелен.

В детстве у меня никогда не было лошадки-качалки. И дело было не в том, что мне не хотели ее покупать, нет.

Когда мы с мамой шли на почту проверять лотерейные билеты, которые она регулярно приобретала, я спрашивала ее: «А если ты выиграешь, ты купишь мне лошадку-качалку?» Не помню, чтобы она возражала против этой идеи, но только она никогда не выигрывала. Ни разу... А даже если бы и выиграла, все равно это ничего бы не изменило: в игрушечных магазинах лошадок-качалок в продаже не было.

Оставалась надежда на знакомых, которые умудрялись правдами-неправдами где-то доставать для своих детей этот предмет моих мечтаний. Когда дети знакомых вырастали, ненужная им теперь качалка могла «по наследству» достаться мне, но... Каждый раз, когда появлялась надежда заполучить в свои руки вожеленную игрушку, с фатальной неизбежностью происходило нечто такое, что делало невозможным обретение мною этого сокровища.

Свою первую лошадку-качалку, массивную и прочную, рассчитанную на габариты взрослого человека, я получила в подарок от Аиды вскоре после приезда в замок.

...Когда Аида впервые привезла Эдельвейс в свой замок и поселила в меблированной гостевой комнате, то предоставила в ее распоряжение также полностью пустое помещение с голыми стенами и полом, порекомендовав обставить его по собственному вкусу. Это было важным этапом обучения: облицовку стен, напольное покрытие, мебель и предметы инте-

рьера Эдельвейс должна была смоделировать и материализовать самостоятельно. Она предпочитала готический стиль. Позже она оформила в этом же стиле свой рабочий кабинет в особняке имения «Темные ели».

Аида уже поджидала Эдельвейс в кабинете.

– Присаживайтесь, – указала Эдельвейс на стулья с высокими спинками. Сама Эдельвейс устроилась за консолью в изящном кресле с прихотливо изогнутыми ножками и подлокотниками.

Аида придвинула к столу один из стульев, приподняв его за высокую спинку с очень кстати сделанным вырезом. Стул оказался на удивление легким для резного изделия из дерева – это была искусная имитация под древесину, выполненная из более легкого материала.

Усевшись за консоль, выполнявшую функции стола, рядом с Эдельвейс, Аида с интересом огляделась: в кабинете почти не наблюдалось смешения стилей, как в других интерьерах этого дома.

– Ну, что у них там в действительности случилось?

Эдельвейс вытащила пакет с поврежденными деталями и разложила их на поверхности консоли. Затем активировала свой коммуникатор.

Ее коммуникатор был многофункциональной моделью производства Секретной Федерации, для безопасности стилизованной под имперскую модель коммуникатора. У него было значительно больше функций, чем у имперских моделей, и его можно было использовать как настольный терминал для моделирования.

Эдельвейс сложила ладони, затем развела их в стороны. Между ладонями возникла, засветилась молочно — белым светом сфера. Внутри возникла проекционная сетка, справа и слева на виртуальном экране возникли панели управления. На проекционной сетке одна за другой начали проявляться голографические изображения деталей поврежденного артефакта.

– Вот это – изображения сосканированных мною деталей, – пояснила Эдельвейс. – Вот – поврежденная деталь. В общих чертах все соответствует той версии, которую озвучил капитан Кеннет.

Аида нетерпеливо кивнула. Ее не слишком интересовали технические подробности, ей было важно другое.

– А этот капитан или кто-нибудь из членов экипажа пытался задавать интересующие нас вопросы?

– Пока нет. Впрочем, после того, как кто-то слил в сеть информацию о нашей семье... Неудивительно, если мне начнут задавать подобные вопросы. И я теперь не буду знать, с какой целью мне их задают – просто из любопытства, или...

– Да, -поморщилась Аида, – это сильно осложнило нашу задачу. Подозреваю, что информацию слили умышленно... И теперь будет очень трудно вычислить нашего... гм... клиента. Что ж... Продолжайте работать.

Эдельвейс кивнула. На завтра ей предстояло серьезно потрудиться, и возможно, напрасно.

На самом деле Эдельвейс несколько не сомневалась в том, что все представители иностранных ВКС являются шпионами по определению, и американцы – не исключение, но, вполне возможно, что в планы этих американцев входит всего лишь примитивный промышленный шпионаж или даже просто сбор информации, а не незаконный вывоз человека из нижележащего времени через территорию Империи.

Иностранцы не имеют права заниматься контрабандой на нашей территории. Особенно контрабандой людей. Недавно к нам поступил сигнал, что один из граждан Империи совместно с иностранцами задумал осуществить именно такую операцию. Нам известно

имя имперца и все данные человека, которого он собирается вывезти из нижележащего времени. Имена и гражданство иностранцев, которым он должен будет передать живой груз – нет. Их нужно вычислить.

Оставшись в одиночестве, Эдельвейс приступила к работе. Работа была несложной, но требовала внимания и сосредоточенности. С головой погрузившись в процесс моделирования, она не заметила, как пролетело несколько часов.

Из кабинета она спустилась в свою спальню, расположенную на втором этаже.

Приостановившись на ее пороге, Эдельвейс в очередной раз с удовольствием огляделась. Эту спальню она декорировала сама и была весьма довольна результатом.

Из окна, расположенного напротив двери, открывался вид на огромные разлапистые ели, окаймлявшие въезд в усадьбу. Роскошными шатрами вздымались они за окном, полностью заслоняя расположенный через дорогу от «Темных Елей» соседский особняк, и только темными вечерами между еловых лап светилось оранжевым светом его одинокое окошко.

Стены спальни были затянуты одноцветным светло-зеленым шелком с вытканными рельефными цветами. Эдельвейс пришлось долго трудиться, чтобы так смоделировать фактуру ткани в трехмерном графическом редакторе, чтобы эта имитация, напечатанная на 3D принтере, выглядела как настоящая шелковая ткань.

Слева от входной двери, в глубине спальни широкая тахта была задвинута в глубокий альков, увенчанный резным позолоченным украшением. В изножье тахты, в самом ее уголке, образованным стенками алькова, вытянув длинные, как макароны, ноги, сидел один из фамильяров Эдельвейс, напоминавший по виду мягкую игрушку. Это был ее самый первый фамильяр, подаренный ей Аидой еще в самом начале их знакомства.

Спальня Эдельвейс напоминала оранжерею из-за огромного количества цветов, размещенных по всему помещению, но присущей оранжереям теплой душной влажности в комнате не было: ни комнатных растений, ни свежесрезанных букетов Эдельвейс в спальне не держала, а все эти цветы были искусно выполненными ею самой голографическими моделями.

В центре спальни размещался неглубокий круглый декоративный бассейн с многоярусным фонтаном в виде огромного букета причудливых зеленовато-голубых стеклянных цветов. Это тоже была тактильная голограмма, созданная специально для украшения спальни. Струи воды, выбрасываемые фонтаном, имитировались с помощью системы частиц. Эдельвейс могла бы создать в спальне и настоящий фонтан, но вода давала бы дополнительную влажность, нежелательную при влажном климате Нижних Клонов.

Обойдя фонтан, занимавший весь центр спальни, Эдельвейс сбросила обувь и забралась на тахту в альков. Обрамленный позолоченной резьбой с цветочным орнаментом, альков был украшен шелковым пологом и двумя откидными портьерами, днем раздвинутыми и перехваченными витыми шнурами. Некоторые считали интерьер спальни излишне вычурным, но Эдельвейс он был по вкусу.

Заложив руки за голову, она растянувшись на широкой тахте и расслабилась. Взгляд ее упал на украшавшее стену небольшое стереоизображение в простой деревянной раме. Полотно, послужившее основой стереоизображения, было написано в импрессионистской манере, широкими мазками металлизированной краски.

Выдержанный в зеленовато-голубой гамме, морской пейзаж изображал поросшее тростником пустынное побережье, уходящую к горизонту водную гладь, над которой парили чайки, низкое небо, одинокий маяк и вытасненную на мелководье лодку. Написанное крупными мазками изображение было как будто размытым, нечетким, но именно эта недосказанность позволяла фантазировать и мысленно дополнять пейзаж несуществующими деталями. Картина эта приводила Эдельвейс в меланхолическое настроение и будила воспоминания,

заставлявшие сердце то сжиматься от сладкой тоски, то биться упругими тревожными толчками. Ей даже чудилась тихая тревожная музыка...

Весь день одна мысль не давала ей покоя: еще утром, при первой встрече с капитаном Кеннетом, она испытала какое-то неприятное чувство, в душе появилось смутное беспокойство. У нее было такое ощущение, что она забыла нечто важное, то, что обязательно необходимо вспомнить... Это беспокоило ее весь день, и вот теперь в памяти всплыло смутное воспоминание, постепенно оформившееся в четкую картинку. Ну конечно, сегодня утром она видела Кеннета уже не в первый раз! Она уже видела его раньше! Около трех недель назад, в апреле, когда американская делегация посетила с визитом Центральный Имперский дворец творчества юных при Храме Немезис! Четырехэтажное кирпичное здание Дворца творчества, построенное еще в начале 20-го века, не раз переходило переходило из рук в руки, в нем размещались различные благотворительные организации, оно пережило не один капремонт и перепланировку, и вот теперь его интерьеры, как и 180 лет назад, были выдержаны в стиле модерн и поражали роскошью, необычной для детских заведений подобного профиля.

Сестра Теодосия, как в Храме называли Эдельвейс, стояла рядом со своими воспитанниками в актовом зале, расположенном на первом этаже. С собранными в пучок на затылке волосами, в дурацком мешковатом розовом свитере домашней вязки – подарке Сельмы, от которого она не могла отказаться, а снять попросту не успела, – ее вызвали прямо с занятий, –она стояла позади своих учеников, совсем рядом с американской делегацией.

Да, из всех американцев она запомнила Кеннета: рослый, атлетического сложения молодой капитан в мундире, явно сшитом на заказ, Кеннет стоял чуть впереди Эдельвейс, в три четверти к ней.

Гордый, надменный американец не повернул головы и даже не взглянул в сторону скромной преподавательницы.

А может, это был все же не Кеннет? Возможно, воображение искажало ее воспоминания и заставляло принимать желаемое за действительное?

Надо было, конечно, уточнить, кто именно входил в состав американской делегации, но и без проверки Эдельвейс была на сто процентов уверена, что в тот раз видела именно Кеннета. Однако проверить это было все же необходимо.

Проверка не заняла много времени, и Эдельвейс убедилась в том, что память не подвела ее: она не ошиблась. В тот раз она действительно видела и запомнила Кеннета: он был в составе той американской делегации.

«Интересно все же, узнал он меня сегодня или нет?» —думала Эдельвейс.

Судя по тому, что в тот раз он даже не взглянул в ее сторону, скорее всего, он ее не запомнил. Вряд ли он мог теперь ее узнать. Но чем черт не шутит!

Знает ли он, что сестра Теодосия и Эдельвейс Акка – одно лицо? А если и знает, то что это, собственно, меняет? Эта информация не являлась секретной, и для Кеннета не составляло труда это выяснить.

И все же у нее сложилось впечатление, что во время утренней встречи Кеннет вел себя так, словно видел ее впервые. Однако в любом случае следует уведомить Аиду... Эдельвейс потянулась к коммуникатору.

...За этот день произошло столько событий, что смертельно уставшая от переизбытка впечатлений Эдельвейс заснула почти сразу же, как только залезла под одеяло в своей уютной спальной нише и задвинула портьеры. Ночью ей снились диверсанты в белых колготках и балетных пуантах, топающие через болото взрывать американский звездолет.

Кеннет с самого начала не хотел принимать назначение на «Инвиктус»... Знал он об особой миссии «Инвиктуса». И вот теперь – камбуз разворочен, сто человек остались голодными, а на него волком смотрит имперский специалист. Ну не знал Кеннет, вызывая

специалиста к десяти утра, что в Империи рабочий день начинается поздно, не раньше 11, что в 10 утра приличные люди еще только встают к завтраку... И это не удивительно, учитывая близость Парадиза к полярному кругу — зимой здесь в десять утра только-только рассветает. А летом имперцы встают поздно по привычке. Имперскому специалисту пришлось встать часов в восемь утра — ни свет, ни заря по здешним меркам. Поэтому время от времени Эдельвейс кидала на Кеннета злобные взгляды. Правда, делала это только тогда, когда он, по ее расчетам, не мог видеть ее взгляда. Но Кеннет видел, незаметно наблюдая за ней через зеркальные поверхности.

Эдельвейс демонстрировала Кеннету и старшему инженеру восстановленную модель, сидя за рабочим столом в инженерном отсеке. Сидя в кресле, она в очередной раз сетовала на то, что ее рост опять доставляет ей неудобства: эргономические характеристики кресла были рассчитаны на более рослых людей. Эдельвейс убедилась в этом, когда попыталась подстроить кресло под свои физические данные, но ей это не удалось. Старший инженер бросился помогать ей, но у него тоже ничего не вышло. Подстроить параметры кресла под ее рост не представлялось возможным: оборудование боевых звездолетов не было рассчитано на столь миниатюрных людей, как Эдельвейс. Таких, как она, в ВКС США просто не принимали по физическим характеристикам.

Теперь уже она не сомневалась, что «Инвиктус» — именно боевой звездолет, Сельма не ошиблась. Вот это кресло, в котором Эдельвейс буквально утопала, служило настоящим доказательством правоты Сельмы.

Она села за стол, соединила ладони. Понимая и чувствуя, что за ней внимательно наблюдают, она развела ладони в стороны, и между ними растянулось полупрозрачное полотно — виртуальный экран. Быстрый резкий хлопок ладоней — и на месте полотна возникла сфера. Теперь между ладонями светила молочно — белым светом сфера с проекционной сеткой внутри: сферический монитор был более удобен для моделирования, чем в монитор форме параллелепипеда.

Установленная прямо на коммуникаторе программа трехмерной графики позволяла Эдельвейс работать над моделями где угодно.

На проекционной сетке одно за другим возникали голографические модели восстановленных деталей артефакта. Затем они сложились в голографическую модель артефакта «Волшебная мельница».

— Вот так это и будет выглядеть после материализации, — пояснила Эдельвейс. — Можно уже сейчас проверить, как впишется виртуальная модель в отведенную ей нишу на камбузе.

На камбузе уже был наведен порядок. Все металлические поверхности начищены до блеска, техника отремонтирована и расставлена по своим местам, мусор вынесен.

Пока Эдельвейс пристраивала голографическую модель на отведенное ей место, Кеннет продолжал незаметно наблюдать за девушкой.

Он еще вначале заметил, что Эдельвейс избегает смотреть ему в глаза, и приписал это особому имперскому воспитанию или обычаям тейи: в некоторых культурах женщина не должна смотреть в глаза мужчине. Впрочем, бывает и другое объяснение такому поведению — Кеннет знал, что даже мужчины, находясь длительное время в замкнутом пространстве, избегают смотреть друг другу в глаза. В животном мире прямой взгляд в глаза — это вызов на бой. И люди подсознательно стараются не провоцировать друг друга. Так что если леди привыкла находится в замкнутом пространстве — например, в своих покоях или в небольшой мастерской, ничего удивительного в таком ее поведении нет.

Ничего удивительного? Впервые увидев имперского специалиста-моделлера вживую, Кеннет испытал легкий шок: он ожидал увидеть высокомерную леди Парадизской Империи, надменную воспитанницу тейи, магичку, уверенную в себе, а увидел девчонку-подростка, замкнутую и молчаливую.

Впрочем, когда речь заходила о профессиональных вопросах, голос ее звучал твердо и решительно.

– Вот так эта модель будет выглядеть после установки, – продемонстрировала Эдельвейс установленную на предназначенное ей место восстановленную конструкцию.

Кеннет внимательно осмотрел голограмму артефакта. Впрочем, он и не сомневался, что имперский специалист справится со своей работой и модель будет высококачественной.

– Жаль, что время поджимает, – заметила Эдельвейс. – Иначе можно было бы украсить корпус артефакта орнаментом по вашему выбору, так было бы посимпатичнее. А то уж больно дизайн примитивный. Вот я как-то моделила часы в резном деревянном корпусе, так там такая резьба...

– Нет-нет, орнамент делать некогда, – быстро откликнулся Кеннет. – У нас тут сто человек на сухом пайке... Можно сегодня же отправить файл с моделью в фирму?

– Разумеется, – кивнула Эдельвейс. – Вот список фирм на ваш выбор. Конечно, здесь только те, которые расположены в том нижележащем времени, в которое вы выйдете из портала.

Когда появились первые межвременные порталы, выяснилось, что перемещать в прошлое можно живые объекты, растения, некоторые сыпучие и газообразные вещества и жидкости. Но с искусственно изготовленными предметами дело обстояло сложнее. Если предмет был изготовлен в вышестоящем по отношению к выходу из портала времени, он просто бесследно исчезал сразу после выхода из портала в нижележащее время. Таким образом, если человек отправлялся хоть на сто, хоть на миллион лет назад в современной одежде и с современной техникой, в прошлом он оказывался голым и с пустыми руками. Искусственно изготовленные предметы, которые еще не существовали в то время, просто бесследно исчезали. Правда, существовал один хитрый способ переправлять в нижележащее время искусственно изготовленные предметы. Например, можно было перед переходом через портал превратить материю в энергию, а после перехода вернуть энергию в первоначальное материальное состояние. Однако это было очень сложно, и результат не всегда был удовлетворительным. Поэтому появилась необходимость строительства в глубоком прошлом предприятий, на которых изготавливалось бы все необходимое для путешествий во времени. Вот на одном из таких предприятий и предполагалось материализовать артефакт «Волшебная мельница».

Эдельвейс достала из кармана распечатку и протянула ее Кеннету. Пока он просматривал распечатку, Эдельвейс еще раз окинула взглядом камбуз.

Новый иллюминатор уже установили. Старый иллюминатор со слегка погнутой рамой стоял, прислоненный к стене камбуза.

Эдельвейс впиалась в него взглядом. Осенившая ее идея была настолько хороша, что она решила немедленно приступить к ее реализации.

– А этот иллюминатор... Он вам нужен? – спросила она Кеннета.

– Нет, мы его отправим в утиль.

– Так отдайте его мне.

– Да зачем он вам? – удивился Кеннет.

– Да есть у меня одна мысль... Дома приспособлю, – широко улыбнулась Эдельвейс, явно осененная какой-то идеей.

Кеннет не удивился. Это в Америке такая просьба показалась бы странной, но Кеннет уже побывал на экскурсии в Нижних Клонах и собственными глазами видел, как местные народные умельцы приспособливают к делу буквально все – у одного из домов верхняя площадка крыльца была огорожена ажурной чугунной могильной оградой, а к высоко расположенной входной двери другого дома вела металлопластовая лестница, в которой без труда можно было опознать трап, снятый явно с военного корабля. Так что Кеннет не сомневался, что Эдельвейс сумеет приспособить к делу даже иллюминатор.

К тому же просьба Эдельвейс пришлась как нельзя кстати. Кеннет долго ломал голову, как бы создать такую ситуацию, чтобы заглянуть к ней домой, в гости, а она сама сделала первый шаг. Это было ему на руку.

Выполняя заказ на «Инвиктусе», имперка и не подумала бы пригласить Кеннета или кого-то еще из членов экипажа к себе в гости. Но теперь у Кеннета был предлог. Когда он привезет ей иллюминатор, с ее стороны будет просто невежливо не пригласить его в дом. Опять же, русская традиция...

Вот так и завязываются дружеские отношения. Это ему объяснили психологи из внешней разведки, которые заранее разработали несколько оперативных комбинаций, которыми он мог бы воспользоваться, чтобы напроситься в гости к Эдельвейс. Ну, а потом... если потом он сам куда-нибудь пригласит Эдельвейс, она не удивится.

– А как вы понесете этот иллюминатор? – спросил Кеннет. — Он же очень тяжелый.

– Надеюсь, что как-нибудь справлюсь.

Эдельвейс подошла к иллюминатору и приподняла его. Увесистый...

– Мы должны будем в ближайшее время поехать на склад закупать продовольствие, – сказал Кеннет. – Так что можем вам его завезти. Только скажите, куда.

Эдельвейс бросила на Кеннета благодарный взгляд.

На следующий день Кеннет, как и обещал, по дороге на склад завез Эдельвейс иллюминатор. Вообще-то Кеннету не нужно было сопровождать старшего интенданта и принимать участие в закупке провизии, интендант и сам бы справился, но Кеннет хотел вручить Эдельвейс иллюминатор лично. К тому же Кеннету было интересно прокатиться по Нижним Клонам.

Свернув с шоссе на линию, они припарковали аэрокар у ворот усадьбы. За воротами, раскинувшись наподобие шатров, возвышались огромные ели, их нижние ветви смыкались над головой, образуя подобие беседки. Слегка дрожал и мерцал воздух за оградой, выдавая наличие силового поля. За густыми зарослями разросшегося сада возвышался трехэтажный особняк на невысоком фундаменте.

Кеннет нажал на кнопку звонка. В силовом поле образовался прямоугольный проход, калитка открылась автоматически. Хозяева даже не поинтересовались, кто направляется к ним в гости. Кеннет понял, что их ждали.

Шагнув за калитку, он с интересом огляделся. Кеннет, конечно, еще в США прочитал много интересного в секретном досье на семейство Акка: у него был высший уровень допуска к секретным документам. Хотя, как сказал Кеннету Кронин, успевший пообщаться с местными жителями, род занятий семейства Акка был секретом разве что от полиции и администрации, но никак не от простых жителей Нижних Клонов.

Ветви разлапистых елей смыкались над головами вошедших, а между елей брала начало аллея, ведущая на широкую лужайку, расположенную перед северным крыльцом коттеджа. Когда-то в прошлом эта аллея служила, по-видимому, для подъезда транспорта к самому коттеджу, но теперь для этих целей явно не использовалась: усадьба претерпела не одну перепланировку. Аллея, ведущая к северному входу в коттедж, являвшийся центральным строением усадьбы, была вымощена по центру небольшими квадратными плитками терракотового цвета с розоватым отливом, на которые ветви елей отбрасывали тени лилового оттенка, отчего казалось, что плиты то вспыхивают, то гаснут.

Аллею по обеим сторонам окаймляли две полосы разросшегося декоративного кустарника. Слева – уже отцветшая форзиция, справа – еще не зацветший жасмин и калина.

За разросшимися кустами форзиции виднелась стена длинного невысокого строения, по виду напоминавшего ангар.

Дорожка из терракотовых плит вывела Кеннета и его спутника на аккуратно подстриженную лужайку возле северной стены особняка.

Возле крыльца на качелях, представляющих собой скамейку, подвешенную на толстых цепях, сидели, слегка покачиваясь, две женщины. Одна пожилая — Сельма Акка, вторая молодая. У Сельмы Акка было узкое строгое лицо с удивительно белой кожей, цепкий, с прищуром, взгляд. Во всем ее облике чувствовалась настороженность много повидавшего в жизни человека.

У молодой женщины взгляд был открытым, приветливым. Светлые, почти белые волосы, расчесанные на прямой пробор, были заплетены в две толстые косы. Длинное белоснежное платье с расширенными книзу рукавами более уместно смотрелось бы лет этак двести-триста назад, но Кеннет не удивился: он уже привык к тому, что имперцы одеваются весьма причудливо: люди в шортах и топиках на улицах смешивались с людьми, одетыми по моде давно ушедших эпох.

Кеннет поприветствовал дам и представил своего спутника.

— Эдельвейс там, — с улыбкой махнула рукой в сторону длинного строения, напоминавшего Кеннету ангар, женщина в белоснежном платье. Сельма кивнула, и у Кеннета сложилось впечатление, что она чувствует себя не в своей тарелке: держится несколько скованно и непроизвольно пытается отодвинуться в дальний угол скамейки.

Кеннет двинулся по дорожке в сторону ангара, неся в одной руке иллюминатор.

Вход он заметил не сразу, так как тот находился на южной, полускрытой кустами разросшейся форзиции стороне ангара. Между форзицией и стеной тянулся узкий проход.

— Чертов Рудольф, надо с ним что-то делать! — донеслось из ангара.

И Кеннет был с этим совершенно согласен. Прозвучавшая фраза была точным отражением его мыслей...

...То, что с Рудольфом надо что-то делать, капитан Кеннет подозревал давно: сразу после прибытия «Инвиктуса» в порт судовой врач Рудольф Кронин, сославшись на необходимость участия в каком-то конгрессе, отбыл в Парадиз. Впрочем, это было оговорено с самого начала, Кеннета предупредили, что доктор просто обязан участвовать в конгрессе в Имперской Военно-Медицинской академии. И Кеннет знал, почему. Но теперь-то конгресс уже закончился!

Не слишком доверяя автопереводчикам, Кеннет хотел, чтобы Кронин, в совершенстве знавший русский язык, сопровождал его во время поездки в Нижние Клоны, но тот заупрямился, заявив, что выполнение обязанностей переводчика не входит в его служебные обязанности, четко прописанные в контракте. И вообще у него куча дел. И формально он был прав.

Этот Кронин... Его прислали вместо того доктора, который вышел в отставку. Военный врач, бывший зеленый берет с опытом участия в боевых операциях... Конечно, другой человек и не подошел бы для предстоящей миссии. И под предлогом подготовки к этой самой миссии Кронин, вместо того, чтобы сопровождать Кеннета, предпочитает разгуливать по местным лесам, собирая образцы флоры. Вот и сегодня, вместо того, чтобы сопровождать Кеннета, чтобы помочь с переводом, он, сославшись на неотложные дела, сначала укрылся в лазарете, а потом вообще сбежал в лес.

Поэтому прозвучавшая из ангара фраза являлась точным отражением мыслей капитана.

Кеннет вошел в широко раскрытую дверь ангара.

Эдельвейс, в белом чепчике, из-под которого выбивались пряди светлых волос, и белой же сорочке с закатанными рукавами, в длинной черной юбке с белым передником и остроносых шнурованных сапожках возилась с роботами — оленями, запряженными

в сани. Девушке помогали еще несколько человек, по виду подростков. Эдельвейс явно заправляла этой компанией.

Упряжка оленей зависла в воздухе. Похоже было, что у их упряжи перепутались постромки.

– Я попытаюсь развернуть Рудольфа, – говорила Эдельвейс, взяв под уздцы одного из оленей. Все олени были светло-коричневого окраса, с густым белым мехом на груди и животе, и по окрасу они совсем не напоминали северных оленей, скорее, эти роботы были декоративной модификацией, таким собирательным образом оленя вообще. Взнузданы они были, как лошади, а их сбруя была украшена бубунчиками и декоративными пряжками.

– О, готовь сани летом... – улыбнулся Кеннет, вспомнил одну из русских пословиц, заученных с помощью встроенного в коммуникатор разговорника. Кеннет вынужден был регулярно заниматься разговорным русским: для выполнения поставленной перед ним задачи ему необходимо было в кратчайшие сроки выучить русский язык так, чтобы владеть им как можно более свободно.

– Да, заранее готовим упряжку к зимним праздникам, – кивнула Эдельвейс. – Постромки перепутались... Левый пристяжной опять барахлит. Вот что значит распаковывать модели после сжатия...

– Ваши киборги прямо как настоящие олени...

– Это не киборги. Правильнее называть их роботами на основе тактильной голограммы. И да, я люблю, чтобы модели животных выглядели реалистично. Хотя вот некоторые моделиеры выставят на зимние праздники модели оленей, стилизованные под изображения с палехской декоративной росписи. И в роскошной сбруе.

И Эдельвейс пустилась в рассуждения об оленьих нагрудниках, расшитых вручную бисером и украшенных узорными медными бляшками. Она подчеркнула, что особым шиком считалось надевать на роботов сбрую, созданную вручную, а не с помощью программ трехмерной графики и принтеров трехмерной печати.

Кеннета несколько удивило, что вместо того, чтобы выполнять заказ, полученный на «Инвиктусе», Эдельвейс занимается чем-то другим, но потом он решил, что, поскольку она отправила файл для материализации в выбранную им фирму, она действительно временно свободна.

– Эти роботы чисто упряжные? – Кеннет показал на оленей из упряжки.

– Нет, верхово-упряжного типа, – Эдельвейс, поддернув подол длинной юбки, продемонстрировала хорошую спортивную подготовку, легко запрыгнув прямо с земли на спину ближайшего оленя, зависшего в воздухе в фазе прыжка. Олень начал покачиваться в воздухе, как лошадка-качалка. Ухватившись за его рога, Эдельвейс стала раскачивать его еще сильнее.

– Продемонстрировать вам галоп на месте?

– Если не сложно, – кивнул Кеннет.

– Жезл! – протянула руку Эдельвейс. Один из подростков шагнул вперед и подал ей предмет, похожий на указку.

Когда подросток вышел из тени на яркий свет, падавший из дверного проема, Кеннет узнал парнишку. Он видел его несколько дней назад, когда делегация старших офицеров со звездолета «Инвиктус» побывала с ознакомительным визитом в Парадизской педагогической Академии — высшем учебном заведении по подготовке наставников для средних и высших учебных заведений.

Кеннет дружелюбно улыбнулся, парнишка ответил тем же. Вероятно, он не обиделся на дурацкое поведение Кеннета в педагогической Академии...

... -Вот, пожаловались из ЦРУ, пришлось наказать!

Заведующий кафедрой кивком показал американской делегации на невысокого паренька лет семнадцати, сидящего за монитором, расположенном в самом углу компьютерного класса.

Кроме капитана Кеннета, в состав делегации входил старший штурман, старший инженер и судовой врач. Собственно, присутствие судовой врача не было обязательным, но Кеннет попросил того на всякий случай присутствовать, но при этом не выдавать своего знания русского языка. Кеннету было важно знать, насколько соответствует то, что переводят автопереводчики, тому, что на самом деле говорят русскоязычные имперцы.

Поскольку наступило очередное регулярно наступающее каждый раз после нескольких десятилетий холодной войны традиционное потепление отношений между Парадизской Империей и США, экскурсию было решено начать с демонстрации недостатков работы кафедры. Этот дружеский жест должен был убедить американцев, что Империи теперь скрывать нечего.

– Мы не будем закрывать глаза на пиратские выходки разных хакеров, особенно этого Тариве-Лациса! -подчеркнуто громко, для американцев, заявил завкафедрой, показывая пальцем на провинившегося. -Мы его в наказание отправили в угол и от сети отключили!

По мнению завкафедрой, это было страшное наказание. И, судя по виду паренька, это было действительно так.

...Несколько дней назад на кафедре виртуальной симуляции объектов и явлений разразился скандал: заведующего кафедрой вызвали к ректору академии: из ЦРУ поступила жалоба, что именно с этой кафедры взломали их сайт.

– Этого не может быть потому, что не может быть никогда, – категорично заявил ректору завкафедрой, – у нас не тот уровень подготовки воспитанников. Они на это просто не способны.

На заседании кафедры заведующий поставил преподавателей в известность о сложившейся ситуации.

Они сидели за старинным овальным столом, помнившим еще те времена, когда к компьютерам было принято подходить не иначе как в белом лабораторном халате.

Те времена давно канули в Лету, никакого особого дресс-кода в Академии не существовало, однако в любое время года большинство преподавателей предпочитало удобные и практичные брючные костюмы темных тонов. Эдельвейс приходила на занятия со студентами в черном приталенном пиджаке, под который она надевала гладкоокрашенный бадлон с высоким горлышком, и черных расклешенных брюках.

– Товарищи, – заявил заведующий кафедрой, обедая взглядом коллег. – Мы попали в сложную ситуацию.

Преподаватели согласно закивали. Никто не удивился, что завкафедрой назвал их «товарищами». Разумеется, в Империи было принято обращение «господа», но здесь, на кафедре, как и еще в некоторых государственных институтах, еще применялось архаичное обращение «товарищи», тем более, что, работая вместе в тесном коллективе, они действительно были товарищами и в прямом, и в переносном смысле этого слова.

Заведующий рассказал преподавателям о своем разговоре с ректором. И о предстоящем визите американской делегации на их кафедру.

– Американцы опять наши новые лучшие друзья. И мы должны продемонстрировать им, что мы не оставляем безнаказанными подобные выходки... Взломать сайт ЦРУ!

– Да, добрые дела никогда не остаются безнаказанными, – с тоскливым вздохом подтвердила пожилая седовласая преподавательница.

– В конце концов мы вычислили злоумышленника, -заявил завкафедрой, -да он особо и не скрывался. Это наш студент первого курса Дэки Тариве-Лацис...

– Нет, он никак не мог взломать сайт, – заступилась за Дэки Эдельвейс, по совместительству преподававшая на кафедре трехмерное моделирование объектов. Это она приметила и рекомендовала принять на кафедру в качестве студента этого паренька, и сейчас решительно встала на защиту своего протеже. – Я допускаю, что он мог бы угнать верхового робота, что он мог бы избить человека до полусмерти, что он мог бы даже взорвать военную базу! Что он, впрочем, уже сделал... Но чтоб взломать какой-то жалкий сайт!.. Это ниже его достоинства!

– Да мы что тут, пригрели особо опасного рецидивиста? – схватился за сердце завкафедрой.

Эдельвейс усмехнулась, и, чтобы скрыть усмешку, отвернулась в сторону, туда, где за высокими арочными окнами вздымались толстые стволы старых ясеней.

Работать на кафедре ей нравилось, хотя она не могла бы сказать, что эта работа составляет смысл ее жизни. Ей нравилась сама атмосфера Академии, ее архитектура и интерьеры – пологие лестницы, длинные широкие коридоры, вымощенные плитняком, просторные аудитории с высокими потолками и окнами, выходящие в заросшие зеленью дворы и арочные проходы между учебными корпусами...

Когда Дэки Тариве-Лациса вызвали на заседание, он казался олицетворением честности и скромности. Злоумышленник оправдывался.

– Да я набрал в поисковой строке «партизаны, диверсанты...» и вот... Сам не знаю, как так получилось... Лазал по сайтам, а там еще ссылки на другие сайты.

– Вы что, не видели, что сайт на английском языке?

– Я по-английски не понимаю! Поисковая система выдала этот сайт. Я даже не понял, что я его взломал. Да если б я знал!..

– Ну, и как теперь объяснить это американцам? – скорбно покачал головой завкафедрой.

Словно разделяя его досаду, старые ясени за окнами осуждающе покачали ветвями.

... -Ну, двоечник, так зачем ты взломал сайт ЦРУ? – завкафедрой ткнул пальцем в светловолосого парнишку, чтобы у американской делегации не было сомнений в том, кто именно виновен во взломе сайта.

«Если это – двоечник, то какие же у них отличники?» – ясно читалось на озабоченных лицах американцев.

– Да не хотел я взламывать сайт... -оправдывался парнишка. – Я только книжку хотел найти... Вот сеструха сказала, нипочем не найдешь в сети, а я говорю: не может быть, чтоб в сети не было...

Американцы с интересом рассматривали хакера. Меньше среднего роста, стройный парнишка с мягкими чертами лица и густыми светлыми волосами.

Дэки чувствовал устремленные на него взгляды, и ему было очень неприятно. Прямо как тогда, на плацу военной базы... Дэки опустил глаза, его передернуло. Находиться в центре внимания он не любил, чувствуя себя при этом очень неудобно. Он сидел, потупившись и глядя в пол, только изредка исподтишка бросая на американцев любопытные взгляды из-под длинной, до самых глаз, челки. Взгляд у него был цепким и внимательным.

– Вам что, других книг мало? -демонстративно продолжал допрос провинившегося завкафедрой.

– А я хочу именно эту...

– А зачем полезли на сайт ЦРУ?

– Откуда мне знать, что это их сайт? Я могу отличить английский текст от французского или немецкого, но смысл текста понять не в состоянии. Но раз поисковая система отправила меня на этот сайт... А уж как я сумел его взломать, вообще не понимаю.

– А что ж это за книжка такая, которую вы искали? – заинтересовался Кеннет.

– «Рельсовая война: боевые действия советских диверсантов в 1941—1944 го.» В сети ее почему-то действительно никак не найти. Шерстил всю сеть, и вот... – Дэки смущенно опустил глаза.

В это время в аудиторию решительным шагом вошла довольно молодая темноволосая женщина. Судя по ее властному, но скромному виду, она была старшим лаборантом кафедры. Она подошла к заведующему и что-то зашептал ему на ухо, периодически кивая головой в сторону светловолосого паренька.

В глазах женщины светилось злорадное торжество. Завкафедрой медленно повернулся к Дэки Тариве-Лацису.

– Так ты, мало того, что сайт взломал, еще и флюорографию не сделал? – грозно воскликнул он.

И, повернувшись к темноволосой женщине, он гневно приказал:

– Повесьте его на доске у деканата, вместе с другими двоечниками и хвостистами!

Выслушав перевод жестокого приказа, американцы остолбенели. Такого поворота событий они явно не ожидали. Они, конечно, знали, что в Империи законы суровые, но чтоб настолько... Кеннет был потрясен.

– Может, все-таки для начала ограничитесь тюремным заключением? – с робкой надеждой спросил Кеннет заведующего.

Завкафедрой бросил на капитана странный взгляд, значение которого тот не смог истолковать.

– Мы рассмотрим ваше интересное рацпредложение на ближайшем же заседании кафедры, – заверил Кеннета заведующий. – Но на первый раз, я думаю, достаточно будет все-таки повесить.

– Да уж, пусть лучше повесят, – фыркнул парнишка, с усмешкой глядя на Кеннета.

– Я тоже думаю, что за отсутствие флюорографии следует повесить, – пробормотал Кронин, делая вид, что не замечает осуждающего взгляда Кеннета, который явно уже пожалел, что прихватил с собой судебного врача, а потом громко спросил заведующего:

– Я слышал, что в Парадизской Империи все медицинские манипуляции являются сугубо добровольными... Так что, разве флюорография у вас обязательна?

– Только для тех, кто поступает в государственное учебное заведение после пребывания в э-э... каких-либо местах лишения свободы, а гауптвахта к таковым местам тоже относится.

Гауптвахта? Час от часу не легче! Кронин бросил внимательный взгляд на парнишку. Где это он успел отсидеть на гауптвахте, учитывая столь юный возраст? Он что, военный служащий? Кронин только сейчас заметил на запястьях паренька характерные шрамы, которые оставляют наручники, если человек яростно пытается из них вырваться, рассекая себе при этом кожу. Ничего себе! Ну и студентик! Будущий наставник молодежи!

Парнишка не поднимал глаз от пола и, видимо, готов был провалиться сквозь землю. Щеки и уши у него горели, это было хорошо заметно по контрасту со светлыми волосами.

Пришедшие в себя от шока американцы стали наперебой умолять заведующего пощадить провинившегося студента. Завкафедрой в растерянности смотрел на них, не понимая, чего они хотят. А Кеннет уже мысленно искал хорошего адвоката и в уме составлял прошение о помиловании.

Студенты хихикали.

Кронину, который первым понял, в чем дело, пришлось взять на себя роль переводчика и объяснить, что означает фраза «повесить на доске у деканата». Студенты покатывались со смеха.

Когда недоразумение выяснилось и американцы успокоились, завкафедрой широким жестом показал на дверь аудитории:

– Пойдемте, я покажу вам лабораторию виртуальной симуляции.

Выходя из аудитории, он повернулся к Тариве-Лацису и пригрозил:

– Помяни мое слово, будешь так учиться, никуда, кроме военного космолота, тебя потом не возьмут. И то – только капитаном.

– За такую учебу обязательно дослужишься до капитана военного флота! – бодро перевел американцам автопереводчик.

А Кронин подумал, что современный имперский русский язык, должно быть, существенно отличается от того русского, на котором говорила его бабушка.

Вскоре после того, как американская делегация направилась осматривать лабораторию, в аудиторию снова зашла женщина-старший лаборант.

– Там из ЦРУ прислали файл с этой книгой... -обратилась она к Тариве-Лацису. -И попросили больше на их сайт не лазать.

– Говорил же я, что в Америке все есть! – радостно воскликнул парень и отправился в лаборантскую скачивать файл на свой коммуникатор.

Потом, у себя дома, он внимательно просмотрел с таким трудом добытый файл. Это не был электронный вариант книги В. Н. Попенко, это вообще не был текстовый документ, это были отсканированные листы книги – текст с графическими черно-белыми иллюстрациями. И по шрифту, и по иллюстрациям, и по состоянию самих листов было видно, что бумажный экземпляр был очень старым.

Дэки хорошо понимал, что произошло: не найдя по какой-то причине электронной версии, в ЦРУ решили наскоро отсканировать бумажный экземпляр, лишь бы избавиться от назойливого хакера. Видно было, что сканировали наспех и довольно халтурно, но Дэки был доволен и таким экземпляром.

Так уж исторически сложилось еще с советских времен, что в условиях тотального дефицита печатных изданий книги являлись почти что сакральным предметом. Именно книги покупали за валюту в «Березке» представители советской интеллигенции, именно книги тайно распечатывались на первых, еще примитивных принтерах в различных НИИ... Качество тех экземпляров оставляло желать лучшего, шрифт был безобразным, текст прыгал, строчки напоминали волны и местами с трудом читались.

Но народ радовался и таким текстам, потому что других просто не было. Так что имперцы, наследники традиций советской читающей интеллигенции, не были привередливы: им не важна была форма, им важно было содержание.

Оставалось только передать файл заинтересованному лицу. Самого Дэки эта книга не слишком интересовала, но даже под угрозой пыток он не признался бы в том, что это не он в поисках книги взломал сайт ЦРУ.

Этот сайт взломала Эдельвейс, а ее он никогда бы не выдал.

У себя в каюте Кеннет раздраженно ходил из угла в угол. Этот Кронин... Юмор у него своеобразный! Мог бы и объяснить, что означает выражение «повесить на доске у деканата». Кронин, правда, потом уверял, что и сам в точности не понял, что это означает, но догадался по реакции провинившегося, что ничего страшного не случится.

Прислали, тоже, судового врача... Кеннет покачал головой. Конечно, он понимал, что кандидатура Кронина идеально подходила в основном из-за того, что тот в совершенстве владел русским языком, и еще из-за опыта участия в спецоперациях, но все же...

Однако что же там за история с гауптвахтой? Кеннету стало любопытно, и он решил ознакомиться с досье Дэки Тариве-Лациса, если таковое имеется в базе данных американ-

ской разведки. Имелось... И, когда Кеннет получил досье на Дэки Тариве-Лациса, он понял, что в случае со взломанным сайтом цереушники еще легко отделались. Взлом сайта – самое безобидное, что мог сотворить этот парень. А вот то, что он натворил на военной базе Свободной Народной республике... Вот это было серьезно.

И вот теперь, в ангаре усадьбы «Темные Ели», Кеннет во второй раз встретился с Дэки Тариве-Лацисом. И взглянул на него по-новому.

Он уже знал, что двойной фамилией Дэки обязан своей матери, правительнице матриархального племени лачров. У лачров вообще не было фамилий, только имена, но правительница по имени Тариве знала, что у имперцев фамилии есть. И если у ее детей будет двойное гражданство, у них обязательно должна быть фамилия. Мать Дэки пошла на компромисс, потребовав, чтобы ее собственное имя было первой частью фамилии ее детей, рожденных от гражданина Империи Эдуарда Лациса. Второй частью фамилии детей стала фамилия их отца.

Дэки, почувствовав на себе заинтересованный взгляд Кеннета, стал исподтишка наблюдать за ним. Высокий блондин с серыми пронизательными глазами... Несмотря на внешнюю доброжелательность, взгляд у него, как у полярного волка... Хотя почему как у волка? У взрослых волков глаза желтые, а не серые. Почему же пришло в голову такое сравнение? Неужели потому, что, когда Кеннет посмотрел на него, на Дэки как будто повеяло холодом?

Сейчас, когда Кеннет подошел к Дэки почти вплотную, тот заметил у американца необычную окраску радужки: зрачок окружен радиальным кольцом серого цвета, затем кольцом цвета желтоватого, а затем снова серого цвета. И вот именно это заметное только с близкого расстояния желтоватое радиальное кольцо на радужке придавало взгляду Кеннета сходство со взглядом полярного волка. Издалека эта особенность радужки была практически не заметна, но подсознание автоматически фиксирует такие детали и вызывает соответствующие ассоциации.

Похожую необычную градиентную окраску радужки Дэки уже имел случай наблюдать у Эдельвейс: у той глаза были серые, только радужка имела легкий голубоватый оттенок, а не чисто серый, как у Кеннета. На таком фоне желтоватое радиальное кольцо выглядело зеленоватым, и поэтому глаза Эдельвейс казались серыми с прозеленью.

Робот-олень, повинаясь взмахам жезла, продемонстрировал великолепный галоп на месте. Кеннет выразил восхищение ходовыми качествами модели, но думал он при этом совсем о другом...

Кеннет заранее обдумал, как уговорить Эдельвейс поехать с ними на склад. Теперь же, напустив на себя озабоченный вид, он задумчиво произнес:

– А как тут проехать на склад продуктов в Горную Шальду?

Эдельвейс среагировала сразу. С большой охотой она начала рассказывать о местной топографии, подкрепляя рассказ широкими жестами и энергичными кивками, но потом покачала головой и сказала:

– Сами вы точно заблудитесь, да к тому же многие линии могут быть перекрыты высокими шлагбаумами. Но вот Дэки, – она кивнула в сторону светловолосого паренька, – мог бы с вами поехать и показать дорогу. Он хорошо знает короткий путь через Нижние Клоны до Горной Шальды – он там живет, – и вам не придется делать большой крюк, чтобы выехать на шоссе. И у него есть универсальный электронный ключ от шлагбаумов.

– А как мы вернемся назад? – озадаченно спросил Кеннет. Кандидатура Дэки в качестве проводника его не устраивала: он ожидал совсем другого развития событий.

– Назад... Назад Дэки с вами не поедет, а отдать вам ключ не сможет... А чтобы изготовить копию, нужно время, – задумчиво сказала Эдельвейс. – Но я могу тоже поехать в Гор-

ную Шальду, а потом вернуться с вами назад. У меня ведь тоже есть ключ. Если вы немного подождете, пока я соберусь...

Кеннет кивнул. Все складывалось как нельзя лучше. Ради такой удачи он согласился бы ждать даже несколько часов.

Эдельвейс пригласила обоих американцев в дом. Она провела их в гостиную, стены которой были обтянуты темно-розовым штофом с вытканым рельефным рисунком.

В комнате пахло черемухой и хвоей. Напротив двери стоял круглый стол, накрытый бордовой ворсистой скатертью, в центре его возвышалась стеклянная красная ваза с букетом из еловых веток и ветвей цветущей черемухи. Слева от двери, напротив окна, возвышалась изразцовая печь, торцом прижатая к северной стене.

Красные кружевные занавески украшали выходившее на закатное солнце окно, из которого открывался вид на темную гладь водоема, окруженного пихтами и туями. В солнечные дни лучи закатного солнца били в это окно, высвечивая светлый прямоугольник на изразцовой стенке печи...

К стене под окном был придвинут обитый черной кожей старинный табурет на резных ножках. В торце гостиной, у стены, стоял диван, застеленный бордовым покрывалом, окаймленным воланами. Диван занимал все пространство между стеной и раздвижной перегородкой, делившей первый этаж на две смежные комнаты. Сейчас подвижная створка перегородки была сдвинута, открывая проход в комнату, смежную с гостиной.

Капитан с интересом рассматривал печь.

– Она действующая?

– Разумеется. С другой стороны есть еще изразцовый камин. Прошу...

Эдельвейс пригласила американцев в смежную комнату, на одной из стен которой располагались полки с книгами, придавая комнате сходство с библиотекой.

Камин был великолепен. Увенчанный так называемой короной – навершием с горельефом в виде женского бюста в античном стиле, расположенного в украшенной декором арочной нише, камин имел П-образный портал, облицованный подлинными терракотовыми изразцами 19 века. На каминной полке, по обеим сторонам большого зеркала, стояли серебряные подсвечники.

– Наш коттедж достраивался и перестраивался много раз, но моя бабушка говорит, что эта его часть не изменялась с конца 20 века. Но изразцы намного древнее – они были изготовлены еще в 19-ом веке, – пояснила Эдельвейс. Вплоть до конца 20 века они украшали печь в одном из старинных домов Петербурга, как тогда назывался Парадиз.

Она не стала рассказывать американцам, что, когда шли на капремонт дореволюционные дома в Петербурге, многие владельцы дачных домиков, приплатив работягам, разбившим старинные печи и камины, вывозили изразцы на свои дачи и там собирали печи и камины заново. В скольких домиках, с виду похожих на деревенские избы, простецкие гостиные украшены изысканными каминами, облицованными старинными изразцами!

– Действующие камины у нас в США тоже есть, – кивнул Кеннет, – а вот печей нет. Я видел подобные конструкции только в музее, но там они это была всего лишь декорация. Жаль, что здесь нет нашего старшего инженера. Он бы не отказался взглянуть на эту конструкцию.

– Да у нас половина Империи на печном отоплении, несмотря на термогенераторы. Традиция, да и дров у нас хоть отбавляй, – улыбнулась Эдельвейс. – В холодный день я могла бы продемонстрировать, как протапливается эта печь. Так что если вашему инженеру интересно...

Кеннет с радостью ухватился за это предложение.

Сельма Акка появилась бесшумно, возникнув в комнате, как по волшебству. Высокого роста, она выглядела еще выше из-за головного убора в виде чепчика с кружевными отворотами. Предоставив ей вести с гостями светскую беседу, Эдельвейс убежала переодеваться.

В ожидании Эдельвейс они расположились за круглым столом в гостиной, небольшой комнате с видом на укромный уголок сада возле водоема.

На фоне вызывающе роскошных интерьеров большинства имперских домов, интерьер этого жилья мог бы показаться чересчур скромным, однако с недавних пор в Империи стало модным оформлять интерьеры не с помощью тактильных голограмм, а с помощью настоящих материалов и сделанных вручную объектов. Получившая распространение за несколько последних десятилетий практика использования в интерьерах тактильных голограмм сделала возможным создание абсолютно любого интерьера по вкусу заказчика, в результате чего интерьеры большинства жилищ, как городских, так и сельских, стали представлять собой различные вариации на тему готики, ренессанса и барокко. Обилие позолоченной резьбы и лепнины стало отличительной чертой имперского домашнего интерьера.

Рассказывали, что в период поголовного увлечения тактильными голограммами курсанты в Эрмитаже, с разочарованием поглядывая по сторонам, говорили служительницам:

– Чистенько тут у вас, аккуратненько, но бедновато, бедновато...

Оглядевшись вокруг, Кеннет понял, что тактильных голограмм среди предметов интерьера в гостиной не было. Искусно выполненную голограмму можно принять за настоящий предмет, но настоящий предмет за голограмму – нет. И, насколько Кеннет мог судить, мебель в гостиной и в смежной с ней комнате была антикварной, произведенной не позже второй половины 20 века. И весь этот дом был обставлен и декорирован с большим вкусом и любовью.

Хозяева особняка явно следовали последним веяниям моды...

Стуча каблучками по ступеням винтовой лестницы, Эдельвейс, уже переодевшаяся для поездки, проворно спустилась со второго этажа.

Сегодня на ней опять была та черная бархатная короткая курточка с воротником-стойкой, в которой Кеннет увидел ее впервые.

– Это – бархат? – спросил ее чуть позже, когда они уже подходили к аэрокару, капитан Кеннет, слегка сжав пальцами воротник курточки. При этом он как бы невзначай прикоснулся костяшками пальцев к ее шее.

– Псевдобархат, – ответила Эдельвейс. Это прикосновение кое-что ей напомнило...

...Когда-то у нее была курточка из кожзаменителя с многочисленными карманами, застегнутыми на молнии. Один молодой человек повадился как-то расстегивать ей молнии на кармашках куртки. Тогда она не поняла, что это означает. Теперь понимала...

Конечно, Кеннету должно быть известно про репутацию ее матери: в усадьбе вечно толклись ее приятели. Впрочем, особого шума и пьяной поножовщины не было, до криминала не доходило. Но постоянные застолья... Возможно, Кеннет надеется, что дочь пошла в мать. Веселье, гулянки... Сельма Акка относилась к развлечениям дочери индифферентно – не одобряла, но и не возражала. Просто была не против, а при случае и сама принимала участие в застольях.

Аида с самого начала предупредила Эдельвейс:

– У тебя может возникнуть множество проблем. Твоя мать своим поведением сослужила тебе плохую службу: соседи будут смотреть на тебя с подозрением: яблочко от яблоньки, как известно... Что касается приятелей твоей матери...

– Я их быстро отважу. Не думаю, что достойная леди Сельма Акка будет возражать.

– Достоянная леди... -проворчала Аида, покачав головой. -Не знала ты ее в молодости, когда... Дряхлеет плоть, крепчает нравственность. Конечно, приятелей Сельвии ты можешь просто отвадить, но некоторые из этих людей еще могут тебе пригодиться в будущем, поэтому идеальным выходом представляется не портить с ними отношения, а создать ситуацию, при которой им будет просто неинтересно приезжать в усадьбу. Лучший выход – девственница Храма Немезис. Это сразу снимет все вопросы и избавит тебя от проблем. Одно дело – развеселая Сельвия, лихо отплясывающая на полянке возле костра, на котором жарятся шашлыки, и совсем другое – скромная девственница Храма Немезис, которая не пьет ничего крепче чая и к месту и не к месту занудно цитирует статьи из храмового кодекса.

Аида не ошиблась, приятели Сельвии пришли в усадьбу на поминки, но о дальнейших визитах им пришлось забыть.

– Мы с бабушкой тронуты тем, что здесь сегодня собрались все друзья моей матери. Полагаю, что мы друзьями и останемся, – обведя взглядом собравшихся, сказала Эдельвейс на поминках, особо подчеркнув слово «друзьями».

Приятели Сельвии время от времени еще пытались по старой памяти заглядывать в усадьбу, они думали, что веселье будет продолжаться и дальше, только с более молодой леди Акка, но Эдельвейс положила этому конец и прекратила эти визиты. Она сразу же расставила все точки над «и». В том числе и с помощью упоминания про тренера...

Сельма не возражала, ей это было безразлично. В конце концов, это были не ее приятели, а приятели ее дочери. Вот в молодости она сама... Но то время прошло. А какие у нее в молодости были поклонники!

Устраиваясь рядом с Дэки на сиденье в салоне аэрокара, Эдельвейс вспомнила, как с помощью виртуального симулятора училась пилотировать аэрокар, а потом и космический истребитель. Она являлась на занятия по пилотированию с объемной легкой сумкой. Доставала из сумки темно-красную подушку из плотного ворсистого, с узорными аппликациями, материала, -такие подушки кладут на жесткие табуретки или на заднее сиденье аэрокаров для украшения, и клала ее на сиденье пилотского кресла.

Эдельвейс вспомнила об этом по ассоциации: в этом аэрокаре была та же проблема, что и в любой другой стандартной модели летательного аппарата, даже если речь шла о гражданских летательных аппаратах. Стандартные кресла не были рассчитаны на людей такого роста, как Эдельвейс. Конечно, в отличии от военных моделей, эти кресла можно было подогнать под пропорции людей небольшого роста, но, чтобы во время пилотирования аэрокара чувствовать себя комфортно, ей не хватало буквально нескольких сантиметров. В результате во время занятий по пилотированию ей приходилось подкладывать подушку. Потом, в своем аэрокаре, она смоделировала сиденье для себя так, чтоб оно подходило ей по росту.

Но сегодня управлять аэрокаром ей не придется.

Выполняя указания Дэки, они взяли курс на восток, на Горную Шальду. Аэрокар перевели на ручное управление.

Небрежно замощенная крупным щебнем и покрытая лужами грунтовая дорога заросла по обеим сторонам деревьями и кустарником, а за этими насаждениями тянулись дренажные канавы, до краев наполненные темной торфяной водой. За канавами вздымались ограды приусадебных участков.

Кеннет и раньше бывал в Нижних Клонах. Чуть ли не в первый же день после прибытия «Инвиктуса» в Нижнеклонский порт им устроили экскурсию в Нижние Клоны в сопровождении представителей местной администрации. Хороший был спектакль... Им тогда объяснили, что когда-то на месте Нижних Клонов находилось огромное садоводство, где в сезон

отдыхало до 300 000 человек. Сейчас народу в сезон не меньше, а многие живут в Нижних Клонах круглогодично.

Образцово-показательное агрокультурное поселение!

Не считая разбитой дороги, Нижние Клоны выглядели вполне цивилизованно.

Аккуратные домики, детишки играют в мячик на лужайках, женщины в изящных соломенных шляпках и легких летних платьях качаются на садовых качелях или пьют чай за ажурными столиками. Где-то тихо играла музыка.

Кеннет отметил, что день хоть и солнечный, но слишком прохладный для легкой одежды. Да и ветерок с моря Нево... На шоссе он дует почти постоянно, но на территории поселка его немного сдерживают деревья.

Полуостровом вдается в море Нево мыс Заячий, на котором расположены Нижние Клоны. Холодный ветер, постоянно дующий с моря, проносился над полуостровом прямо через поселок.

Даже здесь, в нескольких сотнях метров от побережья, еще ощущалось дыхание моря. Приглядевшись, Кеннет заметил, что вблизи скамеек и столиков расставлены искусно замаскированные термогенераторы.

Мимо аэрокара неспешно проехали на новеньких ярких велосипедах мать и две ее дочери. Укрепленные на багажниках пустые плетеные корзинки ясно говорили о том, что семейство отправилось на местный рынок за покупками.

Кеннет с интересом рассматривал особняки, тонувшие в зелени живописно разросшихся садов. Имперцы не придерживались единого стиля при оформлении садовых ландшафтов: аккуратно подстриженные лужайки с яркими цветниками и фонтанчиками чередовались с полянами, заросшими полевым разнотравьем, а некоторые усадьбы заросли густым лесом, в глубине которого с трудом угадывались жилые строения.

– А в какое время построены эти коттеджи? – спросил Кеннет.

– Если хотите узнать, когда построен дом, смотрите на крышу. Если над крышей вздымается мощная кирпичная труба, то, скорее всего, этот дом построен в последней четверти 20-го века, когда отапливать дровами было дешевле, чем электричеством. Если труба железная небольшого диаметра, то это значит, что дом построен не раньше первой четверти 21 века, когда дома стали отапливать в основном с помощью рефлекторов и калориферов и необходимость в мощных кирпичных печах отпала. А потом появились термогенераторы... Так что если печной трубы вообще нет, то это, скорее всего, недавние постройки. – объяснила Эдельвейс.

Большинство домов имели солнцеловительные ниши, лоджии и балкончики, украшенные балюстрадами с фигурными балясинами, и веранды, обращенные на все стороны света. Над многими крышами вздымались застекленные башенки. Своеобразная архитектура Нижних Клонов объяснялась местными климатическими условиями: эти архитектурные элементы были характерны для строений, предназначенных для жизни в холодном и влажном климате. Температура в помещениях, обращенных на юг и расположенных на втором или третьем этаже, была значительно выше, чем в помещениях, расположенных на первом этаже, так как они сильнее нагревались от солнца и потом долго держали тепло.

– «Воздушные замки», – усмехнулась Эдельвейс. – Знали бы вы, сколько строений дополнено архитектурными деталями с помощью генератора силового поля и набора тактильных голограмм! Теперь можно дополнить основное строение любым количеством пристроек и башенок, выбрав их в каталоге силовых модулей. Настоящий переворот в строительстве! Некоторые строения изменяются несколько раз за сезон...

...Через пару километров впереди по курсу возникла стена деревьев. Казалось, что здесь дорога заканчивается, тем более что на одном из деревьев на обочине была закреплена

фанерная табличка с надписью крупными буквами «тупик», а для тех, кто не понял, что это означает, на той же табличке внизу было приписано более мелким шрифтом: «проезда нет».

Но возле самых деревьев дорога резко поворачивала на юг, а еще через сто метров слева открылась широкая канава с глинистыми склонами, по дну которой, журча между крупными камнями, струился ручей.

– Здесь нужно повернуть на юг, – Эдельвейс показала в сторону канавы.

Для аэрокара канава не была препятствием: являясь транспортом повышенной проходимости, он просто перелетел через нее. Кеннет из врожденной деликатности не стал спрашивать Эдельвейс, как же канаву пересекают пешеходы, он и так все понял, увидев импровизированную переправу из крупных камней на дне ручья и выступающие из глинистых склонов, как ступени, корни деревьев.

И еще около двух километров аэрокар парил над проселочной дорогой, по обе стороны которой располагались особняки весьма причудливой архитектуры. Владельцы усадеб проявляли воистину безграничную фантазию при разработке архитектуры своих коттеджей. Кеннет засмотрелся на балкончик с резной балюстрадой.

– Это чисто декоративная деталь, а не функциональная, поскольку балкон расположен на северной стороне, – пояснила Эдельвейс. — Ветры с моря Нево, господствующие в этой местности, не позволяют использовать такие балконы и лоджии в качестве соляриев.

– А что, на этих широтах вообще можно загорать? – интендант впервые проявил явный интерес к разговору.

– Конечно, и лучше на лоджии, чем в саду: намного теплее. Только лоджия должна выходить на южную сторону.

Эдельвейс знала, о чем говорила: лоджия их особняка, расположенная на высоте третьего этажа, была обращена на юг. В солнечные дни там было тепло даже при резком холодном ветре с моря Нево: лоджию заслоняли скаты крыши. К тому же комары, изрядно досаждавшие всем загоравшим в саду, днем подняться на такую высоту не могли.

Даже в апреле Эдельвейс обожала отдыхать на этой лоджии, растянувшись на покрывале или сидя в шезлонге, лениво наблюдая, как налетающий с моря ледяной ветер с шумом качает лапы огромных елей, как в небе дрозды с отчаянным стрекотом гоняют ворону, и как с негромким гулом пролетают над шоссе вдоль Малого канала аэрокары, и их глянцевые корпуса поблескивают между стволами деревьев...

На этой лоджии – ну, или почти на этой, – она отдыхала и раньше, много лет назад, любуясь, как ранней весной солнце садится за голой еще березовой рощей, слыша, как с жужжанием проносятся катера по Большому каналу... Точно так же, как теперь проносятся аквааэрокары.

Стоп, мысленно одернула себя Эдельвейс, об этом не следует вспоминать, по крайней мере сейчас. Нет, она не верила в телепатов, способных читать мысли, но, погрузившись в воспоминания, всегда можно забыться и случайно сболтнуть лишнее... Поэтому лучше подумать о другом.

Эдельвейс заметила, что Кеннет с интересом окинул ее взглядом с головы до ног.

Увы, в брючном костюме и куртке она не могла продемонстрировать ему свой загар... Эдельвейс улыбнулась и пожала плечами. Все свободное время в солнечные дни она проводила на лоджии, и загар у нее был такой, словно она только что вернулась с юга. Особенно сильно загорели ноги: сидя в тени, она всегдаставляла их на солнце. Несколько дней назад на торговой площадке, куда она пришла, одетая по случаю неожиданно наступившей жары в коротенькие черные шорты с красной окантовкой и красный, с черной окантовкой топик на тонких бретельках, расписанный по красному фону разноцветными контурами сердечек, словно нарисованных от руки, продавщица, введенная в заблуждение ее загаром, поинтересовалась, где именно на юге она отдыхала. Эдельвейс честно ответила, что отдыхает обычно

на своей лоджии, и подумала, что надо будет поставить на свои топики принт с надписью: «Я отдыхаю только на южном берегу моря Нево!» вместо этих дурацких контуров сердечек, как будто нарисованных второпях ребенком.

Эдельвейс могла и предположить, что всего через несколько дней Кеннету представится случай полюбоваться на ее загар. Знала бы она, при каких обстоятельствах!

Грунтовая дорога опять уперлась в лесополосу, и очередной поворот на юг вывел их на узкое проселочное шоссе.

Теперь аэрокар парил над шоссе. У обочины, возле крытой остановки, завис рейсовый аэробус. Пассажиры с объемистыми сумками, из которых торчали букеты, неспешно поднимались в салон.

– Насколько я понял, в каждом районе Нижних Клонов есть собственный портал. Так почему они не воспользовались порталом? – спросил Кеннет, кивнув на людей на остановке.

– Есть такие люди – ортодоксы. Они опасаются новых технологий и не доверяют им. Для таких людей несколько раз в сутки ходят рейсовые аэробусы, – пояснила Эдельвейс.

– Ясно.

...Несколько дней назад, когда Кеннет по делам ездил в Орешек, он заметил на обочине дороги пешехода с тяжелой поклажей и предложил его подвезти.

На пассажирское сиденье втиснулся среднего роста крепенький круглолицый пожилой мужчина с огромным набитым рюкзаком. Кеннет уже был знаком с этим имперским обычаем – возить выращенные на даче овощи и фрукты в город, как будто там не было продовольствия.

Мужчина оказался словоохотливым и не замолкал до той минуты, пока его не довезли до остановки маршрутного аэробуса в Орешке.

Через несколько дней Кеннету передал вахтенный, что его спрашивает какой-то человек, явно из местных жителей. У трапа его ждал тот самый пожилой мужчина в спортивном костюме. Вручив Кеннету огромную тыкву, явно выращенную в теплице, он поблагодарил его за помощь в вывозе урожая. Кеннет очень удивился – по его расчетам, для тыкв был еще не сезон, но потом вспомнил, что теплицы с мощными термогенераторами позволяют имперцам получать несколько урожаев в год. Тыква Кеннету была не нужна, да и подобная благодарность представлялась ему необычной, но он радостно поблагодарил, понимая, что так положено согласно местным обычаям. Кеннету вспомнилась старинная гравюра, на которой индейцы встречали высадившихся с кораблей испанцев дарами своей природы. Да, кое-что в этом мире не меняется...

С узкого проселочного шоссе они выехали на оживленную трассу, через несколько километров повернули с трассы на проселочное шоссе, и начали подниматься на возвышенность.

– Мы сейчас находимся на высоте Исаакиевского собора, – пояснила Эдельвейс, когда подъем закончился и они оказались на ровном и прямом участке дороги.

Далеко внизу, под возвышенностью, виднелась трасса и крохотные, как жуки, аэрокары, скользившие над ее полотном.

До склада они добрались благополучно. Дэки не ошибся, показав им самый короткий путь, который Кеннет внес в бортовой компьютер.

Выйдя из аэрокара возле самого склада, на прощание Дэки помахал рукой и скрылся с глаз так внезапно, что Кеннет даже не понял, в какую сторону он направился, а Эдельвейс деловито начала осматривать продукты, которые Кеннет предполагал закупить. Ее помощь оказалась очень кстати: без нее американцы так и не поняли бы, что означают загадочные надписи на ящиках с фруктами: «Адын дын врубель» и «Кыш мыш кило парублю».

Выбрав нужные продукты и заказав доставку, они отправились в обратный путь.

Возвращались они тем же путем, каким прибыли в Горную Шальду, однако при возвращении они видели уже знакомый путь с обратной стороны, и выглядел он теперь совершенно по-другому. Когда грунтовая дорога уперлась в поперечное шоссе, за которым виднелась развилка двух дорог, Кеннет испытал легкое замешательство, но не потому, что бортовой компьютер не знал, какую из двух дорог следует выбрать, а потому, что на углу перед развилкой стоял железный столб, на котором висели два указателя, направленные в противоположные друг от друга стороны. На одном было написано: «Улица Светлый путь коммунизма», на другой «Улица Красных пролетариев». Один указатель был направлен в сторону кустов, за которыми виднелась помойка, другой – в сторону сточной канавы.

– Это еще от коммунистов осталось, – пояснила Эдельвейс, не уточняя, что именно она имеет в виду: указатели, помойку или канаву.

Бортовой компьютер уверенно вел аэрокар по намеченному маршруту, Эдельвейс в нужный момент размыкала электронным ключом преграждавшие им путь шлагбаумы, и дорога домой прошла без сюрпризов.

Вопреки ожиданиям Эдельвейс, по дороге на них никто не напал, аэрокар не заглох и не влетел в аварию. И никто из американцев не делал ей никаких предложений – ни непристойных, ни противозаконных, ни деловых. И... не задавал подозрительных вопросов. И это ее как раз настораживало.

Вдобавок, когда они подъехали к воротам усадьбы, капитан еще и отказался от чая под предлогом, что время поджидает и ему пора возвращаться на корабль. Эдельвейс, конечно, и раньше знала, что мужики паразиты, но чтоб настолько...

День явно не удался.

Аида поджидала ее, покачиваясь на качелях.

– Ну, что американцы?

– Даже не намекали на интересующую нас тему, – с досадой отозвалась Эдельвейс. – Возможно, мы ошиблись насчет них. Или... они вообще по другому вопросу.

– А капитан хорош... – мечтательно промурлыкала Аида, пристально посмотрев на Эдельвейс.

– Самоуверенный, как и все американцы, – поморщилась та. – Хотя, конечно, мужик здоровенный, такой в хозяйстве бы пригодился... Для тяжелых работ, разумеется!

– Да и в качестве производителя он был бы хорош! Блондин атлетического сложения... – протянула Аида, оглядывая ее с головы до ног. – А тебе он не нравится?

– А он должен мне нравиться? Или просто – смотри в потолок и думай об интересах Секретной Федерации? – пренебрежительно фыркнула Эдельвейс.

Этот легкий шуточный разговор развлекал их обоих. Он ни к чему не обязывал и был, в сущности, бессмысленным, так как... Но сейчас Эдельвейс не хотела об этом думать. Голова у нее была занята другим: она планировала, чем займется в ближайшее время.

Раз гостей сегодня не будет, почему бы не предаться любимому развлечению?

А в саду, на полянке, уже раздвигали стол... Люди из свиты Аиды, хихикая, расставляли на скатерти столовые приборы. Эдельвейс тоже усмехнулась, но мысленно: знал бы Кеннет, отказавшийся от чая, какое безумное чаепитие организуется здесь без свидетелей! От участков соседей их отделяло установленное по периметру усадьбы силовое поле, мерцающее вдоль ограды. Стараниями Аиды оно могло выполнять также функцию голографического экрана и сейчас транслировало вид на пустой сад, как будто там никого и не было, а также служило защитным экраном, поглощающим звуковые волны.

Соседи не услышат ни звука. Зачем им знать, как здесь развлекаются!

По винтовой лестнице Эдельвейс поднялась на второй этаж в свою спальню, чтобы переодеться перед тренировкой.

Лучи уходящего на запад солнца, бившие из окна, находившегося напротив двери, по диагонали пересекали комнату, по косой падая на тахту, оставляя в тени только дальний угол.

Справа от двери находился встроенный стенной шкаф.

Эдельвейс открыла дверцу шкафа, и целая кipa одежды едва не свалилась ей на голову: такое количество вещей уже не помещалось на полках и вываливалось от малейшего толчка: из своих экскурсов в прошлое Эдельвейс навезла кучу вещей, которые там продавались по бросовой цене. Это были настоящие трикотажные вещи, в отличии от вещей, напечатанных на принтере трехмерной печати, у этих вещей были и швы, и фактура ткани. В Империи такая одежда стоила дорого.

Эдельвейс скупала в нижележащем времени все, что стоило ее внимания, и в результате забила шкаф доверху. Перенести эти вещи в свою комнату в замке Аиды она не могла, так как вещи попросту исчезли бы при переходе в нижележащее время. Она в очередной раз подумала, что стоило перенести часть вещей в другой шкаф, но, как всегда, отложила мероприятие на потом.

Достав из встроенного шкафа одежду, в которой она обычно ездила верхом, Эдельвейс двинулась в сторону алькова, обходя по периметру размещенную в центре спальни тактильную голограмму в виде неглубокого круглого бассейна с фонтаном в виде огромного букета зеленовато-голубых стеклянных цветов посередине. Конечно, было не совсем удобно передвигаться по спальне, огибая это сооружение, чтобы добраться от двери до алькова или наоборот, но чего не стерпишь ради такой красоты! Ночью, в темноте, стеклянные цветы слегка светились, а система частиц, имитирующих воду, начинала светиться и вспыхивать разноцветными искорками!

Бросив выбранные вещи на табуретку, Эдельвейс с наслаждением шлепнулась задом на пружинившую тахту. Только сейчас она почувствовала, что умирает от жажды. Можно было спуститься на кухню попить чая, но ей не терпелось приступить к тренировке... Подойдя к шкафу, она взяла с полки белую фарфоровую чашку. Это была совсем небольшая чашка, почти игрушечная, но для целей Эдельвейс она вполне подходила.

Эдельвейс резким движением протянула руку к картине с озером и маяком. Край чашки соприкоснулся с поверхностью нарисованного озера и неожиданно погрузился в него. Раздался легкий чавкающий звук, и Эдельвейс мгновенно вытащила полную воды чашку из озера, поверхность которого тут же сомкнулась и приобрела прежний вид. Будучи украшением интерьера, картина в то же время являлась артефактом, представлявшим собой редкую разновидность синтезатора воды. Эдельвейс обожала диковинки и не могла отказать себе в удовольствии украсить стену своей комнаты такой редкостью. Усевшись на тахту, она поднесла чашку к губам: вода была свежей, прохладной и очень вкусной. Она пила, смакуя каждый глоток.

Прямо перед ней, на расстоянии полутора метров, располагался бассейн с фонтаном. Струи воды, бившие из серединки каждого цветка, падали в воду бассейна абсолютно бесшумно. Эдельвейс подумала, что надо бы запрограммировать композицию на звуковое сопровождение... И она это сделает, когда будет время.

Лично смоделировав интерьер своей спальни, Эдельвейс чувствовала себя уютно в своем личном мирке. Здесь хранились ее вещи, здесь на мебели была разложена ее одежда, которую она ленилась убрать в шкаф. Легкий беспорядок делал комнату обжитой...

– Уютный уголок! – заметил в свое время кто-то из знакомых Эдельвейс, рассматривая голографическое изображение интерьера с альковым, украшенным резьбой с цветочным и растительным орнаментом. – Вот бы где с мужиком порезвиться!

Эдельвейс тогда содрогнулась от такой чудовищной мысли. Привести в свою спальню чужого человека? Чтобы он валялся на ее тахте? Эдельвейс вообще не понимала, как можно

добровольно согласиться жить в одной комнате с кем-то. А уж как можно спать вдвоем на одной кровати, она не понимала в принципе. Сама она так бы не смогла. У взрослого человека должно быть все свое, даже если он живет с кем-то по контракту о совместном проживании. И тут она была не оригинальна: первоначально об удобствах раздельного проживания писал еще Чернышевский в своем романе «Что делать?».

Эдельвейс натянула бордовые лосины и высокие сапоги со щитками на коленях – в Англии такие сапоги называются веллингтонами, надела легкий бадлон и стеганую жилетку – к вечеру стало прохладно. Силовое поле, повторяющее контуры ее тела, было, как всегда, включено и представляло собой идеальный защитный костюм, необходимый для предстоящего развлечения: настройка верховых роботов была делом не только сложным, но и травмоопасным.

Затем она спустилась по винтовой лестнице и вышла на лужайку у дома.

Люди из свиты Аиды уже вывели из ангара лошадь-робота. Его звали Агат. Это имя дала ему Эдельвейс, и если эта экспериментальная модель пойдет в серию, то так будет впоследствии называться вся серия. Агата Эдельвейс готовила для участия в соревнованиях верховых роботов-лошадей.

В таких соревнованиях верховых роботов могли принимать участие только авторские модели роботов-лошадей, соответствующие определенным параметрам: рост в холке, обхват грудной клетки, косая длина туловища... Условия оговаривались заранее в правилах соревнований.

Эдельвейс нужно было пройти на этом роботе ряд препятствий. Самое сложное называлось «Столик Мюнхгаузена». Робот должен был запрыгнуть на стол и пройти по столешнице, не разбив и не повредив при этом ни одного столового прибора. При этом роботы, рассаженные вдоль стола, непрерывно тянули руки за чайными чашками, то беря их, то ставя на место. Робот-лошадь не должен был задевать копытами эти руки или столовые приборы. Задетые чашки и блюда, специально запрограммированные, издавали противный звон, больше похожий на писк. Эдельвейс на своем роботе уже не раз проходила это препятствие, не задевая предметы, однако она не укладывалась в отведенное время.

Тролли из свиты Аиды со смехом кидали перед копытами робота кусочки сахара и смятые салфетки. Робот шарахался, норовил встать на дыбы, чтобы избежать столкновения с летящим предметом.

– Он слишком тонко настроен, – заметила Аида. – Он должен реагировать на размер предметов, скорость и траекторию движения. Он должен игнорировать столь мелкие предметы. Нужно внести в базу данных те объекты, столкновения с которыми ему следует избегать, и те, столкновения с которыми не представляют опасности.

Эдельвейс кивнула. Конечно, верховой робот должен быть настроен так, чтобы игнорировать предметы, не представляющие для него опасности. Например, должен переступать через корни деревьев во время прогулки по лесу, но не должен переступать через каждую веточку или цветок. Иначе он вообще не сможет передвигаться.

Эдельвейс с тоской подумала, что совершенно не успевает отъездить еще одного своего верхового робота-лошадь: по гладкой дороге он неплохо передвигается, но вот в лесу будет цепляться за корни и спотыкаться, если его не выезжать регулярно. Роботы быстро обучаются, но их обучением все равно нужно регулярно заниматься.

Да, задача правильного распознавания образов для верховых роботов сложна, но гораздо сложнее настроить боевого или охранного робота, которому постоянно придется решать сложные логические задачи – когда избегать столкновения, а когда наносить удар. От верхового робота умение наносить удар не требуется.

Эдельвейс уже начала экспериментировать с боевыми роботами. Пока не слишком успешно, но со временем она надеялась смоделировать для себя настоящего боевого коня-

робота для выступления на турнире. Некоторые знакомые, правда, выражали сомнения... Нет, не по поводу ее способностей моделлера, а по поводу ее физических данных. Но Эдельвейс никогда не слушала всяких там злопыхателей.

Работа продвигалась медленно, но, по крайней мере, доспехи для этого коня были уже готовы.

После тренировки, растянувшись в своей комнате на кушетке, она усмехнулась, вспомнив своего первого верхового робота. Тогда она впервые встроила систему костей в объект...

...Это было через несколько недель после того, как Аида привезла ее в свой замок.

В замке Аиды Эдельвейс получила возможность ездить на верховых роботах, но это были чужие, «общественные» роботы. А ей хотелось создать своего собственного...

В то время она только- только начала учиться трехмерному моделированию. Одно из первых заданий, которое она выполняла, было связано с анимацией объекта с помощью встроенной в его оболочку системы костей. Само задание не представляло особой сложности, однако для его выполнения обязательно требовался объект, представляющий собой трехмерную модель с некими опорами, в которые и предстояло встроить систему. Проще говоря, модель должна была представлять собой некий предмет на «ножках», количество которых варьировалось от двух до бесконечности. И вот тут Эдельвейс и столкнулась с проблемой: в ее распоряжении не оказалось ни одной подходящей модели, а создать собственную, пусть даже очень простенькую, в те времена она еще не умела. Конечно, можно было взять любую модель из библиотеки бесплатных моделей, однако внезапно в голову ей пришла более интересная идея. К выполнению задания можно было подойти творчески... Ведь анимировать можно было не только модель, представляющую собой тактильную голограмму, но и любой материальный объект, если он был достаточно пластичным. Эдельвейс огляделась.

В предоставленной ей полностью меблированной комнате на диване лежало украшение интерьера в виде огромной, размером со льва, мягкой игрушки-кошки. Песочного окраса кошка из искусственного меха с длинным ворсом лежала на животе, как сфинкс, глядя прямо перед собой и вытянув длинные лапы. Эдельвейс внимательно осмотрела ее и ощупала толстые, округлые на концах лапы – каркаса внутри не было. Это было как раз то, что нужно.

Надеясь, что Аида не рассердится на такое использование мягкой игрушки, Эдельвейс принялась за дело.

И через каких-то полчаса юные хэльфи с восхищением махали руками вслед Эдельвейс, крупной рысью проезжавшей мимо них верхом на анимированной меховой кошке по грунтовой дороге испытательного трека, выглядевшего так, словно по нему прошла танковая колонна, а потом выбоины еще и размыло ливнем. Пружинистой рысью, едва касаясь поверхности дороги подушечками лап, меховая игрушка неслась по треку, слегка потряхивая наездницу на своей мягкой спине, и длинный пушистый хвост кошки волочился сзади по колдобинам, подметая пыль.

А Эдельвейс, сидя в джинсах верхом на пушистой кошке, в очередной раз порадовалась, что воспитанникам тейи в свободное от занятий время разрешалось ходить в той одежде, к которой они привыкли у себя дома: столь популярные в свое время в России джинсы, рабочие штаны из арсенала американских фермеров, ковбоев и букмекеров, обладали одним неоспоримым достоинством: шерсть к ним не липла.

Те джинсы... Они до сих пор еще «живы», и Эдельвейс иногда она надевает их со старыми синими кроссовками на липучках и черной борцовкой. Даже и теперь в Империи в сельской местности джинсы еще носят кое-где как рабочую одежду...

Из фирмы прислали материализованную модель артефакта «Волшебная мельница».

Эдельвейс об этом сообщили по коммуникатору, и она прибыла на «Инвиктус» посмотреть на готовый артефакт. В ее присутствии не было особой необходимости, но она любила лично проверять качество материализации своих виртуальных моделей.

«Волшебную мельницу» уже установили на камбузе.

Кронин пришел за Эдельвейс, когда она как раз наблюдала за работой артефакта.

– Поскольку вы уже закончили конструирование «Волшебной мельницы»... У нас тут к вам есть еще одна просьба. У нас там в лазарете небольшая проблема...

Эдельвейс кивнула и двинулась за Крониным в сторону лазарета. У нее появилось нехорошее предчувствие, которое, впрочем, появлялось у нее всякий раз, когда ей приходилось иметь дело с врачами.

Медотсек представлял собой облицованное светло-зелеными пластиковыми панелями небольшое помещение, буквально забитое различной аппаратурой. Аппаратура непонятного Эдельвейс назначения с хромированными и пластиковыми поверхностями, гофрированные трубки, кушетка, лабораторный стол, реанимационная капсула, встроенные шкафы с инструментами занимали все пространство медотсека.

В подобных помещениях у Эдельвейс всегда слабели от страха ноги. Скрестив руки на груди, она прислонилась спиной к стене, выжидательно глядя на Кронина. Специфический запах лазарета ее нервировал. Несмотря на то, что воздух усиленно стерилизовали во избежание специфических, «больничных» запахов, этот запах был неистребим. Страшные воспоминания нахлынули на нее при первом же вздохе, сердце забилось в груди так, как не билось во время самого напряженного поединка.

Доктор... Эдельвейс узнала его сразу. А он ее не узнал. Каждый раз, когда она его видела в коридоре, ее так и тянуло спросить: ну, как поживаете, доктор? Но напоминать ему о некоторых событиях не входило в ее планы.

Яркое освещение лазарета позволило ей хорошо рассмотреть Кронина. Он почти не изменился с того времени, когда она его видела в последний раз. Чуть выше среднего роста брюнет со слегка волнистыми волосами. Спортивное телосложение – худощавый, но с широкими плечами. Фигура – выраженный треугольник, что всегда говорит о многолетних занятиях теми видами спорта, где основная нагрузка приходится на руки и плечи. Эдельвейс знала, что отец у него – сын русских эмигрантов. Впрочем, мать тоже.

Кронин случайно столкнулся на пол листок бумаги со стола. Эдельвейс присела, чтобы поднять листок. Хрустнули не только коленные, но и левый тазобедренный сустав.

– Это у вас так?... – буквально вскинулся Кронин. Рефлекс хирурга, однако! Но он сразу же заметил, что спина у нее сгибается нормально, и почти успокоился. Вот когда человек приседает, чтобы поднять упавший предмет, с прямой спиной, это повод для хирурга насторожиться.

– Ну, расшатана суставная сумка, – пожала плечами Эдельвейс.

– Это вам врач сказал?

– Нет, в сети прочла. Я ведь уже взрослым человеком растянулась на продольный шпагат и на поперечный. Может, от этого.

– Один мой пациент десять дней лечился по сети... А потом попал ко мне на операционный стол.

– Увы, если бы все болезни можно было бы вылечить по сети, врачи вообще были бы не нужны. Но у меня пока что получается, -вызывающе откликнулась Эдельвейс.

– Ну, естественный отбор еще никто не отменял, -подтвердил Кронин.

Эдельвейс кивнула. То же самое говорил ей и Ингвар... Сговорились они все, что ли?

Она понимала, что врачи скептически относятся к тем, кто лечился по сети, потому, что сеть является для врачей конкурентом, а конкурентов всегда не любят.

Что касается скрипа в суставах... Вспомнилось прошлое... Пустой зал Русского музея. Кроме нее и служительницы – никого. Она не торопясь ходит по залу, рассматривая полотна. Тишина. И в тишине – скрип ее коленей. Так было неудобно... Как ни странно, со временем этот скрип при ходьбе прошел сам по себе и проявлялся разве только во время приседаний, да и то – изредко.

– Слушайте, Кронин, вы не могли бы хоть ненадолго забыть, что вы хирург? – сокрушенно вздохнула она. – Вы же когда-нибудь человека до смерти напугаете! – и Эдельвейс возвела глаза к потолку.

– Не беспокойтесь, камер здесь нет – все-таки врачебная тайна, – сказал Кронин, неправильно истолковав ее взгляд. Он с самого начала заметил, что Эдельвейс украдкой поглядывает на стены и потолок. – Камер нет ни в лазарете, ни в туалете.

Эдельвейс кивнула. Насколько она слышала, в свое время во многих российских медицинских учреждениях дело обстояло с точностью до наоборот: камеры наблюдения устанавливались прямо в кабинетах: доведенные до ручки хамством, вымогательством и некомпетентностью врачей, пациенты, не надеясь добиться справедливости через суд, все чаще брались за оружие. Впрочем, бывало и наоборот: врачи воздействовали на строптивых пациентов кулаками... К счастью, в то время Эдельвейс уже не прибегала к услугам российской медицины.

И вот теперь у нее были нехорошие подозрения насчет причины ее вызова в лазарет... Неужели Кронин все-таки что-то заметил и решил поговорить с ней наедине? Вот только его участия в ее жизни и не хватало! Если он кое-что заметил... Сейчас начнет читать нотации: а вы знаете, что может случиться... а если то... а если это...

Запах лазарета по-прежнему раздражал ее, но если когда-то этот запах вызывал у нее животный страх, то теперь на смену страху пришла ярость. Чтобы Кронин не прочел эту ярость в ее взгляде, Эдельвейс опустила глаза. Мысли опять потекли свободно и увлекли ее так далеко, что она с трудом вернулась к действительности, услышав голос Кронина.

– В общем, у нас возникла одна проблема...

– Так в чем у вас тут проблема? – Эдельвейс обвела взглядом медицинский отсек.

– Да вот проблема заключается в том, что наш запас жидкой валюты практически на нуле...

В первые же дни пребывания в Империи капитан Кеннет столкнулся с проблемой: для успешных переговоров с местными необходимо спиртное. Если бы капитан Кеннет в достаточной степени знал русский язык, чтобы понимать смысл пословицы «За что боролись, на то и напоролись», он бы не отдал в свое время приказа, запрещающего членам экипажа держать на борту спиртное. Но поскольку приказ был отдан и исполнен, спиртного на борту не было, в чем и убедился капитан по прибытии в порт на берегу моря Нево.

А уже в Нижнеклонском порту выяснилось, что решение некоторых задач первостепенной важности в этой части Парадизской Империи совершенно невозможно без спиртного. Традиция! Гражданин Соединенных Штатов Америки, Джон Кеннет не подозревал, насколько живучими могут быть некоторые древние традиции в этой части Империи с преимущественно русскоязычным населением.

По правилам хорошего тона, освященным местными традициями, за некоторые услуги следовало расплачиваться бутылкой. Разумеется, пищевые синтезаторы, установленные практически в каждом имперском доме, могли синтезировать этиловый спирт, но спиртное как жидкость само по себе – ничто, однако спиртное в стеклянной таре, преподнесенное в качестве подарка, служило символом, знаком уважения и признания заслуг. Сама по себе бутылка, как и сам по себе спирт, особой ценности не имели, но, составляя симбиоз, вместе переходили на качественно новый уровень.

Еще в самом начале визита капитан Кеннет имел беседу с имперским инструктором, приставленным к нему администрацией порта.

Рослая женщина габаритами напоминала шкаф средней величины, а выражением лица – каменную статую. В длинном черном бесформенном плаще с капюшоном она более всего напоминала аббатису монастыря.

– Она ответит на все ваши вопросы, – заверили капитана Кеннета в администрации порта.

Кеннет поинтересовался у инструкторши, как ему решить проблему со спиртным.

– Ящик водки? – она посмотрела на капитана с таким презрением, что он мгновенно почувствовал себя законченным алкоголиком и готов был от стыда провалиться сквозь землю. – Империя не продает иностранцам нейротоксический яд в бутылках. Тем более целыми ящиками.

Она готова была испепелить капитана взглядом.

– В любом кафе или ресторане вам подадут спиртное, но в разливе, – с презрением добавила она.

Затем, по-видимому, у инструкторши в голове зазвучали строчки дворовой песни: «Они идут туда, где можно без труда достать себе и женщин, и вина». Решив, что следующий вопрос капитана Кеннета будет о женщинах, она решила пресечь подобные разговоры на корню.

– Так вот этого позорного социального явления у нас нет, – заявила она, даже не удосужившись уточнить, о каком явлении идет речь. – Никаких проституток в баре не будет. Познакомиться с женщиной можно по каталогу в сети, – сухим, официальным тоном, но при этом брезгливо поджав губы, объяснила капитану инструкторша. – Однако это не значит, что если женщина согласна на личную встречу, она согласна вообще на все. Как иностранцам следует вести себя в Империи, написано вот в этой брошюрке. Советую ознакомиться лично и довести это до сведения членов экипажа.

Она сунула Кеннету в руки небольшую брошюрку в сером переплете.

– Более подробно можно познакомиться с правилами поведения на территории Парадизской Империи с помощью материалов, размещенных в сети.

Кеннет обещал обязательно ознакомиться. А ознакомившись, убедился, что решить проблему со спиртным будет чрезвычайно сложно.

И вот, поскольку на борту спиртного не было, так как в США приказом капитана проносить спиртное на борт запрещалось, а достать спиртное на берегу моря Нево не представлялось возможным – в ближайшем кафе на берегу навынос не продавали в принципе, а идти в ближайший поселок по незнакомой местности не было смысла – иностранцам спиртное не продали бы даже там, а искать местных самогонщиков капитан пока не решился, он задумал идти другим путем.

– Синтезировать спиртное? – доктор Кронин был удивлен. – Почему нельзя просто купить?

Он, видимо, невнимательно прочитал брошюрку.

– Спиртное навынос они продают только своим гражданам... – Кеннет поморщился, вспомнив, как бармен из кафе на берегу скривился, когда Кеннет спросил его насчет возможности купить несколько бутылок водки, и объяснил, что нейротоксический яд в упаковках таких объемов в Империи иностранцам не продают.

– А как насчет тех наших членов экипажа, у кого двойное гражданство? – сообразил Кронин.

Кеннет поморщился, вспомнив, как изъял у одного такого гражданина ящик с тройным одеколоном, который тот предусмотрительно закупил в порту, в магазинчике дюти-фри,

и спрятал под койкой. Хорошо, что бдительные американские члены экипажа доложили... Кеннет хотел подвергнуть нарушителя дисциплинарному взысканию, но изворотливый ловчила сумел доказать, что одеколон спиртным напитком не является, а проносить на борт спиртосодержащие жидкости капитан не запрещал.

– Как только мы прибыли в порт, все члены экипажа с двойным гражданством тут же подали прошение предоставить им отпуск по семейным обстоятельствам. Я потом пытался отозвать хоть кого-нибудь из них из отпуска, но все они предъявили больничные листы с диагнозами, которые не позволяют им нарушать постельный режим.

– Ну, еще бы, после теплой встречи с родственниками... – криво усмехнувшись, пробормотал Кронин. – Надо полагать, они и вправду на ногах не стоят. Ладно, попытаюсь решить проблему самостоятельно.

Зная имперские обычаи, Кронин самонадеянно решил, что сможет «договориться» насчет закупки спиртного, но выяснилось, что спиртное в таре иностранцам действительно не продают. Договориться не удалось, даже несмотря на свободное владение русским языком.

Кронин сгонял на аэрокаре в ближайший к порту поселковый магазин. Поскольку дороги Кронин не знал, ему пришлось долго петлять по узким улочкам поселка, руководствуясь сбивчивыми пояснениями местных жителей. В конце концов он все же обнаружил магазин – одноэтажное здание из белого силикатного кирпича. Сидя в аэрокаре на площади перед магазином, Кронин какое-то время раздумывал, не приплатить ли ему кому-нибудь из местных, чтобы тот купил для него ящик спиртного, но не решился. Выйдя из аэрокара, он сам вошел в магазин.

Стоя в хвосте небольшой очереди, он с интересом рассматривал местных жителей. В легких разноцветных бриджах, шортах и топиках, в босоножках, пластиковых тапочках и кроссовках, они представляли собой типичных разнежившихся на отдыхе дачников. Многие имперцы держали на руках фамильяров в виде маленьких собачек или кошек, только у одной девочки лет десяти был фамильяр в виде белька. Имперцы непрерывно разговаривали со своими фамильярами, те негромко отвечали. Поглощенные собой и своими фамильярами, имперцы не глазели по сторонам и не обращали никакого внимания на Кронина. Он надеялся, что и продавщица не обратит на него внимания. Тогда он сойдет за местного и купит вожделенное спиртное, расплатившись наличными, но... Продавщица, окинув его цепким взглядом, потребовала предъявить хоть какие-то документы: а вдруг несовершеннолетний? Кронин опешил: конечно, последнее время он вел здоровый образ жизни, но чтобы так помолодеть!... Должно быть, просто она заподозрила в нем иностранца и решила воспользоваться любым предлогом, чтобы потребовать документы. Документы он мог предъявить, но вот тут бы и выяснилось, что он действительно иностранец и продавать ему спиртное нельзя! Но как она догадалась, что он не местный?

Выходя из магазина с пустыми руками, Кронин мельком взглянул на себя в зеркало, висевшее на стене у самого выхода: в зеркале отражался брюнет, весьма импозантно смотревшийся в темно-синем мундире ВКС США и с эмблемой судового врача на груди.

В этот же день Кронин доложил Кеннету, что миссия, с которой он ходил в поселковый магазин, действительно невыполнима.

И вот теперь у них серьезная проблема. Кто бы знал заранее, что тщательно продуманный и разработанный план может дать сбой из-за такой мелочи! Тоже мне, специалисты из внешней разведки!

Кеннет понимал, что если Кронин не сумеет синтезировать нужное количество спирта, придется искать местного жителя, который согласится закупить необходимое количество

бутылок спиртного. Пока что положение спасал Кронин: регулярно совершая рейды в здешние леса якобы для ознакомления с местной флорой, он неоднократно сталкивался с местными жителями, уже пронюхавшими, что он врач. Кронину приходилось регулярно консультировать местных старушек, а они презентовали ему то банки с домашними заготовками, а то и бутылки со спиртным. Спиртное Кронин честно отдавал капитану. Но этого было недостаточно. Бутылки нужны были всем – и заведующему портовым складом, и операторам грузовых роботов, и... Кеннет усмехнулся, подумав, что было бы неплохо сдать Кронина в аренду, чтоб он работал в местной больнице. Сколько бутылок приносил бы он после каждого дежурства!

– И сколько же всего бутылок нужно? – спросил Кронин, прекрасно понимая, что в случае неудачи в синтезе спиртного искать сговорчивого местного придется ему: будучи потомком российских эмигрантов в третьем поколении, да еще и воспитанным русской бабушкой, он в совершенстве знал русский язык.

...Свое знание русского языка он скрывал с детства: помнил рассказы отца о том, как того, сына российских эмигрантов, дразнили в школе русским шпионом, несмотря на то, что он был рожден в Америке и английский язык был для него вторым родным языком. Поэтому свое знание русского языка доктор Кронин обычно скрывал.

– Сейчас подсчитаю... – деловито сказал капитан, – Итак, нужно...

...Взяв весь запас йода, приобретенного в местной аптеке у подозрительно косящегося на него аптекаря, Кронин перегнал его на спирт. Бутылки с этикетками удалось приобрести по дешевке в одной фирме. Разлив осуществляли в лазарете, крышки варганили в инженерном отсеке.

Увы, спирта хватило всего на несколько бутылок...

Кеннет был в раздражении: вот если бы у них на «Инвиктусе» был хоть один синтезатор пищи из тех, что в Империи имеются в каждом приличном доме!.. Да, у них много чего не было, например, сети таких мощных пространственно-временных порталов, как в Империи, но зато благодаря этому удалось сохранить территориальную целостность США. В противном случае на территории США сейчас существовало бы множество карликовых государств... Но зато на «Инвиктусе» был бы синтезатор пищи, с помощью которого можно синтезировать хоть овсянку, хоть чипсы, хоть спирт, но синтезатора нет, и проблема остается.

Вот тогда и возникла идея привлечь к делу Эдельвейс.

– Купить спиртное здесь мы не можем, как и заказать из-за границы, – объяснил ей Кронин.

– Понимаю, – с энтузиазмом кивнула она, – вы сейчас решаете, что заказать: самогонный аппарат или синтезатор спирта.

– Самогонный аппарат мы заказывать точно не будем: после взрыва на камбузе не хотим рисковать. А вот синтезатор спирта...

Эдельвейс облегченно вздохнула и расслабилась: всего лишь новый заказ! А она-то думала... Она в своей жизни уже наслушалась различных нотаций, бреда и благоглупостей! Не всегда знаешь, как среагирует человек, заметив такое... А ему всего-то и надо – синтезатор спирта!

Итак, хирург ничего не заметил... Но вместе с радостью она на миг испытала досаду: ничего не заметил, тоже мне, специалист! А может, заметил, но решил, что это его не касается? Что ж, разумное решение.

И Эдельвейс согласилась конструировать синтезатор спирта. Обговорив все детали и время выполнения заказа, она сделала необходимые замеры и покинула лазарет.

А после ее ухода Кронин обнаружил на стене приклеенный стикер: сидящий за столом молодой человек с волевым лицом решительным жестом выставленной перед собой ладони

сурово отвергал протянутую ему рюмку со спиртным. «Нет!» – крупным шрифтом красного цвета было написано в верхнем правом углу стикера.

Кронин не знал, в какой именно момент появился на стене этот стикер и кто именно его наклеил, но на всякий случай решил посоветовать Эдельвейс в будущем клеить листовки только на оккупированных фашистами территориях.

Черт бы побрал этих джентльменов! Умеют же люди навязываться!

Так думала Эдельвейс Акка, идя по пирсу в сопровождении капитана американского звездолета «Инвиктус» Джона Кеннета. Ветер трепал ее русые волосы. Тихо плескались волны...

На рейде, на фоне пламенеющего заката, темнели силуэты звездолетов, подсвеченные бортовыми огнями.

Над морем Нево разливался удивительно красивый закат. Солнце садилось, свет его проливался в спокойную водную гладь. У горизонта оранжево-желтое небо отражалось в удивительно спокойной поверхности пресноводного моря, но в вышине над морем зависли темно-серые облачные слои, подсвеченные оранжевым светом заходящего солнца.

Солнце уже почти коснулось краем поверхности моря. От нижнего его края вытянулся похожий на лезвие кинжала красно-оранжевый луч и раскаленным клинком вонзился в почти идеально ровную водную гладь. Казалось, что заходящее солнце, как проткнутый желток, стекает в море, постепенно растекаясь по его ровной, почти как зеркало, поверхности...

Когда цвет луча сменился на желто-оранжевый и садящееся солнце коснулось краем своего отражения, по гладкой поверхности воды расплавленным металлом стало разливаться сияние. И вот уже солнце погрузилось краем в воду и соединилось со своим отражением в единое целое, и словно растеклось по поверхности воды.

Голубоватые сумерки белых ночей уже начали окутывать пирс.

В белой блузке с широкими, суженными к запястьям рукавами, в темно-синей юбке – брюках с широким поясом, Эдельвейс выглядела совсем тоненькой. Ее наряд был наиболее удобен и практичен в это время года: в заболоченном лесу комары стаями роились вокруг путников, легко прокусывая облегающую одежду. Впрочем, Эдельвейс комары не угрожали: защитный костюм на основе силового поля надежно защищал ее не только от комариных укусов. Однако Кеннету об этом знать не следовало.

Вот угораздило же ее встретить Кеннета в коридоре «Инвиктуса» почти у самого выходного люка, с досадой подумала Эдельвейс! Надо было уйти пораньше... Или попозже... Но тогда бы она опоздала на рейсовый. А Кеннет, скорее всего, поджидал ее специально.

Эдельвейс косилась на Кеннета и думала: да чтоб ты ногу себе свернул на наших дорогах!

...Она задержалась на «Инвиктусе», делая замеры в лазарете, и торопилась на последний рейсовый аэробус. Рейсовый аэробус проходил по Петровской дороге и делал остановку как раз возле мостика через Малый канал. От КПП на пирсе Эдельвейс нужно было дойти до моста через Большой канал, пересечь его, потом пройти около ста метров по аллее через лесополосу, а там перейти мостик через Малый канал и выйти прямо на остановку.

В инженерном отсеке, где ей выделили рабочее место, было довольно тесно. Перед уходом Эдельвейс поставила сумку на кресло и еще раз проверила ее содержимое. Затем внимательно осмотрела стол и кресло. Не хотелось бы что-то забыть на «Инвиктусе». Возвращаться потом или просить кого-то передать ей забытое... Не любила она этого. Уходя – уходи, как говорится. Даже если ты уходишь только на время.

Перебросив длинный ремень сумочки через голову, Эдельвейс еще раз оглянулась. Вроде бы ничего не забыла... Выскользнув из инженерного отсека в коридор, она бодрым шагом двинулась в сторону выходного люка мимо закрытых дверей кают. Она уже предвкушала поздний ужин и вечерний сериал. В коридоре было пусто... Она была уже у самого люка, когда Кеннет вывернулся из-за угла. Когда он вызвался проводить ее, Эдельвейс не успела даже открыть рот, чтобы отказаться...

— Я провожу вас, — заявил Кеннет. Он не предлагал проводить ее, а констатировал факт. И она поняла, что возражения не принимаются. Напористость и безапелляционность американцев порой возмущала ее до глубины души. Если правы те, кто утверждает, что наглость — второе счастье, то капитан Кеннет был человеком счастливым.

Эдельвейс Акка в очередной раз осознала это в тот момент, когда капитан Кеннет, как истинный джентльмен, вызвался ее проводить. По американским понятиям было уже слишком поздно, чтобы даме идти через лес одной.

Потом Эдельвейс сообразила, что такая ситуация, что ее вызвали вечером, была создана умышленно, для того, чтобы она задержалась на «Инвиктусе». А Кеннет специально поджидал ее у выходного люка. Если бы она не задержалась, у Кеннета не было бы повода ее проводить... В этом Эдельвейс не сомневалась. Капитан, вероятно, был уверен, что так и завязываются дружеские отношения.

Как ее раздражает, когда ей навязываются!

За те несколько встреч, которые были необходимы ей для выполнения работы, Кеннет несколько раз слегка выходил за рамки обычного делового общения. То он словно невзначай подходил к ней ближе, чем это было необходимо, то слегка прикасался к ее спине или плечу, а прикоснувшись к воротнику ее куртки, словно случайно задевал пальцами шею. Эдельвейс понимала, что капитан Кеннет проверяет, насколько он может переступить границы, установленные имперскими правилами приличий... Вернее, насколько сама Эдельвейс ему это позволит. Интересно, как далеко он мог бы зайти, выполняя приказ — если, конечно, он выполнял приказ, а не действовал по собственной инициативе?

В Америке его привлекли бы за сексуальные домогательства, в Империи же существовала сложная система классификации допустимых и недопустимых тактильных контактов, поэтому, в случае возникновения проблем, Кеннет всегда мог извиниться — мол, не знал, что так поступать нельзя.

В свое время Эдельвейс предупредили, что подобное поведение капитана вполне вероятно, но обусловлено оно может быть рамками отданного ему командованием приказа, а вовсе не его личной инициативой. По некоторым признакам она и сама понимала, что он просто проверял ее реакцию на тактильный контакт... В другой ситуации Эдельвейс или тактично намекнула бы Кеннету, что ей это не нравится, или послала бы его подальше, но... На это она пойти не могла. Она была на работе.

А вот теперь он хочет еще и проводить ее до остановки... Пришлось изобразить милую улыбку и терпеть. И надеяться, что проводами дело и ограничится. Без прощальных объятий и поцелуев, конечно.

Контрабандисты поджидали клиентов возле пирса, на берегу моря Нево. Чтобы никто не принял их именно за контрабандистов, они делали вид, что удят рыбу, или пишут пейзажи, или торгуют всякой мелочью... В самом деле, если просто сидеть и пялиться на звездолеты, могут принять не только за контрабандиста, но и за агента контрразведки или, еще хуже, за террориста.

Вся эта публика завистливыми взглядами провожала Эдельвейс, принимая ее за контрабандистку, ведущую клиента на демонстрацию товара. В другой стране ее могли бы принять за... Тьфу, было даже противно думать, за кого ее могли бы принять, но в Парадизской

Империи этого позорного явления не то что бы вообще не было, просто женщины легкого поведения принимали клиентов на дому, а не разгуливали с ними по улице.

У Эдельвейс было такое чувство, как будто ее ведут на эшафот. Ей так и хотелось крикнуть:

– Ну, не хочу я с ним никуда идти! Даже до остановки рейсового!

А внутренний голос отвечал ей:

– Вот ты не хочешь, а ведь придется!

Кеннет не понравился ей с самого начала. Высокого роста, он возвышался над ней, как скала. Эдельвейс не любила рослых мужчин – в их присутствии она чувствовала себя еще миниатюрней, чем была на самом деле. Впрочем, она мужчин вообще терпеть не могла, хотя бы за то, что все они превосходили ее по росту и комплекции, и, хотя физическая сила не находится в прямой зависимости от этих данных, в схватке эти качества все же имели значение. Даже если речь идет о схватке на холодном оружии. Учитывая комплекцию и разворот плеч, Кеннет был бы опасным противником...

У нее было ощущение, что она идет под конвоем. И что подумают знакомые, увидев ее в обществе капитана американского звездолета!?

Вот был бы Кеннет старым и уродливым, тогда бы никто ничего предосудительного не подумал. Вот бывают же пожилые степенные капитаны... С такими не стыдно пройти до аэробуса. Особенно если они имперцы. А этот... Увы, капитан Кеннет был молод – тридцать с небольшим – и, к сожалению, хорош собой. Как будто не могли американцы назначить капитаном на «Инвиктус» какого-нибудь заслуженного старичка! Тогда прохожие смотрели бы одобрительно: молодая гражданка Империи показывает дедуле-иностранцу дорогу к остановке рейсового аэробуса.

Пока они с Кеннетом шли вдоль берега Большого канала, заходящее солнце еще согревало их своими последними лучами, а закат окрашивал блузку Эдельвейс в нежно-кремовые тона, но когда они под оглушительное пенье соловьев вошли в аллею, под сенью деревьев их накрыли голубоватые сумерки. Здесь было значительно прохладнее, чем на берегу. Пахло хвоей, влагой и торфяным болотом. Эдельвейс слегка поежилась и испугалась, что Кеннет это заметит и, еще не хватало, набросит ей на плечи свой китель. И это увидит кто-нибудь из ее знакомых...

Вот тогда ей будет уже не отмыться...

«Я не просила меня провожать, он сам навязался!» И кто-то поверит! Она представила кривые ухмылки знакомых...

Они шли по утрамбованной земле грунтовой дорожки, к которой с обеих сторон почти вплотную подступали заросли малины, среди которой кое-где возвышались березы, чьи стволы заходящее солнце окрашивало розовым светом. Листва в легких сумерках наступающих белых ночей казалась голубоватой.

Дренажные канавы тянулись по обеим сторонам аллеи, отделяя ее от заболоченного леса, среди деревьев которого преобладали низкорослые сосны. В канавах дрожала и мерцала черная торфяная вода.

За спиной у Эдельвейс и Кеннета, за полосой леса разливалось оранжевое сияние. Оранжевые лучи заходящего солнца били сквозь тонкие стволы берез, ложились желто-оранжевыми полосами на припорошенную пухом цветущих ив поверхность воды в дренажных канавах. Влажный воздух был насыщен испарениями торфяного болота, влажного мха, сосновой хвои.

Кеннет с интересом осматривался вокруг. Когда они только что прибыли, американцев возили на экскурсию в Парадиз и Нижние Клоны на аэрокарах. Пешком по лесным тропкам он еще не гулял. Кеннет надеялся, что не заблудится, возвращаясь назад в одиночестве.

По обе стороны аллеи за дренажными канавами тянулся лес. Болотистый лес не отличался красотой, но было в этих зарослях своеобразное очарование. Полузатопленный и крайне неопрятный ранней весной, когда из воды поднимаются только стволы деревьев, сейчас лес напоминал джунгли. Замшелые пни, обросшие трутовиками, заросли черника, пышные папоротники по берегам канав...

Сейчас, в конце мая, в лесу было довольно сухо, воду оттягивали каналы, но торфяное болото, даже осушенное, все равно остается болотом. Неудивительно, что вокруг роятся комары и какие-то мерзкие мошки!

Местные комары и мелкие вредные серые мошки! Кеннет уже знал, что те женщины с «Инвиктуса», которые, находясь в увольнении, рисковали гулять вдоль Большого Канала с голыми ногами или в тонких колготках, потом обращались в лазарет с искусанными, покрытыми красными пятнами ногами.

От Эдельвейс не укрылось, каким хозяйским взглядом окидывает Кеннет лес. Вероятно, прикидывает, сколько элитных коттеджей можно было бы построить вдоль Большого канала, если бы вырубить лес и полностью осушить болото.

– Право, вы слишком беспокоитесь обо мне, капитан, – наконец нарушила молчание Эдельвейс. – Уверяю вас, что мне ничего не грозит, даже если я пройду через лес одна. У нас тут спокойно, – улыбнулась она и добавила, – как и вообще в Империи.

Кеннет знал, что в Империи крайне низкий уровень преступности потому, что любые преступления против личности караются с особой жесткостью, и желающих нарушать закон, как правило, действительно не находится.

– Да, у вас блюдут букву закона, – согласился Кеннет.

– У нас блюдут не только букву закона, но и дух закона, то есть справедливость. Буква закона может не иметь ничего общего со справедливостью. В Империи приоритетом является именно дух, а не буква закона, именно поэтому Храм Немезис возвел справедливость в ранг религии.

«В противном случае справедливость – это всего лишь слово на букву „С“ в словаре, как любит говаривать мой тренер по кикбоксингу,» – хотела добавить Эдельвейс. Она давно знала, что если вовремя и к месту упомянуть про тренера по кикбоксингу, можно вмиг поставить на место любого мужика. Однако все же решила про тренера пока не упоминать. Мало ли что может подумать этот Кеннет...

Кеннет проводил взглядом группу людей, шедших на вечернее купание. Кеннет всегда удивлялся русским: желание искупаться у них возникало даже при такой температуре воздуха, при которой американец предпочел бы надеть теплую куртку. Какие закаленные! Они несли с собой водный велосипед, ходовая часть которого была выполнена в форме гиппогрифа. Водные велосипеды Кеннет недолго любил: купальщики на водных велосипедах, выписывая кренделя, крутились в опасной близости от «Инвиктуса».

Кеннет вполголоса выругался.

Эдельвейс удивленно покосилась на него.

– Эти любители водного спорта крутятся рядом со звездолетом... Нам уже несколько раз прорезали силовую защиту с помощью нейтрализатора силового поля. Насколько я понимаю, такие артефакты, как нейтрализаторы, в Империи свободно не продаются?

– Не продаются, – согласно кивнула Эдельвейс. – Но их могли приобрести и не в Империи. Полиция регулярно изымает подобную контрабанду, но увы, все равно находятся любители...

Она знала, что портативные нейтрализаторы силового поля действуют только на близком расстоянии. Поэтому для того, чтобы прорезать силовое поле звездолета, стоящего на рейде, нужно подобраться к этому полю по водной поверхности вплотную. И для этого сгодится любое плавсредство – вплоть до надувного матраса.

– А через прорезанные отверстия проникают и нерпы, и птицы, а иногда и сами нарушители, рискуя получить серьезную травму или, что куда хуже, повредить обшивку «Инвиктуса», – объяснил Кеннет. Временами он начинал уже подумывать о том, чтобы попросить кока сливать отходы не в молекулярный дезинтегратор, а в ведро, чтобы потом, вроде как случайно, выплеснуть эти помои из иллюминатора на голову очередного лихача. А еще лучше зарядить помоями водомет...

– Однако если бы не эти отверстия, взрывная волна отразилась бы от сплошного силового поля и ударила по «Инвиктусу», – покачала головой Эдельвейс.

– Да, отверстия в силовом поле сыграли роль клапанов для снятия давления... Нам пришлось заплатить большую компенсацию рыболову, попавшему под взрывную волну.

Усилием воли Кеннет справился с раздражением, придал лицу выражение спокойной уверенности и сменил тему.

– Вы постоянно живете в Нижних Клонах? – поинтересовался он.

Невинный вопрос... А ведь Кеннет знает на него ответ! Эдельвейс не сомневалась, что, прежде чем начать с ней сотрудничество, Кеннет позаботился собрать о ней как можно больше информации. Эдельвейс в этом не сомневалась: прежде чем пустить иностранного специалиста на борт боевого звездолета, следует самым тщательным образом проверить этого человека. Уж американская агентура поработала! Интересно было бы взглянуть на свое досье...

– Вообще-то я живу то в Парадизе, то в Секретной Федерации, в замке моей наставницы Аиды. Но пока, какое-то время, я проживу здесь: я не хочу, чтобы моя бабушка пока оставалась одна. Учитывая обстоятельства...

– Позвольте выразить вам сочувствие...

Эдельвейс кивнула.

Несчастный случай с ее матерью... Впрочем, все к этому шло.

Интересно, что знает о Сельвии Акка капитан Кеннет? Скорее всего, достаточно много, чтобы составить о ней, Эдельвейс, определенное мнение. И мнение соответствующее...

Впрочем, подумала Эдельвейс, если Кеннет именно тот человек, которого они ждали, то ее моральный облик волнует его меньше всего, и сейчас он плавно перейдет от выражения сочувствия к вопросам об истории их семьи, а затем... Но Кеннет так и не задал того вопроса, которого она ожидала, как и никакого другого, проливающего свет на то, для чего он пытается завязать с ней дружеские отношения. Вместо этого он перешел к разговорам на другие темы, не имевшие ни малейшего отношения к семье Акка.

Редкие встречные зажимались и протирали глаза: не каждый день встретишь на лесной тропинке среди Нижнеклонских болот прохожего в мундире капитана первого ранга американских ВКС! Так далеко американцы не забредали.

Эдельвейс заметила, с каким любопытством прохожие косились на нее и Кеннета. Не хватало еще встретить кого-нибудь из знакомых... Припомнят ей потом капитана! Эдельвейс покосилась на Кеннета. Ох, не хотелось ей, чтобы ее видели в его обществе... В обществе американца да еще в военной форме. Вот надел бы ты, мужик, ватник – сошел бы за нормального человека.

Аллея вывела их к заросшему ивами и черемухами берегу Малого канала. Через канал был переброшен узкий деревянный мостик. По этому мостику они, непринужденно беседуя, дошли до остановки рейсового аэробуса. Строго говоря, рейсовый останавливался в любом месте по требованию, но были и фиксированные крытые остановки. Вот как раз у этого мостика и была остановка. А на остановке могли быть люди. И даже знакомые.

Эдельвейс уже представляла, как за ее спиной насмешливо напевают:

– Молодой капитан корабля

Из какой-то далекой страны
Улыбнулся тебе втихаря...

Как назло, рейсовый подошел не пустым: из окон на Эдельвейс и Кеннета пялились озадаченные физиономии нижнеклонцев.

Войдя в салон и ловя любопытные взгляды, Эдельвейс небрежно повела подбородком в сторону оставшегося на остановке Кеннета:

– Ничего удивительного, снимается малобюджетная космоопера...

– То-то вроде лицо знакомое... – неуверенно заявила одна пожилая женщина, рассматривая через стекло Кеннета.

– Вы не ошиблись, это известный имперский артист... Слишком известный, так что я не буду называть его фамилию, а то поклонники, сами понимаете...

– А как все-таки на американца похож... Я бы не отличил, – протянул, задумчиво щурясь на Кеннета, подозрительный пенсионер, ветеран силовых структур, сидящий у окна с правой стороны аэробуса. – Ну, артист! Это ж надо – так вжиться в образ!

Как-то капитан Кеннет заметил у Эдельвейс на запястье ссадину, до этого прикрытую длинным рукавом. Кеннет вопросительно поднял брови но, поскольку Эдельвейс промолчала, спрашивать о происхождении ссадины не решился. Это случилось еще тогда, когда она демонстрировала ему виртуальную модель «Волшебной мельницы». С тех пор прошло несколько дней. «Волшебная мельница» исправно работала, а Эдельвейс уже конструировала для лазарета синтезатор спирта.

А через пару дней к Кеннету на капитанский мостик буквально ввалилась целая делегация женщин-офицеров корабля. Мрачный Кронин замыкал это шествие.

Женщины возмущенно галдели и жестикулировали, и капитан понял из их сбивчивой и эмоциональной речи только то, что ему давно уже пора принять меры: Эдельвейс кто-то регулярно и жестоко избивает. И происходит это на протяжении длительного времени. Вот доктор подтвердит: часть синяков свежая, а часть – старая, причем разной степени давности. Дамы буквально сунули капитану под нос планшет со снимками Эдельвейс в разных ракурсах. Оказывается, несколько женщин-офицеров в погожий денек решили прогуляться вдоль Большого канала, и увидели на другом берегу Эдельвейс, только что вышедшую из воды. Женщин так поразил ее внешний вид, что они сделали снимки с помощью своих коммуникаторов.

На фотографиях Эдельвейс была в голубом закрытом купальнике, состоящем из топики и плавок. Топик закрывал грудь ниже ключиц, а также живот и спину, но руки... От запястий и до плеч они были покрыты синяками: и свежими, и уже почти незаметными. Ноги... На внешней части правого бедра, от колена до тазобедренного сустава, темнели почти параллельные синие полосы, на левом бедре – всего одна полоса, но зато почти черного цвета и очень широкая. Но больше всего разъярило женщин небольшое, но очень темное пятно в том месте, где левая нога переходила в низ живота. Плавки были недостаточно глубокими, чтобы прикрыть это повреждение, а оно наводило на вполне определенные, нехорошие мысли. Да и на правой ноге, почти симметрично этому синяку, красовалась длинная розовая царапина.

А еще был виден свежий синяк под ключицей, рядом с бретелькой топики, и еще один синяк на лице, крохотный и почти незаметный, под левой бровью.

Женщины вопили, что капитан должен поговорить с имперской полицией, Храмом Немезис и начальством Эдельвейс, что пора прекратить это безобразие, иначе они сами пойдут в имперскую полицию, обратятся в прессу и на телевидение...

– Но я же не видел ее без... то есть в одном купальнике... Откуда я мог знать... – пытался оправдаться капитан. – Но я непременно разберусь...

«Влип», - мрачно думал Кеннет. С самого начала это была дурная затея... Как сердцем чувствовал, что будут неприятности... Но что поделаешь, приказ есть приказ.

А ведь предупреждал его старший инженер...

– Ну и специалиста вы взяли... Хорошо, если эта девица хоть что-то умеет... Это же полевой агент Храма Немезис!

– Откуда вы знаете? – капитан нахмурился: у него подобных сведений не было.

– Так у нее на запястье... Сами взгляните.

Капитан выругал себя за невнимательность. В Америке для определения чина военнослужащего служат нашивки на рукавах и воротнике, а у сотрудников Имперской Государственной Комиссии по урегулированию конфликтных ситуаций, выходящих за рамки существующего законодательства – голографические браслеты. Кеннет с досадой нахмурился. Действительно, что-то у нее на запястье было надето... Он принял это за обычное украшение – узенький браслет с цветными вставками. А оказалось, то, что он принял за украшение – аналог нашивок. Не то, чтобы он не знал... Но одно дело знать, а другое – увидеть воочию. Если бы он был повнимательнее... Хотя, с другой стороны, такие браслеты он до сих пор видел только на снимках, а не в реальности. А вот старший инженер оказался внимательнее Кеннета и браслет заметил.

– Так вот те цвета, которые на ее браслете, даются за участие в хронооперации, за опыт боевых действий на чужой территории и за боевое ранение. Так что этот специалист у нас – оперативник с опытом боевых действий. Скорее всего, оперативник, списанный по ранению и переведенный в отдел техподдержки... Хорошо, если эта девушка-оперативник хоть что-то понимает в моделировании...

Кеннет задумался. Неудивительно, что она вся в синяках... Чем еще она там занимается помимо трехмерной графики? А может, она и вправду списана по ранению? Перед капитаном Кеннетом стояла трудная задача. С одной стороны, он не хотел вмешиваться в личные дела гражданки Империи, с другой... Эти феминистки с его корабля и вправду могут устроить скандал и в прессе, и на телевидении и сорвать тщательно спланированную операцию.

– Это может быть провокация, – выдвинул идею Кронин, когда Кеннет обсуждал с ним план дальнейших действий. Игнорируя кресло, Кронин уселся на край стола с терминалом и, задумавшись, начал переставлять предметы с места на место. Было видно, что он нервничает.

– Нужно связаться с ее начальством и поставить в известность, – сказал Кронин, – Нужно сделать это немедленно, пока еще можно доказать, что самые старые синяки появились еще до ее появления на «Инвиктусе». Иначе мы можем попасть в весьма щекотливую ситуацию. Повреждения очень нехорошие: оборонительные травмы на руках, синяки и царапины на ногах и в такой зоне, что... Выглядит это так, как будто ее, как минимум, пытались изнасиловать.

Кеннет был согласен с Крониным: игнорировать такое было неразумно.

Он еще раз взгляделся в снимки и подумал, как много можно узнать о человеке на основании всего лишь нескольких снимков.

Был еще только конец мая, но загар у Эдельвейс был такой, как будто она все свободное время проводила на солнце. Кеннет вспомнил, что всего несколько дней назад Эдельвейс рассказывала, что использует лоджию в качестве солярия. Тогда он не мог оценить качество загара, полученного ею на лоджии под северным солнцем, но теперь оценил в полной мере. По границам загара было понятно, что в усадьбе она ходит в шортах и коротеньком топики, оставляя открытым живот и спину выше и ниже лопаток. Это было ясно по тому из снимков, на котором топик купальника задрался. Из-за того, что большую часть времени

Эдельвейс ходила в шортах, загар покрывал ее ноги только до того места, где заканчивались штанины, то есть до середины бедер, а выше этой границы находилось незагорелое пространство. В результате в купальнике она выглядела так, словно на ногах у нее были надеты светло-коричневые чулки. В ярко —голубом купальнике и «чулках» Эдельвейс выглядела весьма пикантно. Кеннет усмехнулся забавному зрелищу. Но улыбка его увяла, когда он осознал, что в скором времени ему предстоит серьезно поговорить с Эдельвейс на весьма щекотливую тему.

— Я занимаюсь фехтованием, — заявила Эдельвейс в ответ на осторожные расспросы.

Разговор состоялся в лазарете, когда она туда принесла почти готовую голографическую модель синтезатора спирта.

— Что? — чуть ли не в один голос воскликнули Кеннет и Кронин, оглядывая ее с головы до ног.

Эдельвейс не удивилась такой реакции. Она уже привыкла, что при ее росте и комплекции она как-то не тянет на фехтовальщицу. Внешне, по крайней мере.

Однако Кеннета с Крониным удивило не сколько то, что она фехтовала, сколько то, что она получает такие травмы.

Кеннет и сам в детстве фехтовал на рапире: в закрытой частной школе фехтование входило в обязательную программу обучения, однако он не мог припомнить травм серьезнее легкого синячка или царапины. А чтоб отделать человека так, как была отделана Эдельвейс... Это что ж за фехтование такое?

— Фехтуете на рапире? — наконец спросил Кронин.

— Не только.

Она взяла планшет.

— Вот это, — она показала на горизонтальные темные полосы на правом бедре, — спортивная рапира.

— Это, — показала Эдельвейс на пятно на внутренней части левого бедра, возле границы плавок, — то же самое оружие. А вот тут, — она показала на левый бицепс — ренессансная рапира. Синяк на груди — тоже. И это след от того же оружия, — указала она на почти черную широкую полосу на левом бедре.

— А вот это, — продемонстрировала она синяк и поджившую ссадину на левом запястье, — хаттоновская сабля. Есть еще следы от спортивной сабли... так что, думаю, вы уже все поняли, — с явной гордостью закончила она эту небольшую экскурсию по местам «боевой славы».

— Вы что, не пользуетесь защитными костюмами? — удивился Кеннет.

— Если бы не пользовались, было бы значительно хуже. Конечно, рапирный колет, предназначенный для защиты от спортивной рапиры, даже с дополнительно надетым горжетом и налокотниками, не очень помогает от ренессансной рапиры и тем более от хаттонки, но зато в нем легче двигаться, чем в более плотных колетах, усиленных защитными вставками. А защиты на основе силовых полей в имперских спортивных клубах нет, такая защита поставляется только силовым ведомствам.

Эдельвейс активировала свой коммуникатор. В воздухе развернулся экран. Эдельвейс вывела на экран изображение — она сама в белом рапирном колете и спортивных штанах.

— Вот такой у меня колет — позволяет двигаться легко и свободно.

— Это — колет? — удивился Кронин. — Вообще-то колет — это нечто вроде жилета из промасленной дубленой кожи. В эпоху Ренессанса был необычайно популярен. Колет — аналог современного бронежилета. А то, что на вас — это скорее можно было бы назвать дублетом.

— О, вы разбираетесь в ренессансном костюме? — восхитилась Эдельвейс.

– Моя бабушка была художником по костюмам, она моделировала костюмы для исторических постановок. Благодаря ей я немного разбираюсь в этом вопросе.

– Вы абсолютно правы насчет колета, – кивнула Эдельвейс, – просто это традиция такая во всех наших клубах – называть защитные куртки не дублетами, а колетами. Не знаю, когда появилась такая традиция, но, кажется, так давно, что никто уже и не задумывается над значением этого слова!

– Вы понимаете, что, фехтуя на тяжелом оружии в таком легком ...э-э... рапирном колете вы можете получить серьезную травму? – не выдержал Кронин. – И почему вы в обычных спортивных, а не в специальных защитных штанах? Вот это вот у вас на ноге – натуральная гематома. Вы хотя бы к врачу обращались?

– Зачем, нога же не сломана? – спросила Эдельвейс и посмотрела на него так, как будто Кронин сделал ей непристойное предложение.

Капитан Кеннет связался по видеофону с главой службы безопасности Храма Немезис.

Леди Керкира, глава службы безопасности Храма Немезис, была смуглой кареглазой брюнеткой лет 35-ти. Шапку темных кудрей охватывал золотой обруч. Твердый, выразительный взгляд блестящих карих глаз и высокие скулы придавали ее лицу выражение мужественности и решительности. Кеннет знал, что видит перед собой полусильванку, чьи жесткие, резкие, характерные для сильванов черты лица были смягчены прилитием крови представителя вида Человек Разумный. Так, по крайней мере, было указано в досье, с которым он ознакомился еще в США. По долгу службы Кеннет был обязан внимательно изучить досье на всех высших должностных лиц Империи.

Женщина, являющаяся гибридом человека и сильвана, занимает одну из самых высоких должностей сверхдержавы... Во всех государствах к гибридам относились настороженно и на высокие должности старались не назначать. Но в Империи, видимо, расизма действительно не было!

Кеннет вспомнил случай, которому сам был свидетелем.

Молодая полусильванка с двойным гражданством, младший офицер с «Инвиктуса», отправилась в кафе на берегу Большого канала. Рожденная в Парадизской Империи, она не приняла правил игры, по которым следовало дружить только с представителями своего биологического вида. В этом кафе она часто сидела со своими имперскими подругами, поскольку подруг среди членов экипажа «Инвиктуса» у нее так и не появилось.

Был теплый солнечный день, но, как часто бывает в этих краях, погода изменилась внезапно. Небо заволокли темно-серые тучи, начал накрапывать легкий дождичек, внезапно перешедший в ливень. Девушка решила переждать непогоду в кафе, так как была в одном только легком платье: ни куртки, ни зонта она с собой не захватила. Дождь не прекращался.

Девушка занервничала: ей надо было немедленно возвращаться на звездолет, приближалось время заступать на вахту.

И тут ее заметила возвращавшаяся домой Эдельвейс. У нее-то, хорошо знавшей местную переменчивую погоду, была с собой и ветровка с капюшоном, и зонтик. Эдельвейс отдала девушке свою ветровку, уверив, что ей самой вполне хватит зонтика.

Потом девушка вернула ей ветровку выстиранной, и Кронин обратил внимание, что Эдельвейс эту курточку потом надевала.

А ведь та девушка была полусильванкой... Конечно, одолжить ей ветровку могла не только имперка, но и гражданка США, но, получив свою вещь назад, вряд ли стала бы надевать ее снова. Предубеждение людей против других биологических видов все же было слишком велико. Но в Империи, по-видимому, таких проблем не было.

Леди Керкира внимательно выслушала Кеннета. При этом она быстро просматривала досье Эдельвейс.

– Да, здесь отмечено, что она занимается фехтованием, – с явным облегчением кивнула Керкира.

– Она же вся в синяках, взгляните на снимки.

– Фехтование – жестокий вид спорта, как и все единоборства, – Керкира пожала плечами, мельком бросив взгляд на изображение избитой Эдельвейс.

– Что за порядки в их спортклубе! Куда смотрит их тренер! У нас в Америке на такой клуб подали бы в суд!

– А у нас – свободная страна, – Керкира улыбнулась и развела руками. – Леди Эдельвейс имеет полное право распоряжаться своим телом по своему усмотрению. Но если ее внешний вид оскорбляет ваши эстетические чувства... Я прикажу поставить глушилки для электроники вблизи пляжной зоны, чтобы ваши офицеры не фотографировали граждан Империи в пляжном варианте. Тем более, – тут Керкира со значением подняла указательный палец, – еще и без согласия означенных граждан.

Отключая видеофон, капитан подумал, что если он попытается возобновить этот разговор, ему, вероятно, предложат еще и закрасить иллюминаторы «Инвиктуса», так как иначе американские офицеры с большой долей вероятности увидят снаружи еще что-нибудь порочащее действительность великой Парадизской Империи.

В своем рабочем кабинете Эдельвейс уставилась на сферический монитор... Чего только ей ни приходилось моделировать! Синтезатор спирта был практически закончен, оставалось только отослать файл в фирму, осуществляющую материализацию артефактов.

Эдельвейс покосилась на свой голографический браслет. Она заметила, с каким восхищением смотрит на этот браслет старший штурман Ральф Маккормик.

Было в старшем штурмане что-то мальчишеское... Эдельвейс подумала, что вряд ли его взяли на должность старшего штурмана за особые заслуги – еще не успел заслужить, слишком молод, и уж конечно не за природное обаяние. Она выяснила, что он – родственник какой-то шишки из НАСА – кажется, сын адмирала Маккормика. Конечно, парня так и тянет спросить у нее, при каких обстоятельствах получен этот браслет. Но он не спросит, так как понимает, что она не имеет права ему ответить. Эдельвейс снисходительно улыбнулась.

...Тот случай, за который она получила браслет, ей особо запомнился... Это так романтично – работать в отделе техподдержки Сектора хроноопераций! Это был дикий случай, но в ее работе случается и такое.

...Этот храм в нижележащем времени еще только отстраивался, аппаратуру не успели смонтировать, силовое поле не успели установить, и только этим и объяснялись последовавшие события. Поскольку Эдельвейс принимала участие в создании трехмерной модели храма с размещенным оборудованием, ее вместе с группой сотрудников и командировали на место для выполнения дальнейших работ.

Было холодно. Толстые стены глушили звуки, а в открытые двери задувал ветер, поэтому из-за воя ветра они не сразу услышали топот скачущего галопом коня.

Одним прыжком конь перелетел ступени... Не удержавшись на скользком каменном полу, лошадь рухнула на колени и завалилась на бок у самых ног Эдельвейс... Всадник перелетел через шею лошади, от резкого рывка разорвался ремешок его шлема, и тяжелая конструкция, которой полет всадника придавал дополнительное ускорение, со всего маха врезалась Эдельвейс в живот. От этого удара Эдельвейс, согнувшись, отлетела в сторону и врезалась спиной и затылком в стену. Силовой защитный костюм спас ее от внешних ранений, но вот от контузии и психологического потрясения спасти не мог...

...А потом был длинный переход через подземный тоннель, потом езда на верховом роботе по заснеженному полю... Путь казался бесконечным, голова болела, хоть и не сильно, поэтому она и не стала принимать обезболивающее, но потом ее стало подташнивать, и тошнота все усиливалась... Эдельвейс мучилась головными болями с подросткового возраста. Не проходило ни одной недели, чтобы она хотя бы сутки не страдала от головной боли, часто сопровождаемой подташниванием, слабостью и разбитостью. Тогда она часами лежала на диване, повернувшись лицом к стене. А с возрастом головные боли стали мучить ее еще чаще, теперь приступы могли продолжаться по нескольку дней, никакие анальгетики не помогали... Откуда ей было знать, что обезболить мигрень анальгетиками невозможно? В Секретной Федерации ей подобрали обезболивающее, но если его принимать часто, можно нанести вред организму, а если не принимать...

Эдельвейс терпела до последнего, но по возвращении в коридоре Храма упала на колени, и перегнувшись пополам, исторгла содержимое желудка прямо на пол. Затем выпрямилась, но в следующий момент снова согнулась в приступе рвоты.

– Черт возьми, – заметила начальница отдела, – сколько прошло после травмы?

– Да уж несколько часов... Часа три или четыре.

– Так, значит, больше часа... Говоришь, у тебя после удара о стену текла кровь из носа?

– Только из одной ноздри, да и то чуть-чуть...

– Кровь из носа – это еще ничего, но... Головная боль. И рвота неоднократная. Это уже серьезно, – начальница задумалась. – По правилам следует вызвать врача.

Эдельвейс не возражала. Она не стала говорить врачу, что голова у нее болела еще и до травмы и что вообще она страдает головными болями с 13 лет, с тех самых пор, как... Нет, об этом не то что говорить имперскому врачу, даже вспоминать нельзя... Достаточно одного неосторожного слова, и... Этот врач все равно ей ничем не поможет, так ей объяснили в Секретной Федерации.

В результате врачом был составлен документ о травме, полученной на работе, во время боевой операции, и, хоть Эдельвейс и не являлась оперативником, эта травма считалась боевым ранением. И по имперским законам считалось, что человек, получивший боевое ранение во время исполнения служебных обязанностей, участвовал в боевой операции. Вот за участие в той боевой операции она и получила этот голографический браслет.

Капитан Кеннет нервничал. Эдельвейс оказалась хорошим специалистом, но для реализации плана это было не важно. Она держалась особняком, на контакт не шла. Была дружелюбна, но необщительна. И проломить эту стену вежливой настороженности Кеннет никак не мог. Впрочем, специалисты, составлявшие психологический профиль Эдельвейс после того, как Кеннет сообщил им новые данные о некоторых подробностях ее биографии и ее необычном хобби, не удивились тому, что она привыкла держать чужих людей на расстоянии, и предложили Кеннету необычный выход из положения.

Уточнив, в каком фехтовальном клубе занимается Эдельвейс, Кеннет решил заглянуть туда лично. Кронина он уговорил сопровождать его в качестве переводчика, так как знал, что автопереводчики правильно переводят отдельные слова, но не всегда точно передают смысл фразы. Кронин, помявшись, согласился.

Фехтовальный клуб размещался в похожем на складское помещение здания 19 века, сложенном из потемневшего от времени кирпича. Как только Кеннет вошел в залитый солнцем огромный фехтовальный зал с высокими окнами, он стал объектом повышенного внимания со стороны местных спортсменов. В зале было многолюдно. Фехтовальщики обоих полов в объемных колетах и масках сражались на различном оружии, от легких спортивных рапир до мечей.

Кронин, прищурившись от яркого света, оглядывался по сторонам. Он не любил шумных сборищ, избегал посещать многолюдные компании. Даже на официальных мероприятиях он долго не выдерживал, стремился уйти пораньше. А огромные спортивные залы вообще напоминали ему проходной двор. А уж лязг столь примитивного оружия! Не понимал он никогда таких людей... Одно дело, если эти навыки нужны для работы, но как хобби... Ладно детишки, те еще играют в силу возраста, но взрослые! Адреналина им не хватает, что ли?

А вот Кеннет чувствовал себя в такой ситуации в своей тарелке.

– О, капитан собирается биться на тяжелом оружии? – в полном восторге воскликнула Эдельвейс, подходя к Кеннету. Она в свое время дала ему рекламку этого фехтовального зала, но не думала, что капитан воспользуется приглашением.

– Почему вы так решили? – удивился Кеннет: он вообще не собирался фехтовать.

– Ну вы же с собой хирурга привели... – Эдельвейс кивнула в сторону Кронина. – Значит, либо ренессансная рапира, либо тяжелая сабля. Или вы мечник?

Когда она увидела Кеннета в сопровождении Кронина, сердце забилося упругими мощными толчками. Привычным взглядом она оценила комплекцию Кеннета – рост, вес и физическую силу. Эдельвейс всегда интересовали противники, превосходящие ее по росту и весу. Кеннет, конечно, был слишком крупный и сильный. Она с трудом доставала ему макушкой до плеча. Вес – не меньше 85 килограммов, а то и все 90. Но это еще интереснее... Некоторые из ее партнеров по фехтованию весили значительно больше ста килограмм! Она, конечно, понимала, что любой из поединков со столь сильными и тяжелыми противниками может закончиться для нее серьезной травмой, но поделаться с собой ничего не могла. Ее всегда интересовала крупная добыча.

Увы, Кеннет не выразил желания скрестить с ней клинки. Понятно, правильная стратегия. Капитан сам драться сегодня не будет, он просто посмотрит и предварительно со стороны оценит возможности имперских фехтовальщиков.

Кронин огляделся. Он с удовольствием устроился бы где-нибудь в уголке, подальше от шума и лязга оружия дерущихся бойцов, но необходимость служить переводчиком не позволяла ему отходить далеко от Кеннета.

Эдельвейс сражалась с яростью, которую было трудно заподозрить в таком милом существе с мягкими чертами лица. Все противники, с которыми она фехтовала в этот день, были крупнее нее, массивней и явно намного тяжелее. Было понятно, что физической силой Эдельвейс им явно уступает, а вот выносливостью и скоростью, похоже, превосходит.

Кеннет заметил, что при фехтовании на ренессансной рапире противникам позволено не только захватывать свободной рукой оружие друг друга, но и наносить удар коленом в живот.

Однажды во время поединка Эдельвейс подпустила противника на слишком близкое расстояние. Оказавшись с ним лицом к лицу, почти вплотную, она решила применить старинный дуэльный прием: быстро развернувшись на 360 градусов против часовой стрелки, она собиралась неожиданно сделать выпад. Однако противник явно разгадал ее намерения: не успела Эдельвейс завершить разворот, как он борцовским приемом захватил ее шею. Но, оказавшись к противнику спиной, захваченная за шею Эдельвейс неожиданно вскинула руки кверху и ловким приемом освободилась от захвата.

«Интересно, кто ее так натаскал?» – подумал Кронин.

Однако противник все-таки повалил Эдельвейс на пол. Она со смехом упала на спину, маска ее наполовину съехала, но рапиру Эдельвейс так и не выпустила, нацелив острие ее в грудь противнику. Тот попытался нанести укол в грудь лежащей на полу Эдельвейс, избежав при этом укола ее клинка, но неожиданно выронил свою рапиру. Эдельвейс, не выпуская из руки своего оружия, проворно схватила упавшую рапиру левой рукой...

И в грудь ее противника уперлись острия обеих рапир.

Тот шутливым жестом поднял руки.

– Сдаюсь!

Эдельвейс со смехом стянула маску.

Кеннет бросил взгляд на маску Эдельвейс. В детстве, когда он занимался фехтованием, таких масок с силовым полем в качестве защищающего лицо щитка не было. Такое он видел впервые. Эта модель фехтовальных масок производилась и поставлялась в Империю Секретной Федерацией.

– А эта маска вам не велика? – с интересом спросил он.

– Да нет, конечно, – ответила Эдельвейс, введя тем самым автопереводчик в ступор: искусственный интеллект не знал, какой из вариантов ответа следует выбрать: подтверждение или отрицание.

– У леди Эдельвейс долихоцефальная форма черепа, – взялся выполнять обязанности переводчика Кронин. – Если смотреть в фас, то лицевая часть черепа у нее узкая, но если смотреть в профиль, то видно, что затылочная часть черепа вытянута в длину, и поэтому маска такого размера ей в самый раз.

В доказательство своих слов он двумя руками собрал в хвост и приподнял над затылком волосы оторопевшей Эдельвейс, наглядно продемонстрировав всем присутствующим, что форма головы у нее действительно необычная.

– Такая форма черепа у славян встречается редко, но характерна для Западной Европы, – продолжал свои объяснения Кронин. Начав что-то рассказывать, он, как всегда, не мог остановиться.

– Ну, это не удивительно, среди моих предков были ингерманландские финны, – как ни в чем не бывало заявила Эдельвейс, сделав вид, что ситуация ее несколько не шокирует. Похоже было, что она даже польщена таким вниманием с своей персоне.

– И, кстати, – продолжал Кронин, – поскольку эта маска оставляет открытым основание черепа и шею, вы рискуете, совершая во время боя разворот перед противником, получить опасный удар вот сюда...

Выпустив волосы Эдельвейс, Кронин ткнул пальцем в основание ее черепа и продолжил:

– Вас могут серьезно покалечить, а то и убить.

– Оружие противника соскользнет с моих длинных волос, – Эдельвейс не стала говорить, что как только она впервые оказалась в замке Аиды, то сразу же получила в свое распоряжение артефакт, создающий защитное силовое поле, повторяющее контуры ее тела. Так что увечья ей не грозили и маска вообще не была нужна, но посторонним об этом знать не полагалось.

– Вы ошибаетесь, – Кронин всерьез воспринял ее шутливое заявление. — Вот если прикрепить к вашей маске конский хвост, как на касках французских драгун 19-го века, дело другое. Но человеческие волосы – совсем не то, что конский волос. К тому же при резких поворотах даже конский хвост по инерции будет отлетать в сторону и тогда откроются следующие зоны поражения...

И Кронин пустился в длительные объяснения по поводу того, куда может прийти опасный удар, периодически подкрепляя объяснения прикосновением указательного пальца к означенным участкам на шее и плечах Эдельвейс. Кеннет заметил, что к словам Кронина, вытянув шеи и приоткрыв рты, прислушиваются еще несколько фехтовальщиков, которые даже подошли поближе, чтобы лучше видеть и слышать его пояснения.

– Кронин, представьте, что вы в музее, – вполголоса обратился к Кронину Кеннет, когда Эдельвейс отошла в сторону, слегка оглушенная количеством обрушившейся на нее новой информации.

– В каком смысле? – удивился тот.

– В смысле, что экспонаты руками не трогайте! Вы что, хотите, чтобы вам пришили сексуальные домогательства? В Империи с этим еще строже, чем в США!

– Я – врач, мне позволено, – с чувством оскорбленного достоинства ответил Кронин, забыв, что в Империи оказывать медицинскую помощь может только врач одного с пациентом пола. – А вот вы...

Он не раз замечал, как реагирует Эдельвейс, когда Кеннет умышленно нарушал ее личное пространство или прикасался к ней. Когда она выполняла работу на «Инвиктусе», Кеннет неоднократно нарушал ее личное пространство, подходя к ней ближе, чем это было необходимо. А иногда, словно невзначай, прикасался к ней.

Кронин еще тогда предупреждал Кеннета...

Разговор происходил в каюте Кеннета, без посторонних ушей.

– Вы бы поосторожнее, капитан, – предупредил Кеннета Кронин. – Не зная местные обычаи, прикасаться к чужой женщине... Смотрите, не перейдите границу.

– По-моему, Эдельвейс не против. Похоже, она настроена дружелюбно, даже улыбается...

Кронин покачал головой и не стал рассказывать про одного своего пациента, который решил погладить чужую бойцовую собаку.

– Зачем вы погладили чужую собаку? – спросил его Кронин после операции, во время которой кисть руки пришлось собирать из кусочков.

– Но она же мне во всю пасть улыбалась! – ответил пациент.

Кронин понимал, что капитан действует так, будучи уверен, что Эдельвейс не имеет ничего против небольших вольностей и даже относится к ним благосклонно. И вот тут капитан ошибался. Он не замечал того, что Кронину было заметно со стороны.

– Главное – это язык тела, а не лица. Когда вы прикасаетесь к Эдельвейс, она чуть заметно сжимается. Это непроизвольная реакция. Однако при этом ее поза и положение головы и шеи характерны не для испуганного человека, а для человека настороженного, способного мгновенно перейти от обороны к нападению... Если бы вы видели, как она смотрит на вас, когда вы этого не видите! Смотрит так, как будто прицеливается... На вашем месте я бы действовал осторожнее.

Но Кеннет был слишком самодоволен, чтобы всерьез отнестись к словам Кронина.

Он считал, что добьется расположения со стороны Эдельвейс, оказывая ей знаки внимания даже несмотря на то, что в действительности не только он ей, но и она ему совершенно не нравилась.

Кронина эта ситуация настораживала. Он недолго был знаком с капитаном Кеннетом, но уже заметил, какой тип женщин нравится капитану. Капитану Кеннету нравились женщины яркие, видные, занимающие высокое положение в обществе – актрисы, модели, общественные деятельницы. А Эдельвейс... Не то, чтобы она была неяркая в смысле внешности, нет, это не то слово. Каждый раз, когда Кронин ее видел, она выглядела так, будто сошла со страниц модного журнала.

Несмотря на миниатюрность, а может, как раз благодаря ей, Эдельвейс обладала точечной фигуркой и пропорциями фотомодели, и наряды сидели на ней идеально, будто сшитые на заказ. Но... Было в ней нечто неуловимое, делающее ее похожей скорее на мальчика – подростка, чем на девушку. Не на женщину мужского склада, а именно на мальчика. Что именно это было – внешность, пластика, манера двигаться и разговаривать или просто внутренняя сущность? Скорее всего, и то, и другое, и третье. Пожалуй, она могла бы сделать

карьеру актрисы-травести... Но ведь травести тоже бывают женщинами яркими, а Эдельвейс почему-то всегда напоминала Кронину мышку. Тихую серую мышку. Тихую и незаметную.

Как-то, войдя в отсек, он даже ее не заметил, хотя она сидела за терминалом прямо напротив двери. Тихая, исполнительная и незаметная... Такая никак не могла понравиться капитану. Но хуже всего было то, что и капитан явно не понравился ей. А это, с учетом его поведения, могло привести к конфликту. Тем более что именно в фехтовальном зале Кронин заметил то, что раньше даже не приходило ему в голову. Характер человека может открыться с неожиданной стороны как раз во время фехтования, и именно это сейчас и происходило.

Тихая, незаметная в повседневной жизни Эдельвейс в фехтовальных поединках оказалась совсем не так покладиста и уступчива, как во время работы на борту «Инвиктуса». Она была не просто азартным человеком, она была человеком решительным, способным идти на риск, она сама навязывала противнику агрессивный стиль ведения боя, часто шла в атаку и не боялась ответных атак и пропущенных уколов и рубящих ударов.

Кронин подумал, что после увиденного лично он в присутствии Эдельвейс всегда был бы настороже. А вот Кеннет, похоже, не замечал опасности и был готов идти к своей цели напролом.

– А в соревнованиях вы участвуете? – спросил Эдельвейс Кеннет.

На лицо Эдельвейс, только что сиявшее от радости, словно набежала тень.

– За последние несколько лет в Империи не было смешанных соревнований по ренессансной рапире, – слегка нахмурившись, сообщила она. – А отдельные соревнования... Как вы заметили, на ренессансных рапирах занимается не так уж много женщин...

– Вообще-то я заметил, что из женщин вы тут одна, – тактично заметил он.

– Это сегодня я одна, но вообще-то есть и другие. Но нас, конечно, меньше, чем фехтовальщиков-мужчин. В соревнованиях по ренессансной рапире обычно участвует несколько десятков мужчин и всего четыре-пять женщин, но, несмотря на это, женщин выделяют в отдельную женскую группу. А я считаю, что деление фехтовальщиков по половому признаку – это откат на позиции 19-го века. Участвовать в подобных соревнованиях – значит поощрять отсталость и реакционные взгляды на место и роль женщины в современном обществе вообще и в спортивном зале в частности, – привычно отбарабанила Эдельвейс. Было видно, что эту речь она заранее подготовила. – Поэтому в отдельных соревнованиях я не участвую из принципа, – подытожила она.

«Похоже, мы нарвались на воинствующую феминистку, – с тоской подумал Кронин. — Бедный Кеннет!»

Довольная произведенным эффектом, Эдельвейс улыбнулась. Она не стала говорить, что именно во время спортивных мероприятий в отношении женщин наиболее ярко проявляется такое почти полностью изжитое в Империи отвратительное явление, как дискриминация по половому признаку.

...Это было всего три месяца назад. Городские соревнования по фехтованию на ренессансных рапирах, в которых должны были принимать участие спортсмены из разных клубов, были назначены на конец февраля. Эдельвейс сначала хотела записаться на эти соревнования, но что-то ее остановило. Неясная тревога, зародившаяся в подсознании, заставила ее в последний момент отказаться от этой соблазнительной идеи. Она решила довольствоваться ролью зрителя.

Это был ясный, морозный, солнечный день. В высоких сапогах, черной меховой шапке и купленной буквально на днях новой красной шубке, снятой прямо со стоящего в витрине манекена, Эдельвейс шла по расчищенной в искрящемся на ярком солнце снегу тропинке к арендованному для проведения соревнований зданию. Короткая красная шубка с широкими рукавами-буф, расширенными книзу и присборенными чуть выше запястий, с высо-

кими рифлеными трикотажными манжетами и широким отложным, тоже присборенным воротником, собранным объемными складками вокруг шеи, была перехвачена на талии красным же кожаным ремнем с серебряной пряжкой, а короткий подол был присборен пышными волнами вокруг бедер. Увидев эту шубку в витрине, Эдельвейс сразу поняла, что эта дорогая необычная вещь предназначена именно для нее. Это была настоящая, шитая, а не напечатанная на 3D принтере вещь, поэтому стоила она дорого. Хорошо, что по случаю праздничных дней ей сделали скидку...

В душе Эдельвейс гнездилась тревога и легкое чувство досады от того, что она отказалась от участия в соревнованиях. Теперь она сожалела об этом отказе и корила себя за малодушие. Однако вскоре она поняла, что поступила правильно и что предчувствия ее не обманули, а нерешительность сослужила добрую службу, избавив от неприятной ситуации, при которой перед ней стояла бы дилемма: или согласиться на унижение, идущее вразрез с ее моральными принципами, или пойти на открытый скандал, в результате которого ей, скорее всего, пришлось бы уйти из секции. То, что она увидела в зале, вызвало у нее такое возмущение, что она едва сдержалась, чтобы не устроить скандал немедленно...

Несмотря на то, что женщины являлись полноправными членами спортивных клубов и принимали участие в учебных боях во время тренировок, а также платили одинаковые с мужчинами взносы за участие в соревнованиях, их, вне зависимости от возраста, спортивных достижений и опыта участия в соревнованиях не только объединили в одну отдельную группу, но и поставили эту группу на самую дальнюю дорожку в глубине зала. А вот нескольких мальчиков-подростков, фактически детей, распределили в группы со взрослыми мужчинами, среди которых, наряду с новичками, были и очень сильные и опытные бойцы. Эдельвейс не видела в подобном делении на группы никакой логики. Она поняла бы, если бы фехтовальщиков разделили на группы по росту – в фехтовании длина конечностей имеет большое значение, – или хотя бы по опыту участия в соревнованиях. Но делить фехтовальщиков по половому признаку! Это же, черт возьми, не баня, а фехтовальный зал!

Возле той последней дорожки в глубине зала, на которую «задвинули» женщин, вдоль стен стояло всего четыре стула, и таким образом стульев было даже меньше, чем самих участниц соревнований, не говоря уж о потенциальных зрителях, словно устроители и не предполагали, что смотреть на женские бои вообще кто-то придет. И они не ошиблись: кроме Эдельвейс, зрителей возле последней дорожки не было.

Пристроившись на стуле у стенки, Эдельвейс поежилась: в этой части зала от окон сифонило так, что ей, несмотря на наличие плотного свитера с высоким воротником, пришлось накинуть на плечи свою короткую красную шубку. Хорошо, что она догадалась не сдавать ее в гардероб: холодный ветер так и гулял в этой части зала! А каково было девочкам в промокших насквозь колетах! Она содрогнулась, представив себе пронизывающий до костей влажный холод...

Когда первый полуфинал закончился, Эдельвейс немного поболтала со знакомыми девушками из того клуба, где она занималась и, выразив возмущение делением фехтовальщиков по половому признаку, с чем девушки тоже согласились, покинула спортивный зал. Находиться там, где женщинам откровенно отвели роль людей второго сорта, ей было неприятно. Если бы она пришла на эти соревнования в качестве участницы, ей бы пришлось или смириться с унижительным положением человека второго сорта, или принципиально отказаться от участия в таких соревнованиях. Однако скандал, которым обязательно сопровождался бы ее отказ, в дальнейшем создал бы ей проблемы в фехтовальном мире... Какое счастье, что тревожное предчувствие заставило ее заранее отказаться от участия в соревнованиях!

Нет, в таких соревнованиях она участвовать никогда не будет.

«Я не буду платить свои деньги, чтобы стоять на последней дорожке только из-за того, что родилась женщиной,» – подумала она. Для нее чувство собственного достоинства – понятие на разменное, а постоянное.

Кипя от досады, негодования и возмущения, Эдельвейс стремительно шагала по той тропинке, по которой проходила всего лишь пару часов назад. Она была вне себя от гнева и возмущения. Женщинам в очередной раз указали, что их место – в дальнем углу, и женщины это стерпели! И это – конец 21-го века! Такой подлянки Эдельвейс не ожидала. И это было еще не все...

Неприятности, как известно, не приходят поодиночке. Дома Эдельвейс обнаружила, что сборка на левом боку шубки распустилась. Вот же халтура, и это новая вещь! Впрочем, неудивительно: ведь эту шубку она сняла с манекена! Она и раньше сталкивалась с тем, что вещи, надетые на манекены, имели скрытые дефекты. Потому-то их на манекен и надевали – не жалко!

Эдельвейс с досадой подумала, что если сборка распустилась еще до того, как она вошла в фехтовальный зал, она предстала перед знакомыми в весьма непрезентабельном виде. Наверняка все заметили, что одна пола шубки длиннее другой!

Впрочем, учитывая, что сумочку на ремешке, перекинутом наискось через грудь, она носила на левом боку, как раз где сборка и распустилась, то, возможно, никто ничего и не заметил.

Выругавшись, Эдельвейс бросила шубку на диван. Чтобы добраться до меха и снова присборить его ниткой, пришлось распороть по шву красную шелковую подкладку с золотистым орнаментом. Хорошо хоть, что в шов был зашит ярлычок. В этом месте было не жалко распарывать. Осторожно орудуя маникюрными ножницами, Эдельвейс принялась распарывать шов, одну за другой аккуратно перерезая нитки. Внутри у нее все кипело от негодования, руки слегка подрагивали, и она боялась, что может неосторожным движением повредить подкладку.

Женщинам опять ненавязчиво показали их место! Ну, она это так не оставит! Она наведет порядок! Она подумает, что можно сделать в этом случае, а затем начнет действовать, и действовать решительно, рассуждала Эдельвейс, аккуратно распарывая шов.

Присборить мех с помощью иглки с ниткой оказалось нелегкой задачей, но она с ней справилась, а затем зашила шов со всей аккуратностью, на которую только была способна. Не впервой... У нее был большой опыт починки одежды! И не меньший опыт создания ситуаций, при которых ее противникам приходилось несладко. Она выяснит, какому оголтелому шовинисту пришла в голову мысль поставить женскую группу именно на последнюю дорожку, и тогда он проклянет день, в который родился! Она заставит его заплатить за подобное хамство!

И она с размаху воткнула иглку в игольницу в виде Айболита, глубоко вогнав ему острие точно в мягкое место...

Вспоминая те соревнования, она до сих пор испытывала смесь досады и возмущения. Но в тот раз она ничего не могла сделать —тогда она не была даже гражданкой Империи, но с тех пор все изменилось, у нее появились возможности, о которых она раньше и мечтать не могла... Вот теперь она наведет порядок, она разберется с шовинистами и сексистами... Как только выполнит то, ради чего и приехала в усадьбу.

– Слушайте, Эдельвейс, а почему бы вам не фехтовать только на спортивной рапире? Зачем вам тяжелое оружие? – в перерыве между поединками спросил ее Кронин. – Все-таки не будет таких гематом, как на тех снимках... А если попадут в сустав?

Эдельвейс удивленно подняла брови и усмехнулась с превосходством знатока.

– А вы считаете, что легкая рапира намного безопаснее тяжелой? Вы оптимист, доктор. Кстати, именно спортивные рапиры легко ломаются, а уж быть пропоротым обломком рапиры – перспектива не из приятных.

Тут Кронин был с ней совершенно согласен. Он-то вообще не выбрал бы такой вид спорта, как фехтование. Тем более в любительском, а не профессиональном, варианте. Рисковать здоровьем не ради денег, не ради каких-то высоких целей, а просто так? Этого он не понимал в принципе.

А Эдельвейс вспомнила, что как-то раз ей нанесли такой укол спортивной рапирой в правое плечо, что сначала плечо просто болело, а через двое суток рука вообще отнялась. Не то чтобы полностью, но вперед не поднималась. Вбок, назад – пожалуйста. Вперед – нет. И это после укола спортивной рапирой с защитным наконечником через колет!

– Артрит с меозитом, – сказал ей тогда знакомый хирург из спортивного клуба.

Эдельвейс не стала спорить, хотя точно помнила, что Сельма Акка всегда повторяла, что артрит бывает только у прислуги. Так, по словам Сельмы, говаривала ее бабушка, Нинель Акка, а та, в свою очередь, слышала это от собственной бабушки, которая застала еще те времена, когда граждане Империи делились на господ и прислугу. Правда, тогда Империя носила название не Парадизской, а Российской, но это были уже частности.

Кронин покосился на Кеннета: тот до последней минуты не сомневался, что Эдельвейс занимается фехтованием только из-за интереса к мужчинам. И верно, в этом клубе мужчин было подавляющее большинство, а в этой группе фехтовальщиков на ренессансной рапире и сабле Хаттона Эдельвейс вообще была единственной девушкой... Но ее интересовало только фехтование. А мужчины ее интересовали только как спарринг-партнеры, это было очевидно. А это означало, что и спецы-психологи, и Кеннет с Крониным ошиблись в определении ее психологического портрета. Все оказалось не так, как они ожидали, хотя Кронин предполагал нечто подобное с самого начала. И, как выяснилось, не ошибся.

Когда они покидали клуб, тренер лично поблагодарил Кронина за интересную лекцию по технике безопасности.

– Надеюсь, теперь мои ученики наконец поняли, что следует надевать на маску намастик с защитой затылка и шеи!

Кронин сдержанно кивнул, Кеннет вежливо улыбнулся. Надо полагать, Кронин обеспечил тренеру дополнительный доход: после такой впечатляющей лекции, подкрепленной примерами из практики военного хирурга, продажи намастиков взлетят до небес!

В раздевалке Эдельвейс придирчиво рассматривала себя в зеркало.

Она прекрасно понимала, что визит Кеннета в фехтовальный клуб вызван вовсе не интересом к ее персоне. Вернее, интерес-то явно присутствовал, но... Это был вовсе не интерес мужчины к понравившейся женщине. Это было скорее похоже на интерес оперативника к объекту разработки. Женщина всегда чувствует, нравится она мужчине или нет, так вот Кеннету она не то что бы не нравилась, просто он был к ней абсолютно равнодушен, хотя и пытался изображать обратное. Возможно, искренне полагал, что именно так и нужно вести себя со специалистом-женщиной... И это бесило ее сильнее всего.

Когда она выполняла работу на «Инвиктусе», Кеннет неоднократно словно невзначай нарушал ее личное пространство, подходя к ней ближе, чем это было необходимо. Затем, тоже вроде случайно, слегка прикоснулся к ее спине между лопаток... Как он ее достал этими знаками внимания! Ну как не понимают мужики, что женщине неприятно, когда они ее трогают? Все эти поглаживания, похлопывания... В свое время ее уже раздевали, рассматривали, мяли, ощупывали... Эдельвейс передернуло, когда она вспомнила обо всех перенесенных унижениях и ощущении собственного бессилия...

Но теперь она уже не в том беспомощном положении! За ее спиной стоит Секретная Федерация! Теперь она может себе многое позволить!

Эдельвейс мысленно усмехнулась: а что бы было, если б она в ответ на очередное прикосновение полоснула Кеннета кинжалом или вцепилась зубами ему в ладонь? Представив приятную сцену, Эдельвейс улыбнулась от удовольствия и незаметно облизала клыки. А вот если бы она и вправду вцепилась клыками в руку капитану, что бы он сделал? Выругался? Ударил бы ее по лицу? Очень даже возможно... И наварлся бы на хук справа... Нет, лучше слева... Нет, лучше апперкот, как учил ее тренер по кик-боксингу.

Интересно, с каким лицом капитан демонстрировал бы доктору прокушенные пальцы? Представив себе такую сцену, Эдельвейс довольно улыбнулась. Вот если бы она действительно нравилась этому Кеннету, тогда дело другое, а так... Она испытывала неприязнь к людям, которые пытались ее использовать, изображая дружбу или симпатию там, где не было ничего, кроме холодного расчета.

Чертовы мужики! Хоть бы кто испытывал к ней подлинную симпатию, так нет! Вот, она даже бантик на блузку прицепила... Что им еще надобно, собакам?

А может, надо было не бантик, а цветочек? Вот и этот Кронин морду от нее воротит, она же видит... И почему, собственно?

Морда лица у нее не хуже других, да и одевается она стильно.

Эдельвейс придирчиво осмотрела себя в зеркало. Черное платье длиной чуть ниже колен, с короткими рукавами и пояском с серебряной пряжкой, очень ей шло, выгодно оттеняя светлую кожу лица. Ткань, напоминая бархат, мягко переливалась, контрастируя с густыми блестящими светлыми волосами, волнистыми локонами падавшими на плечи. Зачесанные с висков на затылок пряди были перехвачены черным бантом из такой же ткани, что и платье. Дополняли наряд черные колготки и черные лакированные туфельки на невысоком каблуке, украшенные серебряными пряжками. Вполне достойный и элегантный вид хоть для посещения фехтовального клуба, хоть для делового приема. Придирчиво поправив прическу, Эдельвейс еще немного покрутилась перед зеркалом, поворачивая голову то в одну сторону, то в другую. Идеально! А этот уже успевший пожелтеть фингал над глазом... Да кто же знал, что маска так сильно сместится назад от прямого удара, а силовое поле, поставленное на минимум, не выдержит? Впрочем, фингал можно и заgrimировать. А если держать глаза широко открытыми, то он вообще не будет виден. Ну, почти.

А значит, проблема вовсе не в ней самой, а в дурном вкусе представителей сильного пола.

Так что придется все-таки заменить бантик на цветочек!

Да, гендерные проблемы – самые древние проблемы в мире, думала Эдельвейс, спешно пришивая на блузку созданный из атласной материи цветочек вместо только что споротого бантика.

Вот будь она мужчиной, никто не посмел бы во время соревнований поставить ее на последнюю дорожку! И чего она не догадалась придти в фехтовальный клуб в мужской одежде и с короткой стрижкой? Сошла бы за парня. И никаких проблем... А вот будучи женщиной, ей приходится буквально со скандалом биться за то, что любой сопливый мальчишка получает просто по праву рождения!

И с какой стати она пришла в клуб в женской одежде? Почему не сообразила, что в мужском образе жить куда удобнее?

А ведь в свое время она по полной программе пользовалась всеми преимуществами, которые дает пребывание в мужском образе!

В детстве и ранней юности я предпочитала ходить в тренировочном костюме и с короткой стрижкой: дом, в котором я отдыхала летом, стоял на отшибе, возле лесополосы, и был

самым первым на линии. Чтобы дорогу не разбивали грузовики, линия была перекрыта воротами, закрытыми на замок. Шоферы грузовиков, груженных песком и щебнем, приходили в крайний дом за ключом от этих ворот. Меня они принимали за мальчика, и я не возражала: так было безопасней. Да, этот образ давал определенные преимущества. И никто из тех, кто видел меня в мужском костюме, – ни мужчины, ни женщины, ни дети, – не подозревали, что видят перед собой девушку, а не мальчика. Через много лет умение входить в образ мальчика-подростка очень мне пригодилось.

...Станция Мисти набита хрональными беженцами под завязку. Несмотря на строгие предупреждения, сотрудники Сектора хроноопераций Храма Немезис, выполняющие задания в нижележащем времени, постоянно нарушают инструкции и, превышая должностные полномочия, вывозят из нижележащего времени в вышестоящее время людей, чьей жизни угрожает смертельная опасность. Обычно беженцы – это те люди, которые были агентами Храма в нижележащем времени, или те, с кем эмиссар Храма познакомился во время выполнения задания.

Гуманизм – это, конечно, хорошо, но ведь беженцев нужно где-то размещать!

В идеале, разумеется, можно было предоставлять им убежище на время и просто выжидать, пока опасность не минует, и затем отправлять их на родину, в привычные для них условия. Но, в любом случае, на время пребывания в Империи следовало предоставить им хоть какое-то жилье! Ведь станция Мисти, предназначенная для «передержки» беженцев, не резиновая! Вот и приходилось тем сотрудникам Храма, у которых было хоть какое-то свободное жилье и возможность приглядывать за гостями из прошлого, забирать их по домам. Конечно же, за отдельную плату от Храма.

Соглашаясь приютить на границе усадьбы, в крохотном старом домике, напоминавшем сарай, трех человек, Эдельвейс по аналогии вспомнила когда-то виденную ею в старом журнале карикатуру: из стоящего на берегу южного моря сарая бабка вытаскивает за рога барана, приговаривая:

– Вылезай, тут у меня теперь два кандидата наук жить будут!

Когда Эдельвейс сообщила Сельме, что сдала старую времянку за хорошую цену, та одобрительно хмыкнула.

– А ты явно пошла в свою прапрабабку Нинель: та тоже могла сдать все, что угодно. Умудрялась даже сдавать полдома в сельской местности не только летом, как делали другие, но и зимой!

– Да, – согласилась Эдельвейс. – Но, поскольку ты являешься владелицей усадьбы, вот тут нужна твоя подпись.

Перед будущими жильцами времянки Эдельвейс предстала в своем излюбленном образе: юноша, скорее даже мальчик в костюме для верховой езды. Черно-красная курточка, черные бриджи, высокие сапоги. В мужском костюме она ощущала себя уверенно, как никогда. В этом образе она чувствовала себя самым естественным образом. Она давным-давно поняла, что появляться на людях в образе мальчика куда безопасней, чем в образе девушки.

Для того, чтобы произвести на своих подопечных благоприятное впечатление, Эдельвейс появилась перед ними верхом на лошади-роботе мышастой масти и с желтыми глазами с вертикальными, как у кошки, зрачками. Изукрашенное самоцветами конское оголовье, роскошное седло с высокой передней лукой, обтянутое тисненой кожей, и яркий бордовый вальтрап с вышивкой золотой нитью и с бахромой яснее всяких слов говорили о высоком общественном положении и богатстве владельца коня.

– Можете называть меня Эд, – представилась она своим гостям. И это не было ложью: это был сокращенный вариант ее имени. Если же кто-либо из них сочтет, что Эд – это сокра-

ценное от имени «Эдвард», то это будет его личное заблуждение, а не ее целенаправленная ложь.

Домик был примитивной дощатой постройкой, а участок вокруг него зарос высокой осокой и ивняком. По периметру участка было установлено силовое поле, чтобы никто из посторонних не мог нарушить уединение гостей, а сами они не смогли случайно выйти за границы охраняемой территории. Сюда Эдельвейс и поместила высокородных – как ей объяснили – гостей и их телохранителя.

В домике скрывались две принцессы подросткового возраста. Одной было лет 14, другой примерно 16.

Откуда они были? Из какого века? По некоторым особенностям их нарядов Эдельвейс решила, что конец 16 – начало 17 века.

Их единственного телохранителя звали Анри-Гастон. Как поняла Эдельвейс, родной язык у них всех был старофранцузский. Впрочем, с Анри-Гастоном они поняли друг друга и без языка. Заметив у него рапиру бретту, Эдельвейс в следующий раз принесла свою рапиру и пару защитных костюмов с масками. Сначала он, конечно, удивился. В мужском костюме она выглядела как мальчик-подросток лет тринадцати, а фехтовать с детьми Анри-Гастону, по-видимому, не приходило в голову. К тому же у него, видимо, все же были сомнения в том, что он видит перед собой именно мальчика, а не переодетую в мужской костюм девушку, но задать вопрос напрямую он не решался.

Временами она ловила на себе вопросительный взгляд Анри-Гастона, как будто он не мог понять, мальчик перед ним или все же девочка. Однако необходимость регулярно упражняться в фехтовании в конце концов перевесила сомнения в половой принадлежности спарринг-партнера, и Анри-Гастон так и не сделал попытки узнать правду.

С тех пор они с Анри-Гастоном регулярно фехтовали. Фехтовала она весьма посредственно, но Анри-Гастона это не удивляло: он был первоклассным фехтовальщиком, и противостоять ему мог только мастер высокого класса, но никак не подросток.

Она так и не поняла, догадался ли Анри-Гастон, что перед ним – девушка, но, как бы там ни было, она пользовалась всеми привилегиями, которые давал ей мужской костюм, и не собиралась раскрывать свое инкогнито: фехтовать с женщиной Анри-Гастон точно не стал бы.

Эдельвейс регулярно навещала своих подопечных. И многим навыкам во владении рапирой —как и многим синякам, – она была обязана именно Анри-Гастону...

И все благодаря тому, что, наученная горьким опытом, догадалась предстать перед ним в мужском костюме! Но таким, как Анри-Гастон, реакционные взгляды простительны, ведь подобные ему люди – продукт своей эпохи. Но то, что является простительным для человека 17 века, непростительно для людей века 21-го!

Потом я часто думала – а если бы я могла начать все сначала, появилась бы я в спортивном клубе в образе юноши? Нет, я бы этого не сделала, но не потому, что не решилась бы на подобную авантюру, а потому, что это – вопрос принципа. Почему я должна притворяться другим человеком? Я должна добиваться соблюдения своих прав в том образе, который дан мне от природы. Разумеется, физические возможности женщины ограничены по сравнению с возможностями мужчины. Однако это не может служить оправданием для дискриминации. Поэтому следует жестко ставить на место людей, которые делают вид, что не видят разницы между природным ограничением возможностей и дискриминацией по половому признаку там, где на самом деле возможности у людей равные и не зависят от половой принадлежности.

Кронин решил еще раз поговорить с Кеннетом. С одной стороны, все шло по плану, с другой – ситуация в любой момент могла выйти из-под контроля, учитывая обстоятельства.

В свое время Кронин думал, что Эдельвейс, возможно, чувствует неискренность Кеннета, поэтому и реагирует настороженно, но теперь понял, что это та ситуация, когда мужчине не нравится женщине не по какой-то определенной причине, а просто потому, что не нравится. Они-то с Кеннетом думали, что фехтованием она занимается из-за интереса к мужчинам определенного типа – таким брутальным мачо, но оказалось, что ее интересует только само фехтование. В результате складывался довольно странный образ такой тихой благовоспитанной девушки с совсем не женственным психологическим профилем.

С одной стороны, все эти розовые кофточки, бантики, рюшечки, изящные башмачки, ажурные заколки со стразами. С другой – рапиры, сабли, кинжалы. И, как запоздало вспомнил Кеннет, у нее дома он видел еще и боксерские перчатки... Тогда он не придавал этому значения, думал, что это перчатки принадлежат кому-то из ее приятелей. Теперь он понимал, что это ее собственные.

Такое странное сочетание интересов и пристрастий свидетельствовало о серьезном внутреннем душевном разладе. А значит, Эдельвейс не тот человек, за которого они ее принимали, и работать с ней придется не так, как планировалось.

А вскоре случайное происшествие изменило все первоначальные планы, нарушив запланированный ход событий и направив его в другое русло.

Капитан Кеннет не боялся ни бога, ни черта, но когда на лесной дороге, идущей вдоль берега Большого канала, тяжело груженный выючный робот модели производства США, наступив передней опорой на подмытый водой край канавы, завалился на бок и рухнул, капитан испытал настоящее потрясение. Считается, что роботы этой модели в случае выхода из строя одной опоры должны удержаться и на трех оставшихся, но... Но эти роботы, будучи продуктом высоких технологий США, не были рассчитаны на имперские грунтовые лесные дороги.

Неприятное происшествие было вызвано вовсе не ошибкой в навигационной системе робота: эта дорога была введена в его навигатор как проезжая, и в действительности она таковой и являлась, по крайней мере юридически. Местные жители постоянно пользовались этой дорогой, идущей вдоль берега Большого канала, и иностранцы не видели оснований поступать иначе. Техника на автомате шла по намеченному маршруту. Но кто из иностранцев мог предположить, что после проливных дождей почву на этом повороте возле канавы сильно подмывает?

На этом повороте роботы заваливались регулярно, все местные жители это знали, поэтому настраивали навигаторы своих роботов так, чтобы те обходили опасный участок дороги по широкой дуге. Иностранцы же не имели понятия об этой особенности местных дорог и постоянно попадали в неприятные ситуации.

Поднять упавшего робота без специальной техники было невозможно. Робот судорожно подергивал опорами и делал безуспешные попытки подняться, но самостоятельно встать он не мог.

Но самое худшее заключалось в том, что один из техников, сопровождавших выючных роботов, в момент падения робота сидел на нем верхом. Падая, робот придавил ему ногу и теперь всем весом прижал к земле. Вокруг робота суетились случайные прохожие, но помочь не могли.

– ...вот лошадь пала и под нею пикадор, – как всегда некстати пропел звонок чьего-то коммуникатора.

– Что там случилось? – толпу зевак Дэки заметил издали, и, конечно, подошел поинтересоваться, в чем дело.

Он сразу же осознал опасность, грозившую технику: если робот все-таки сумеет подняться и тронуться с места, а у техника нога зажата, то робот потащит его за собой... Этого допускать было нельзя.

– Держите! – бросился к роботу Дэки.

Всем весом навалившись на корпус робота, Дэки попытался его отключить, но не успел.

Резко дернувшись, робот отбросил Дэки в сторону. Удар был такой силы, что, отлетев в сторону, юноша прокатился по земле и замер, оставшись неподвижно лежать на боку. Кеннет подумал, что он потерял сознание. Возможно, серьезно разбился – робот толкнул его очень сильно. Трогать пострадавшего до приезда медиков нельзя, однако кто-то из местных подбежал к нему, взял за плечо, перевернул.

– Не трясите его! – предостерегающе крикнул Кеннет, однако заметил, что Дэки открыл глаза и пошевелился: если он какое-то время и был без сознания, то уже приходил в себя.

Юноша приподнялся и сел, ошарашено посмотрев в сторону робота, и тут же из его очаровательного ротика вырвался такой поток отборных английских ругательств... Робот судорожно дернулся в последний раз и затих, видимо, впав от потрясения в ступор.

– А вы меня уверяли, что этот парень не говорит по-английски, – укоризненно заметил только что подошедший к Кеннету Кронин, которого срочно вызвали на место происшествия. Ему, правда, сообщили об одном пострадавшем, а тут, похоже, уже двое... Кронин был под впечатлением от лингвистических способностей Дэки: ему доводилось слышать всякое, особенно когда приходилось оперировать пациентов в полевых условиях, а анестезия заканчивалась, но такого виртуозного владения ненормативной английской лексикой ему еще слышать не приходилось! Из всего сказанного Дэки литературным было только выражение «аниматроника долбаная», сказанное по-русски в самом конце.

– Мне тоже интересно, где он такого набрался?! – пробормотал Кеннет.

– Господин Тариве-Лацис учился в имперской спецшколе с английским уклоном, – с гордостью заявил только что подъехавший к месту происшествия доктор Иеронимус, направлявшийся по делам в Нижнеклонский порт. Он, видимо, не понял ни слова из того, что сказал Дэки, а автопереводчик не смог такое перевести.

Кеннет выразил вежливое удивление:

– Это в школе такому учили? – на всякий случай поинтересовался он, хотя сильно в этом сомневался: судя по тому, что он только что услышал, господин Тариве-Лацис учился не в школе, а в подворотне.

– В школе? – удивился Дэки. – Я эту фразу услышал от американского младшего техника, когда робот-погрузчик уронил ему на ногу стальную болванку!

– Отрок сей зело челом скорбен, – со вздохом констатировал доктор Иеронимус, бросив на Дэки тяжелый взгляд. Автопереводчики захлебнулись: такие слова не были заложены в их памяти. Кронин удивленно приподнял брови: в совершенстве владея русским, даже он не понял значения фразы.

– Господин Тариве-Лацис у нас придурок, – радостно перевел загадочную фразу на современный русский язык один из наблюдавших за происшествием зрителей.

– Вообще-то я имел в виду американского техника, – поставил его на место доктор Иеронимус, которому кто-то из его свиты уже объяснил содержание сказанной Дэки английской фразы.

Поднявшись с земли, Дэки принялся яростно отряхиваться: его черные шаровары были все в пыли, светлая рубашка измазана. Кое-где к одежде прилипли опавшие лепестки отцветавшей черемухи, ковром устилавшие землю.

Окинув юношу быстрым взглядом, Кронин с облегчением констатировал, что крови не видно, и, судя по внешнему виду и поведению, серьезных повреждений у юноши явно

нет, а значит, в медицинской помощи он не нуждается. А вот второй пациент, похоже, был в худшем состоянии. Он морщился и пытался принять более удобное положение, но не мог освободить прижатую роботом ногу.

Кеннет уже связался с инженером, и с минуту на минуту тот должен был привезти оборудование, необходимое для подъема робота.

Доктор Иеронимус подошел к упавшему роботу, окинул его беглым взглядом.

– Вот он вам поможет... -Иеронимус кивком указал Кеннету на Дэки.

На траву полетел какой-то предмет, который Кеннет вначале принял за арбалет, но при ближайшем рассмотрении понял, что это домкрат. Такой модели видеть ему еще не доводилось! Дэки проворно подхватил домкрат с земли и начал обходить робота со стороны зарослей, росших на другой стороне канавы. Кеннет последовал за ним.

– Капитан Кеннет, ну куда вы лезете в заросли? -остановил его доктор Иеронимус.

Дэки оглянулся. Рисковый мужик этот Кеннет. Ходит по лесу в легкой одежде...

– Клещи весной голодные, лютые. У Дэки, скорее всего, иммунитет на энцефалит, так как он местный, а вот у вас иммунитета наверняка нет.

Доктор Иеронимус в этот момент чем-то неуловимо напомнил Кеннету Кронина. Наверное, манерой изрекать истины безапелляционным тоном. Кстати, вон Кронин уже подобрался к пострадавшему технику как раз через заросли. Впрочем, у врачей иммунитет сильный, к тому же их вакцинируют буквально от всего, так что Кронину, похоже, сам черт не страшен.

...Когда много лет назад впервые в Нижнеклонском порту встал на рейде первый американский звездолет, знакомство с имперскими реалиями началось для американцев с забавного казуса. В порту возле границы лесополосы был установлен щит с изображениями рекомендованной для посещения леса одежды. Нижние Клоны являлись энцефалитным районом, о чем американцев заранее не предупредили. И, когда в Нижнеклонском порту впервые приводнился американский звездолет, капитан решил, что плакат иллюстрирует, как по правилам приличия должны быть одеты граждане, сходящие на берег моря Нево. Он, конечно, знал, что повседневная одежда имперцев практически не отличается от одежды граждан Америки, но решил, что в этой местности другие законы... И капитан дал соответствующие указания команде. И имперцы дивились диковинным американским обычаям, созерцая одетых как огородные пугала американцев, сходящих на берег – женщин, закутанных в платки по самые глаза, в длинных куртках, шароварах и сапогах, и мужчин, несмотря на летнее время в шапках и с надвинутыми капюшонами.

Ведь сами имперцы, несмотря на предупреждения, одевались не так, как было рекомендовано на плакате, а так, как сами считали нужным.

Доктор Иеронимус между тем вскочил на своего верхового робота – белоснежного скакуна в богатой сбруе.

Бросив быстрый взгляд на Дэки, Иеронимус задумчиво произнес:

– Кто бы напомнил мне, что надо проверить тебя на антитела к энцефалиту в крови...

Дэки злобно пробормотал что-то и сплюнул.

Коротко хохотнув, доктор Иеронимус поднял своего скакуна с места в галоп, обнаружив тем самым недюжинную сноровку наездника.

Дэки склонился над роботом, осматривая его. Спустившись по откосу, он подставил домкрат под неподвижную тушу.

– Будут неприятности из-за робота? -тихо спросил Дэки у Кеннета, прилаживая домкрат.

Кеннет кивнул. Он прекрасно представил, что его ждет: придется вызывать эвакуатор, составлять акт о крушении...

– Да, с роботами всегда неприятности...

Кеннет покосился на Дэки: он понял, что именно тот имеет в виду. У этого парня тоже была серьезная проблема с вьючным роботом. Кеннет подумал, что после случившегося в Свободной Народной республике он на месте Дэки на километр не подошел бы к вьючным роботам и тем более не стал бы предлагать свою помощь.

На секунду Кеннету пришла в голову страшная мысль, что сейчас Дэки сотворит и с этим роботом что-нибудь этакое, как тогда, на базе, ведь он мастер на подобные подвиги... Но тут же ему стало неудобно за подобные мысли.

Дэки понимал, о чем думает капитан: взгляд Кеннета ему многое сказал... Впрочем, Дэки и не сомневался, что Кеннет в курсе случившегося на базе. Значит, рано или поздно предстоит объяснение. Дэки не знал, какую версию событий изложил в своем отчете американский наблюдатель, но при случае собирался ознакомить Кеннета с собственной версией.

Похоже, он мужик неплохой, хоть и американец. А за аварию робота ему наговорит: хоть и не виноват он в том, что дожди подмыли край дренажной канавы, а все равно капитан отвечает за все, в том числе и за вьючных роботов, такие уж порядки. Дэки вспомнил свои неприятности после того происшествия с роботом на военной базе... Нет, конечно, в случае с Кеннетом до такого не дойдет, но все же проблемы капитану обеспечены.

– Теперь тащите! - дал команду Дэки, решив, что приподнял робота достаточно, чтобы вытащить техника.

Пострадавшего втащили по склону наверх.

– Подержите его, - попросил Дэки Кронин, готовясь осмотреть ногу пострадавшего. В этой ситуации было лучше, чтобы раненый не двигался.

Дэки послушно опустил на колени рядом с пострадавшим и привычным движением обхватил его руками.

– Поосторожнее с шеей, не придушите его, – предупредил Кронин.

– Вы же сами сказали держать...

– Держать, но не полицейским же захватом! Где вы такому научились?

Дэки пожал плечами и ослабил хватку. Он не стал объяснять, что этому захвату – и еще многому другому – научил его один из военных советников, присланных в Лачру Империей. Официально этот советник значился сотрудником посольства и занимал должность атташе по культуре.

Дэки совершенно не понимал Кронина: на его взгляд, пострадавшего следовало зафиксировать как можно крепче, лучше было бы даже, навалившись всем весом, прижать его колени к земле: не дай бог, дернется от боли, когда Кронин станет осматривать его ногу, и тогда доктор рискует получить тяжелым ботинком прямо в лоб!

– К счастью, ни перелома, ни вывиха нет, просто легкое растяжение, – объявил Кронин, осмотрев ногу пострадавшего, которому он предварительно вколол анальгетик.

– Повезло, -облегченно вздохнул Дэки, обращаясь к технику, но говоря при этом достаточно громко, чтобы слышали все присутствующие. —Эта чертова аниматроника... Мне вот тоже как-то ногу зажало, я несколько часов не мог освободиться, и другой парень, который был со мной, тоже. Потом нас вытащили, а тут, как назло, и хирург подоспел. Я, к счастью, был еще в полном сознании, а тот, другой парень, был совсем плох, ослабел от потери крови. Я на него хирургу кивнул, тот от меня и отвлекся, а я втихаря бочком, бочком, в сторонку и в кусты – и уполз-таки.

– И что? – поинтересовался Кронин, накладывая тугую повязку на ногу техника. Он никак не мог взять в толк, к чему клонит Дэки.

– Так вот я до сих пор жив, а тот парень умер в госпитале.

И с этим оптимистичным заявлением Дэки подобрал домкрат и с чувством выполненного долга бодро зашагал к своему верховному роботу, отдаленно напоминавшему ярко раскрашенного кузнечика под седлом с вальтрапом, украшенным красной пентаграммой.

Техник вздрогнул, услышав подобное заявление, и Кронин проводил Дэки тяжелым взглядом. Встретить бы его где-нибудь в темном уголке и побеседовать по душам... Да только такая беседа закончится международным скандалом! А после всего того, что Кронин успел натворить раньше, за что и был сослан на «Инвиктус», на этот раз его карьере точно придет конец. Однако... Зачем же мारаться самому? Кронин мысленно мстительно усмехнулся: надо будет при случае напомнить докору Иеронимусу о его горячем желании взять у Дэки кровь на анализ! А то ведь забудет! Вспомнив выражение лица Дэки при упоминании о предстоящей процедуре, Кронин широко улыбнулся. Надо будет попросить разрешения поприсутствовать... И поддержать пациента тем самым полицейским захватом... Так сказать, по обмену опытом! А может, предложить уважаемому коллеге на всякий случай еще и провести вскрытие?

Лучи заходящего солнца били сквозь лесополосу у канала, подсвечивая стволы деревьев с западной стороны. Легкий пух парил в воздухе.

Дэки был очень доволен собой: и доброе дело сделал, и свое мнение высказал. А еще заполучил в свое распоряжение ценный артефакт, каковым является этот домкрат. Ценная штука! Если доктор Иеронимус не напомнит его вернуть, он оставит домкрат себе. А если напомнит... Надо будет поскорее показать этот артефакт Эдельвейс, возможно, она сумеет его скопировать!

Кеннет знал, что по местным неписанным правилам за помощь принято благодарить, и не только в устной форме, и поэтому тем же вечером направился в гости к Эдельвейс с бутылкой в руках. Вообще-то он должен был вручить эту бутылку лично Дэки, однако не знал, где тот живет. Но Эдельвейс это точно знала и могла передать презент. Как сказал Кеннету Кронин, если бы не своевременное применение домкрата, раненый пострадал бы значительно сильнее: каждая лишняя минута пребывания под весом упавшего робота с придавленной ногой могла привести к серьезным последствиям для здоровья.

Кеннет появился возле калитки, когда никто из семейства Акка этого совсем не ожидал. Конечно, по правилам хорошего тона следовало сначала связаться с Эдельвейс по коммуникатору и попросить о встрече, но в случае крайней необходимости можно было явиться без приглашения. И Кеннет считал, что это как раз такой случай.

Услышав звонок, возвещающий, что на территории усадьбы вот-вот появятся гости, Эдельвейс провела руками по своим спортивным шортам и блузке: в мгновение ока фасон одежды изменился. Штанины шорт теперь окаймляли игривые воланы и такие же воланы украшали блузку, сменившую светло-кремовый цвет на цвет фуксии. Одежда-трансформер была очень популярна в Империи, хотя и стоила дорого, так как производилась в Секретной Федерации.

Калитку Кеннету открыла Сельма Акка. Не удивившись и ни слова не говоря, она проводила его вдоль фасада центрального строения усадьбы туда, где на обсаженной кустарником полянке Эдельвейс играла в бадминтон с роботом-белкой. Крупный, метра в полтора высотой, робот стремительно перемещался по полянке на задних лапах, ловко отбивая волан ракеткой, зажатой в правой передней лапке. Однако, когда волан летел так, что отбить его правой лапкой было невозможно, ракетка внезапно оказывалась у робота в левой лапке. Отбив удар, белка каждый раз весело взмахивала хвостом и задорно попискивала.

Кеннет с удовольствием еще понаблюдал бы за игрой – таких роботов в качестве спарринг-партнеров он еще никогда не видел, но Эдельвейс, заметив гостя, остановилась и положила ракетку на траву. Белка издала досадливый писк и опустила ракетку. Кронину

показалось, что на мордочке робота появилось выражение досады, а в глазках-бусинках – адресованный неожиданному гостю упрек.

– Интересно у вас тут, – заметил Кеннет.

– Да, это мой новый тренажер, – кивнула на белку Эдельвейс. – Хотите, и вам обеспечу такой же?

Кеннет мгновенно представил себе, что подумают члены экипажа, если застанут его в спортивном зале «Инвиктуса» играющим в бадминтон с полутораметровой белкой, и благоразумно отказался от необычного тренажера. Эдельвейс хмыкнула, видимо, тоже представив себе эту картину. То, что органично смотрится на окруженной кустами полянке, будет выглядеть совершенно нелепо в другой обстановке.

– Я хотел бы поблагодарить Дэки за помощь, – Кеннет рассказал о сегодняшнем происшествии с выючным роботом и показал Эдельвейс принесенную бутылку в красивом подарочном пакете. – Вы не могли бы с ним связаться?

– Могу, конечно, – кивнула она, представив, что подумали соседи, увидев у ворот «Темных Елей» молодого мужчину в форме капитана ВКС США с бутылкой в подарочном пакете в руках. Учитывая репутацию Сельвии... Яблочко от яблоньки! Эдельвейс понимала, что ее репутации опять нанесен серьезный ущерб.

– Пойдемте, присядем, – предложила она Кеннету.

Они устроились за столиком возле водоема. В прохладном вечернем воздухе разлился тонкий аромат ночной фиалки. В густых кронах деревьев оглушительно пели соловьи.

Эдельвейс связалась по коммуникатору с Дэки.

Тот явно был смущен, но в то же время доволен признанием своих заслуг и отказываться от подарка не стал, выразив готовность забрать бутылку в самое ближайшее время. Договорились, что Кеннет оставит пакет с бутылкой у Эдельвейс, а та передаст его лично Дэки при ближайшей встрече.

Она, конечно, понимала, что со стороны Кеннета это не просто визит вежливости. Вернее, этот визит – только предлог, который Кеннет может использовать как повод для установления более тесных отношений. Возможно, сейчас наконец выяснится, почему Кеннет проявляет к ней явно повышенный интерес, и если окажется, что он именно тот человек, которого они ожидали, можно будет считать, что ее миссия закончена.

– Я хотел бы проехать по пересеченной местности на верховом роботе-лошади, – сразу взял быка за рога Кеннет, и Эдельвейс чуть не выругалась: она —то ждала разговора совсем на другую тему. – Раз у вас есть роботы-олени, есть и лошади, и трек, на котором они проходят испытания, – продолжал Кеннет. – Только не говорите, что его у вас нет.

– Его у нас есть, – медленно произнесла Эдельвейс, еще не до конца пришедшая в себя от разочарования, – Роботов-олений ведь тоже нужно тестировать, да и не только их. Но с чего вы взяли, что у меня есть роботы-лошади?

– Роботы-олени элементарно переделываются в роботов-лошадей, – небрежно отмахнулся Кеннет. Эти знания он накануне почерпнул из сети, и, хотя не был уверен в достоверности этих сведений, решил держаться с видом знатока.

Эдельвейс сухо рассмеялась. Еще один знаток моделирования!

– Легко переделываются! Все легко и просто, когда сделаешь раз по сто, как говаривал известный русский художник, – сказала она. – Олень, кстати, легче переделать в единорога, а не в лошадь – олень ведь парнокопытный, как и единорог, а лошадь – непарнокопытная.

От нее не укрылось, как жадно ловит Кеннет каждое ее слов: теперь, глядишь, блеснет знаниями в какой-нибудь компании... Между тем Кеннет продолжал:

– Да не может быть, чтобы вы, занимаясь фехтованием, не захотели попробовать рубить и колоть с седла. А для этого вам явно нужна была лошадь и полоса препятствий. Вы уже давным – давно должны были смоделировать лошадь-робота для себя.

– В железной логике вам не откажешь, но... Одно дело – для себя. Другое... Мои роботы еще в стадии разработки... Они еще проходят тестирование.

– Но вы же на них ездите, вот и я бы хотел.

Эдельвейс задумалась. Насколько хорошо он осведомлен?

– Прокатиться на лошади-роботе по пересеченной местности и даже принять участие в рыцарском турнире сейчас не проблема, достаточно обратиться в любой клуб, занимающийся исторической реконструкцией, -осторожно произнесла она. —Так чем вас эти клубы не устраивают? Почему вас интересуют именно мои роботы?

Кеннет рассмеялся.

– Эти лошади-роботы слишком примитивны. Двигаться различными аллюрами по пересеченной местности они могут, если только через эту местность проходит достаточно ровная дорога. Какая уж тут полоса препятствий...

Эдельвейс кивнула.

Как-то она видела, как из замка, являющегося базой реконструкторов раннего средневековья, выезжала целая кавалькада всадников: мужчины и женщины в костюмах, соответствующих той исторической эпохе, на лошадях-роботах в характерной для той же эпохи сбруе. Историческую картинку портили только видневшиеся вдали за лесом башни-многоэтажки современного мегаполиса и установленные возле замка вполне современные бачки с мусором, мимо которых проезжала кавалькада «средневековых феодалов». Большинство этих людей никогда не сидело в седле настоящей лошади и ездить верхом не умело, поэтому для подобных мероприятий в целях безопасности использовались лошади-роботы. И костюмы, и оружие, и сбруя полностью соответствовали заявленному историческому периоду, но лошади... По виду эти роботы напоминали довольно изящные, хоть и слегка неуклюжие меховые игрушки, что придавало всей кавалькаде несколько гротескный вид. Запрограммированные на прохождение строго определенного маршрута, роботы-лошади могли двигаться шагом или иноходью по относительно ровной дороге, специально проложенной по пересеченной местности. Рысь в число запрограммированных для движения аллюров не входила, так как считалась слишком тряским и потому неудобным аллюром для тех, кто ехал на роботе впервые.

– Вы абсолютно правы, -сказала Эдельвейс. -Для прохождения полосы препятствий нужны лошади-роботы совсем другого класса, которым требуется совершенно другой движок, другие настройки и другая внешняя оболочка. А эти комплектующие Секретная Федерация поставляет только тем, у кого есть особая лицензия на право их использования.

– Но у вас ведь есть такая лицензия?

Кеннет вопросительно заглянул в глаза Эдельвейс. Та слегка улыбнулась, но не сказала ни слова.

У такая лицензия была, и она занималась моделированием подобных роботов. Она это не афишировала, но у Кеннета явно были свои секретные источники информации, и он знал о ее хобби.

Кеннет понимал, что она взвешивает все за и против. С одной стороны, зачем ей эта морока: сажать в седло чужого человека. Несчастные случаи при прохождении полосы препятствий на лошади-роботе бывали регулярно, эти видео можно было увидеть в сети, и Кеннет уже с ними ознакомился. С другой стороны, Эдельвейс понимала, что капитан Кеннет – явно обеспеченный клиент и потенциальный покупатель на ее продукцию. Ее изделия стоили дорого, хороший верховой робот, способный пройти полосу препятствий, по цене стоил как космический истребитель. Такое изделие далеко не каждому по карману. А Кеннет человек обеспеченный, из богатой семьи, справки она уже навела, стало быть...

– Я обдумаю ваше интересное предложение и, если сочту возможным организовать вам поездку верхом, свяжусь с вами. Тогда мой человек зайдет за вами, капитан, – сказала она, давая понять, что разговор окончен.

Кеннет не сомневался, что она согласится. Наведет дополнительные справки, оценит уровень платежеспособности потенциального клиента и согласится.

И уже на следующий день капитану доложили, что к нему пришли. У КПП его ждал Дэки.

Выйдя на пирс, Кронин осмотрелся.

Знакомая картина! Вон притаились у сетки, отделяющей пирс от основной части космопорта, судовой врач и инженеры со звездолета «Мирный», принадлежащего Московской Федерации. Звездолетчики Московской Федерации разительно отличаются от имперцев: рослые, в идеально подогнанных мундирах с иголки, они всем своим видом демонстрировали высочайший уровень жизни в Московской Федерации: у них не только эмблемы на груди, но даже и коммуникаторы были отделаны золотом и стразами.

Московцы укрылись в тени ободранной черемухи, примыкающей вплотную к сетке, и думают, что их никто не видит, однако их ярко-синяя, «небесного» цвета форма светилась на весь пирс! Делают вид, что курят. Вернее, это доктор только делает вид, потому, что он вообще не курит, а девицы-инженеры и вправду смолят папироски. Кронин всегда удивлялся порядкам на звездолетах Московской Федерации: простота нравов наводила на мысль о полном отсутствии дисциплины. Там, кажется, смолят все, причем капитан курит даже в присутствии кадетов, а члены экипажа курят в присутствии капитана прямо в командной рубке. А доктор не делает никому замечаний насчет курения. Их нравы! А еще злые языки утверждали, что на звездолетах Московской Федерации все поголовно не только курят, но и... Нет, в это Кронин решительно не верил: не может быть у людей столько вредных привычек сразу! Однако не просто так они там стоят у сетки, делая вид, что от кого-то прячутся. Можно подумать, что их капитан запретил бы им курить! Ага, вот! Кронин заметил, как московский доктор сделал почти незаметный резкий жест рукой, и тут же к нему со стороны неогороженной части порта бросился контрабандист. Кронин заметил, что контрабандист свободно просовывает руки сквозь сетку. Значит, силовое поле очень кстати опять отключили: вышел из строя генератор. Конечно, генератор умышленно выводят из строя те, кому это выгодно. А может, у кого-то из москвичей имеется портативный нейтрализатор силового поля... Кронин поставил бы на доктора: то, как спокойно и уверенно тот держался, указывало на то, что он лидер этой группы и отвечает за выполнение задания, полученного от капитана. Нетрудно догадаться, чего хотели москвичи: многие иностранцы незаконно покупают в Парадизской Империи различные артефакты, нелегально изготовленные и вынесенные с заводов. На встречу с контрабандистом обычно посылали судового врача: если бы их обоих задержали, врач бы сказал, что этот человек – его пациент, так как обратился к нему с жалобой на плохое самочувствие. А все переговоры врача с пациентом – врачебная тайна, и все записи, сделанные тайно установленной аппаратурой, являются незаконными и разглашению не подлежат.

Интересно, какая сделка намечается на этот раз? Кронин слышал, что у москвичей проблемы с одним из роботов. Можно было вызвать техника официально, но московский капитан, видимо, хотел сэкономить. Техник, естественно, не возражал: всю сумму он положит себе в карман без налогов. На переговоры капитан отправил доктора и пару инженеров. Если надо будет выйти за пределы огороженной территории и затем пронести на пирс через КПП контрафактные детали, доктор легко это сделает: кто будет проверять его медицинский саквояж? А если и поверят, то откуда охранникам знать, что именно должно, а что не должно находиться в этом саквояже?

А вот и контрабандисты стоят в сторонке, а рядом с ними... Кронин узнал светлослого парнишку, который вчера помог приподнять домкратом упавшего робота. Должно быть, и этот парень здесь подрабатывает! Неудивительно: небось папаша его тут поставил рекламные листки раздавать!

– Тьфу! – плюнул в сторону явных контрабандистов какой-то проходивший мимо непослушный гражданин, покосившись в сторону Кронина: поддержит тот его или нет. Кронин с индифферентным видом прошел мимо, притворившись, что ничего не понял: в конце концов, он американец и не обязан понимать по-русски при выключенном автопереводчике!

Кронин ничего не имел против контрабандистов после одного случая.

...Через несколько дней после прибытия «Инвиктуса» в порт зашел круизный лайнер. И надо же так случиться, что у одного из пассажиров на борту возникла острая почечная недостаточность. Это был ребенок, мальчик лет 10—12. Молодой корабельный врач, вчерашний выпускник медицинской школы, не мог ничем помочь – на корабле просто не было необходимого оборудования. Нужен был аппарат «Искусственная почка». Более опытный Кронин, поспешивший к нему на помощь, тоже не смог ничего сделать – на «Инвиктусе» подобного оборудования тоже не водилось. В порту возникла суматоха, вызвали «Скорую», приписанную к этой местности. «Скорая» прибыла быстро. Нужно было срочно доставить пациента в госпиталь. Врач-имперец заявил, что хоть сейчас отправит мальчика в специализированную клинику, где его могут подключить к аппарату «Искусственная почка», а при согласии родителей заменят больные почки на здоровые, но... Для иностранцев медицинская помощь в Империи платная, так что родителям мальчика и ему самому нужно или срочно принимать имперское гражданство, что может затянуться на неопределенное время, или платить. Когда врач озвучил сумму, необходимую для оплаты высокотехнологичной медицинской процедуры, родители ребенка лишились дара речи. Кронин видел – эти люди явно из среднего класса, таких денег у них нет, тем более после того, как они оплатили круиз. Конечно, в имперском госпитале не откажут в помощи иностранному пациенту только на основании того, что у него сейчас нет с собой необходимой суммы, но выпишут счет, который придется оплачивать всю жизнь. Поэтому отец мальчика наотрез отказался от госпитализации ребенка в имперскую клинику. На что он рассчитывал, Кронин не понимал. Возможно, не понимал степени опасности, а возможно, надеялся на авось... В конце концов, согласно циничной логике, сделать нового ребенка быстрее и проще, чем выплатить долги.

Однако Кронин знал, что у русскоязычных имперцев принято «договариваться», и поскольку ему, как знающему в совершенстве русский язык, поручили вести переговоры с представителями имперского медицинского персонала, он попытался выяснить, возможно ли снизить сумму лечения, а если возможно, то при каких условиях.

– Нельзя ли подешевле? – удивился и возмутился молодой врач-имперец. – У нас все самое лучшее – лучшие в мире медицинские технологии, клиники оборудованы по последнему слову науки и техники, и мы не собираемся понижать стандарты, выполняя заведомо некачественную работу. Имперское качество – это наша визитная карточка. Мы оказываем только высококачественную помощь и снижать планку качества не намерены!

– Ну да, пока дядя Боря жив, ты будешь есть только шоколадные конфеты... – пробормотал Кронин подходящую к случаю строчку из анекдота.

Он навсегда запомнил этого врача-имперца – смуглый, похожий на индуса, в белоснежном халате, он стоял, опершись на крыло аэрокара и ел мороженое, дожидаясь, какое решение примут родители мальчика.

И тут Кронин почувствовал, что его дергают за рукав:

– Гражданин, гражданин...

Он оглянулся – его дергал за рукав местный мальчишка лет двенадцати.

– Там вон тетенька хочет с вами поговорить по делу.

Кронин оглянулся – в нескольких десятках метров скромно стояла Эдельвейс. К этому времени она уже начала работать на «Инвиктусе».

Кронин понял все моментально. Имперские контрабандисты всегда дежурят на пристани. У них есть много чего на продажу – незаконно, конечно, но...

Контрабанда не одобрялось, она преследовалась законом. Но пока она выгодно государству... Контрабандисты славились тем, что если кому что нужно, они это хоть из-под земли достанут. Такие люди были для государства незаменимы, так как брали на себя часть его обязанностей.

– Нужен аппарат «Искусственная почка», но денег на него нет? – полуутвердительно спросила Эдельвейс.

Кронин кивнул.

...Уж как это было сделано, сколько человек задействовано в этой авантюре, он не представлял, но Эдельвейс нашла и достала ему аппарат. Она сразу предупредила, что аппарат не ворованный, но нелегально скопированный. Разработчик не давал на это согласия, но... Кто его спрашивал! Аппарат доставили на аэрокаре.

Как законопослушный гражданин, Кронин должен был осуждать контрабанду, как офицер – пресекать ее на корню и ни в коем случае не пользоваться услугами контрабандистов ни при каких обстоятельствах, но как врач... Как офицер, он давал клятву бороться с пиратством и контрабандой в любом ее проявлении, но как врач – давал клятву Гиппократу... Так какая клятва приоритетнее?

Естественно, Кронин схватил аппарат.

Имперский врач понимающе улыбнулся, заметив, как к Кронину заструился контрабандист. Ну что ж, проблема со сложным пациентом решена, а бороться с контрабандой – не его работа. В Империи только военный врач является военнообязанным, а гражданский – нет. Однако контрабандисты и пираты ничего не делают просто так. Бедный американский доктор... Он еще этого не знает, но ведь придется ему когда-нибудь и расплачиваться... И хорошо, если речь будет идти только о том, чтобы втихаря залечить кому-нибудь огнестрел... М-да, увяз коготок – пропала птичка.

Однако жизнь ребенка удалось спасти. И если до этого случая Кронин осуждал деятельность контрабандистов, то теперь... Теперь у него не было такого морального права.

...На причале Дэки осмотрелся.

Топорно они все-таки работают, эти американцы! Только что мимо него прошел судовой врач с американского звездолета – рослый, поджарый, с военной выправкой и мрачным выражением лица. Тот самый тип, который был в составе делегации в Академии, а вчера оказывал помощь пострадавшему технику. Поравнявшись с Дэки, американец окинул юношу цепким взглядом и чуть заметно кивнул, давая понять, что узнал его, однако взгляд у него оставался таким же мрачным. От Дэки не укрылось, что взгляд американца задержался на шрамах на его руках... Рубашка с короткими рукавами оставляла предплечья открытыми, и на сей раз были видны не только шрамы от наручников, но и следы ранений на предплечьях. Дэки сообразил, что накануне вечером он был в рубашке с длинными рукавами и рабочих перчатках, и американец не мог ничего заметить, но вот теперь впервые увидел и очень удивился. Затем американец взглянул ему в глаза. Этот взгляд с жестким прищуром... Дэки понял, что его оценивают, и опустил глаза, как будто не выдержав. Пусть американец торжествует... Ясно, что у Кронина уже сложилось насчет него определенное мнение, и Дэки даже знал, какое именно. Что ж, он этого и добивался. Работал на этот образ. И этот момент был самым опасным: Дэки и раньше встречался с Крониным, еще до визита американцев в Академию. Их первая встреча произошло еще тогда, когда Кронин был врачом отряда зеленых беретов. И эта первая встреча была неприятной для обоих. Забыть этого Кронин никак

не мог, значит, при встрече в Академии просто не узнал своего оппонента: ведь когда они с Дэки встретились впервые, на юноше была голографическая грим-маска, слегка изменявшая черты его лица. И такая же голографическая маскировка скрывала шрамы на запястьях, чтобы никто не мог запомнить эту особую примету.

– Ну, как там техник? – на всякий случай спросил у Кронина Дэки. Он отлично понимал, что повреждение ноги было пустяковое, но промолчать сейчас было бы просто невежливо.

– Через пару дней полностью поправится, – без всякого выражения ответил Кронин и решительным шагом в гордом одиночестве направился в сторону леса.

Надо полагать, отправился на прогулку! Особой грацией хищника, посадкой головы и разрезом глаз он почему-то напоминал Дэки гепарда. И это – американский судовой врач? И кого эти американцы пытаются обмануть? Дэки про себя хмыкнул. Он что, не видел врачей, в том числе и военных? Они работают в госпиталях и выглядят совсем не так, как этот... Этот был человеком совсем другого типа. Почему-то его вид сразу наводит на мысль об американских зеленых беретах. Даже если бы Дэки не знал... Интересно, а имперская контрразведка знает? Доктор он, понимаешь-ш-шь!

Хоть бы женщину с собой прихватил в лес для маскировки!

Дэки пару раз встречал Кронина в лесу, но тот его не заметил: заметить лачра, прирожденного охотника, в лесу невозможно, если только он сам того не захочет. Дэки умел пройти по лесу незримым, в отличие от Кронина. Тот полагал, что двигается бесшумно, но с точки зрения лачра, шумел, как слон. Бесшумно ходить по лесу можно босиком или в мокасинах, но никак не в берцах.

У кромки леса Кронин заметил молоденького доктора со звездолета ВКС Парадизской Империи «Верный». Совсем молодой парень, по виду – вообще студент, небольшого роста, худощавый, со светлыми вьющимися волосами и мечтательными голубыми глазами. Если бы Кронин не знал его в лицо, то никогда бы не подумал, что это судовой врач с имперского боевого звездолета.

В Империи Кронина вообще многое удивляло. Он как-то видел на пирсе капитана звездолета «Верный», Валентина Ивлева. Молодой, не старше 30 лет, капитан Ивлев шел по пирсу в сопровождении двух дам средних лет. Одна – старший штурман – была среднего роста сухошавая дама со строгим лицом, вторая – старший инженер – маленькая полненькая дама с лицом добродушным и улыбчивым. Несмотря на то, что в Парадизской Империи на все ключевые посты обычно назначались женщины, мужчину могли назначить капитаном космического корабля, но ответственные решения он, как правило, принимал только после предварительного совещания с «женсоветом» в лице старшего штурмана и старшего инженера. Как говорится, королева властвует, но не правит.

Обе дамы что-то оживленно втолковывали капитану, и по тому, как синхронно открывались их рты, было понятно, что говорят они одновременно. Издалека было видно, что Ивлев не может вставить ни слова – он только красивым плавным движением повернул голову, открыл рот, чтобы что-то сказать – но тут же его закрыл... Кронин встретил невозмутимый взгляд серых глаз, к цвету которых удивительно шла серая форменная накидка.

В ВКС Парадизской Империи форма черная с серой накидкой, по покрою напоминающей сюрко времен средневековья: имперские дизайнеры одежды, разрабатывая модели военной формы, явно вдохновлялись в своем творчестве картинами прерафаэлитов. На ростом, спортивного сложения Ивлеве форма сидела как влитая, удивительно гармонируя с его русыми, пепельного оттенка волосами и серыми, с серебристым отливом глазами.

Кронин вспомнил, что Ивлев прославился тем, что на «Верном» врезался в другой звездолет Парадизской Империи. Рассказывали, что на слушании дела он объяснил:

– Старший штурман требовала, чтобы я повернул направо, а старший инженер – чтоб налево. Я пытался угодить обеим – не люблю скандалов на капитанском мостике.

С судовым врачом со звездолета «Верный» Кронин встречался во время Конгресса, в котором тот участвовал в качестве слушателя.

«Как же его по имени? – попытался вспомнить Кронин. — Кажется, Иван...» А фамилию он, как ни старался, вспомнить не мог.

Имперец сидел на камне на небольшом пригорке и увлеченно рисовал с натуры цветы. Кронин удивленно покосился на него.

Ну, что поделаешь, если у человека такое хобби – рисовать! Если бы Кронин не знал, кто такой этот Иван, то подумал бы, что это местный житель – парень был одет не в черный мундир имперского судового врача, а в свободную белую рубаху с широкими, сужающимися к запястью рукавами: такой покрой был характерен для Нижних Клонов, так как в болотистом лесу комары легко прокусывали прилегающую к телу одежду. Принадлежность имперца к ВКС выдавали только черные форменные брюки, заправленные в резиновые сапоги с низкими голенищами – самая удобная для походов в лес обувь.

Кронин, проходя мимо, поздоровался с ним. Тот ответил ему и, достав скальпель, с задумчивой улыбкой принялся точить карандаш.

Кронин почему-то подумал, что если бы этому Ване не карандаш, а дудочку в руки, то он был бы похож на деревенского пастушка. Кронин не удивился бы, увидев «пасущихся» возле холмика вьючно-верховых роботов. За спиной у Вани возвышались толстые березы и вела в глубину леса еле заметная тропка, известная только местным жителям.

И тут среди деревьев мелькнуло длинное белое платье с узкими до локтей, расширенными книзу рукавами. Этот фасон, недавно вошедший в Империи в моду, повторял покрой средневекового блио.

Женщина! Так вот кого дожидался этот парень! Что ж, умно, ничего не скажешь! Контрабандисты часто использовали этот прием: если клиент и контрабандист разнополые, попробуй докажи, что это была деловая встреча, а не банальное свидание мужчины с женщиной! Хотя, вполне возможно, что в данном случае это и есть настоящее свидание.

Хотя женщина в светлом платье не торопилась выходить из тени деревьев и разглядеть ее лицо на таком расстоянии было невозможно, Кронину показалось, что он узнал Эдельвейс. Эдельвейс и этот Ваня? А почему бы и нет? Эти двое подходили друг другу по возрасту и, вероятно, по психотипу. И даже в их внешности было нечто общее: у обоих были мечтательные серые глаза и задумчивая улыбка.

Надо будет предупредить Кеннета, чтобы он был поосторожнее с Эдельвейс. Они-то думали, что Эдельвейс не проявляет интереса к Кеннету, да и, похоже, к мужчинам вообще, а тут... А вдруг у нее уже есть ухажер – врач с имперского боевого звездолета? И если Эдельвейс расскажет ему про Кеннета? Выглядит этот Ваня безобидно и даже цветочки рисует, но Кронин хорошо знал, насколько обманчива бывает внешность.

Ваня посмотрел вслед американцу и вернулся к прерванному занятию.

Он периодически брал заказы на создание цветных эскизов фантастических цветов. Он любил тщательно прорисовывать мелкие детали: прожилки на лепестках и листьях, тычинки, шипы... Иногда, фантазируя, он вместо прожилок рисовал на листьях кровеносную систему. Получалось затейливо!

Он умел работать и карандашом, и акварелью, и на планшете в двумерном графическом редакторе, но трехмерные текстурированные модели создавать не умел, поэтому всегда работал в паре с кем-нибудь из моделлеров. Вот сейчас он выполнял заказ на цветы для какого-то фантастического боевика, который будут снимать под Выборгом.

Когда вахтенный сообщил Кеннету, что его спрашивает некий Дэки Тариве-Лацис, Кеннет понял, что за ним пришли от Эдельвейс.

Дэки издалека увидел, что к нему уверенно направляется капитан Кеннет.

«Хвала Высшим Силам, что не пришлось долго ждать,» – с облегчением подумал Дэки. После инцидента в Свободной Народной республике он всячески избегал бывать в людных местах, особенно таких, где можно было встретить иностранцев, а если бывал в порту, старался не заходить ни в кафе, ни в другие заведения, расположенные в портовых терминалах. Он замечал украдкой брошенные на него взгляды и понимал, что его еще долго не оставят в покое.

Дэки вспомнил, как на Пасху – а в Империи традиционно продолжали отмечать христианские праздники, – они с Эдельвейс сидели в портовом кафе возле моря Нево, терминал работал в аудиорежиме, и как раз передавали концерт по заявкам. Ведущий концерта начал громко зачитывать только что пришедшую заявку:

– Прошу передать для моих боевых товарищей, служивших вместе со мной в...

Дэки с Эдельвейс сидели за маленьким столиком возле стены, лицом друг к другу. В центре зала находился длинный стол, за которым сидела компания иностранцев, оживленно болтавших на своем языке. Из-за шума, стоявшего в кафе, разобрать, на каком языке они говорят, не представлялось возможным.

«Наверное, финны с круизного лайнера,» – подумал Дэки, сидевший спиной к стене, а лицом к шумной компании.

Ведущий еще не дочитал заявку до конца, а Дэки краем глаза заметил, что на него в упор уставился один из иностранцев, сидевших с компанией за тем самым столом. Вообще-то этот иностранец сидел за столом спиной к Дэки, но сейчас он повернулся на стуле, с усмешкой глядя на юношу.

– А вы где именно служили? Не хотите передать привет? —неожиданно громко, на все кафе, спросил иностранец по-русски с явным французским акцентом.

Дэки слегка повернул голову, в упор взглянув в насмешливые серые глаза. За последние месяцы он уже привык к тому, что многие знакомые и незнакомые люди в Нижних Клонах проявляют такой повышенный нездоровый интерес к его персоне. Отец даже предлагал ему пожить какое-то время у одинокой пожилой дальней родственницы, у которой был участок земли и коттедж под Меншиковым, возле залива. Однако Дэки был не из тех, кто отступает: за словом в карман он не лез и умел ставить наглецов на место так, что те быстро оставляли его в покое: им было просто неинтересно поддевать человека, который умеет отвечать.

Но вот такой подлнки со стороны иностранца Дэки не ожидал. Однако спускать ему он не собирался...

– Вы сами прекрасно знаете, что факт прохождения службы в некоторых частях является военной тайной. Я давал подписку о неразглашении, – ответил Дэки, твердо глядя в глаза французу.

Эдельвейс тоже среагировала мгновенно. Сидевшая спиной к столу, занятому иностранцами, она резко повернулась и неожиданно встала, отодвинув стул. Неторопливо переступая ногами в высоких замшевых сапогах с бахромой и заклепками, она медленно подошла к французу, не сводя с него глаз. Остановившись, она окинула его внимательным взглядом с головы до ног, безошибочно распознав по нашивкам, что он является старшим штурманом одного из звездолетов ВКС Европейского Альянса. Иностранец тоже окинул ее взглядом, в котором явно читалась насмешка: надевшая по случаю праздника леопардовой расцветки пиджак- этой весной-последний писк моды, – и облегающие брюки со вставками такой же расцветки, Эдельвейс с завязанной на голове особым образом леопардовой банданой с «ушками», из-под которой падали на плечи светлые косы, выглядела весьма экзотично.

Глядя в упор в насмешливые глаза француза, она медленно и негромко, но четко произнесла:

– Будучи старшим штурманом ВКС Европейского Альянса, то есть являясь военным, – тут она сделала выразительную паузу, чтобы придать значимость своим словам, и бросила взгляд на его нашивки, – вы знаете, что такое государственная тайна. Вы только что в присутствии свидетелей попытались выведать у гражданина Парадизской Империи сведения, не подлежащие разглашению. Вы понимаете, что ваш поступок можно истолковать как попытку добыть сведения секретного характера, а это в любой стране подпадает под определение «шпионаж» и карается соответственно?

В кафе мгновенно воцарилось гробовое молчание. Француз все еще продолжал улыбаться, однако было заметно, что улыбка постепенно сползает с его лица. Может, он и не принял бы заявление Эдельвейс всерьез и перевел дело в шутку, однако та, отвернув лацкан пиджака, продемонстрировала французу значок сотрудницы Храма Немезис.

– Мне что, вызвать службу безопасности? – тихо спросила она.

Стушевавшийся француз не знал, куда девать глаза и бросал по сторонам затравленные взгляды. Вокруг него уже образовалось пустое пространство: те, кто сидел рядом, поспешили отодвинуться: они знали, что связываться с Храмом Немезис небезопасно. Француз пробормотал нечто невразумительное и извинился, что его не так поняли и, поспешно расплатившись, бросился к выходу. Вслед за ним и остальные иностранцы начали поспешно покидать кафе. В считанные минуты зал почти полностью опустел. Наступила долгожданная тишина.

Эдельвейс как ни в чем не бывало вернулась на свое место. Они с Дэки обменялись понимающими улыбками: наконец-то эти болтливые иностранцы смолчали, теперь никто не помешает сделать несколько снимков на память!

Они неторопливо направились туда, где в уголке зала стояла искусственная елка, оставшаяся еще с новогодних праздников. По случаю Пасхи ветви ее были украшены игрушками в виде ярко раскрашенных пасхальных яиц на ленточках с бантиками. Стоящее рядом с елкой чучело медведя держало в лапах серебряный поднос с огромным куличом. А под елкой вместо обычного для здешних мест чучела нерпы или белька красовалась игрушка в виде белого пушистого месячного крольчонка породы «Белый великан» в натуральную величину, сидящего в половинке яичной скорлупы. Яйцо, судя по размеру, было страусиное.

– Новости кролиководства, – хмыкнул Дэки. – Впервые вижу, чтобы крольчата вылуплялись из яиц!

– Последнее достижение геной инженерии, – пожала плечами Эдельвейс.

Эдельвейс поочередно позировала то возле елки с пасхальным крольчонком, то возле медведя, а Дэки снимал ее на коммуникатор. Фотографировать он умел неплохо, Эдельвейс его сама обучила. Казалось бы, что сложного в том, чтобы сделать снимок? Однако композиция снимка строится по тем же сложным законам, по которым строится композиция живописного полотна, и законы эти надо изучать специально. Сложнее всего снимать фигуру в интерьере: тут следует учитывать множество факторов: и позу фигуры, и расположение объектов заднего плана, и местонахождение источников света, и расположение теней, и многое, многое другое. И, хотя способностей к рисованию у Дэки не было, парень схватывал объяснения насчет построения композиции на лету. У него получалось настолько правильно располагать фигуру в кадре, что Эдельвейс потом почти не приходилось подправлять сделанные им снимки в графическом редакторе.

Эдельвейс была очень довольна: праздник удался и получился даже более захватывающим, чем она ожидала. Она была почти уверена, что Дэки не обидится на нее за заступничество: с одной стороны, она влезла в его дела, с другой... Как преподаватель с многолетним стажем, она привыкла к каверзным вопросам и подколкам со стороны учащихся и поэтому умела реагировать на провокации мгновенно. А поскольку они с Дэки, прежде всего, бое-

вые товарищи – а эту мысль она уже давно внедрила в его сознание, – заступаться друг за друга в сложных ситуациях – это для боевых товарищей дело чести, доблести и героизма. И половая принадлежность тут роли не играет. Конечно, женщине незачем лезть в мужские разборки, но друзья, даже если они разнополые, должны горой стоять друг за друга. А они с Дэки именно друзья, что бы ни думали некоторые!

Она заметила, каким торжеством блеснули глаза Дэки, когда она осадил зарвавшегося французика. Дэки был явно доволен ее вмешательством, поскольку особую пикантность ситуации придавал именно тот факт, что взрослого мужика в чине старшего штурмана сумела уесть похожая на подростка девушка!

Она была очень довольна собой, и настроение ей слегка омрачил разве только тот факт, что на снимках, как ей показалось, обтянутые брюками леопардовой окраски бедра у нее выглядели слегка полноватыми. Или ей показалось? Да и талия... Этот пиджак ее явно полнит, надо было застегнуть его на молнию! А может, ей просто не идет леопардовая окраска?

...Кеннет издали увидел Дэки Тариве-Лациса.

«И еще говорят, что на широте Парадиза солнце слабое,» – в очередной раз подивился Кеннет, глядя на загорелое лицо Дэки.

Юноша выглядел так, словно только что вернулся с курорта, и на фоне загорелой кожи выгоревшие волосы казались серебристыми. Вокруг глаз был нанесен грим в виде полумаски – последний писк молодежной моды. Одет он был в черные шаровары и подобие кожаной черной жилетки, напоминающей разгрузку со множеством накладных карманов.

Парень окинул Кеннета внимательным взглядом с головы до ног и скептически хмыкнул:

– Вы и хирурга с собой прихватите, ну, этого, который с военной выправкой, он только что прошел в сторону леса, – Дэки кивнул головой в ту сторону, куда ушел Кронин.

– Зачем мне хирург? – опешил Кеннет.

– Так вы в берцах собираетесь ездить на работе, а у них подошва рифленая... Упадете, нога застрянет в стремях, робот вас поволочет за собой...

– Так вы тоже в берцах, – заметил Кеннет.

Действительно, шнурованные ботинки Дэки напоминали берцы.

– Я сегодня ездить не собираюсь, да и вообще, могу и не опираться на стремяна, а держаться только коленями, а вы так сможете? – парень усмехнулся. – Да не беспокойтесь, мы вам пояс-антиграв выдадим, так что не упадете.

Они двинулись к стоянке аэрокаров.

Интересно, подумал Кеннет, работает ли этот парень на имперскую контрразведку или нет? Если работает, то ему обязательно должны были показать фотографии всех членов экипажа «Инвиктуса» и объяснить, кто есть кто. Тогда, конечно, он знаком и с краткой биографией каждого всех членов экипажа. Впрочем, и сам Кеннет уже навел справки насчет некоторых имперцев... Вот на этого юношу в ЦРУ такое досье – зачитаешься... Взлом сайта – это еще цветочки! Правда, в досье нет никаких свидетельств того, что парень работает на имперскую контрразведку, но вот случай на военной базе в Свободной Народной республике... Так действовать мог опытный, хорошо подготовленный диверсант, а не семнадцатилетний парнишка. Возможно, парень прошел очень хорошую подготовку, ведь даже сотрудники гуманитарных миссий проходят специальные тренинги, как вести себя в боевых условиях, при захвате заложников, при попадании в плен... И, поскольку завод Эдуарда Лациса выпускает модифицированные модели роботов, и Дэки был откомандирован за границу для наблюдения за испытаниями роботов в реальных полевых условиях, он обязательно должен был пройти перед этим специальную подготовку. Однако могло ли хватить этих специальных

знаний для того, что он сумел натворить на базе в Свободной Народной республике? Кеннет весьма в этом сомневался.

Хм, а как он сказал насчет Кронина – «с военной выправкой»? Если он знаком с его досье, то знает, что Кронин – из зеленых беретов. А если не знаком... Впрочем, выправка видна невооруженным глазом. Надо будет предупредить Кронина, чтобы не ходил по причалу строевым шагом.

А Дэки искоса наблюдал за Кеннетом: вот сейчас они подойдут к стоянке аэрокаров, и придется решать вопрос: кто будет за штурвалом? Пилотировать аэрокары Дэки умел, но прав у него не было, и не только на управление аэрокаром, и он не был уверен, что права вообще когда-нибудь будут после того, что он заявил комиссии, которая дисквалифицировала его во время конгресса... Он, конечно, и сейчас был глубоко убежден в своей правоте и даже подал на комиссию, которая тогда была с ним не согласна, в суд, но не был уверен, что суд примет его сторону. То, как он счел нужным объяснить свой поступок во время показательного выступления, поступок, за который его дисквалифицировали, было напрямую связано с происшествием на военной базе Свободной Народной республики... Однако в любом случае Кеннету совершенно незачем знать, что у него, Дэки, нет прав на управление аэрокаром. И Дэки знал, что не будет даже пытаться сдать экзамен на права, по крайней мере, до решения суда. И не важно, что решит суд, в любом случае будет скандал, его поступок на показательных выступлениях получит огласку, и на экзаменах его явно провалят. Вот если бы он не подал в суд, все бы осталось в тайне! Но он был убежден в своей правоте и не собирался отступать. Так что придется выждать время... Что делать, если уж так сложились обстоятельства!

Поэтому, когда они подошли к стоянке, Дэки просто встал возле пассажирской дверцы, показав тем самым, что Кеннет может занять место пилота, и вопрос насчет прав отпал сам собой, не успев даже возникнуть.

Когда аэрокар промчался над Большим каналом и мимо промелькнуло расположенное на левом берегу кафе, Кеннет мельком заметил за стеклами внутри заведения нескольких младших офицеров с «Инвиктуса». Сидя за одним столом с какими-то имперцами, они непринужденно болтали. Кеннет раздраженно покачал головой: вот они, отдаленные последствия американской государственной эмиграционной политики конца 20-го – начала 21 века. На территории Империи внезапно выяснилось, что чуть ли не половина экипажа «Инвиктуса» – потомки эмигрантов из России в третьем-четвертом поколении, и большинство из них в той или иной мере владеют разговорным русским. Правда, когда Кеннет попытался привлечь кого-нибудь из них в качестве переводчика вместо вечно занятого Кронина, он столкнулся с тем, что все потенциальные кандидаты на эту роль начинали уверять его, что говорят по-русски плохо, на уровне самых расхожих фраз, да и понимают не очень хорошо. Доказать обратное он не мог, и от соблазнительной идеи по замене Кронина ему пришлось отказаться.

Трек для испытаний верховых роботов-лошадей напоминал зимний пейзаж кисти голландского живописца 18 века. Ивы, склонившиеся надо льдом узкой извилистой речки и вмерзшие нижними ветками в лед, стебли тростника и жесткой травы по берегам, припорошенные снегом могучие ели. Все детали пейзажа представляли собой тактильную голограмму с тщательно проработанными деталями, что вызывало ощущение полной реальности. Однако зимнего холода не ощущалось, по температурному режиму день был явно летний.

Тематические парки развлечений, где можно было прокатиться по дремучему лесу или вдоль руин неведомой древней цивилизации на роботе-лошади, или олени, или трицератопсе – о вкусах не спорят – по заранее намеченному маршруту, не были редкостью, но там

робот делал только то, на что был запрограммирован. Любая импровизация исключалась. Если бы роботу встретилось незапланированное препятствие в виде ствола упавшего дерева, или крупного камня, или ямы, робот не знал бы, как поступить в подобной ситуации и просто уперся бы в препятствие и остановился.

В отличие от этих довольно простых механизмов, те роботы, которых конструировала Эдельвейс, могли двигаться по любому произвольно выбранному маршруту: ими можно было управлять, как настоящими верховыми животными. Они умели вовремя среагировать на внезапно возникшее препятствие и преодолеть его тем или иным способом – обойти, перелезть или перепрыгнуть.

Серый в яблоках жеребец-робот с мощным корпусом и не менее мощным крупом, с изящной головой на длинной шее, с тонкими ногами, длинным пышным хвостом и густой гривой, выглядел так, словно сошел с полотна Рубенса. Под управлением Эдельвейс он успешно справлялся с преодолением сложного маршрута.

– Эта модель из серии «Лорд Годольфин», – пояснила Эдельвейс, прыгивая на землю возле Кеннета и передавая ему поводья. – Это серия мощных боевых коней серой в яблоках масти.

Сама она предпочитала для прохождения сложных маршрутов облегченный вариант этой модели. Облегченный вариант носил название «Черный принц», хотя роботы этой серии были не только вороной, но и светло-серой масти, но учитывая, что в природе лошади не рождаются светло-серыми, а «седеют» в возрасте нескольких месяцев от роду, Эдельвейс сочла возможным присвоить серии такое название. От серии «Лорд Годольфин» роботы серии «Черный принц» отличались меньшим ростом, более изящным экстерьером, длинным корпусом, а также дополнительным суставом на задних ногах, из-за чего ноги робота могли сгибаться в плюсне ровно посередине, что существенно облегчало передвижение по пересеченной местности и преодоление препятствий. Однако Эдельвейс рассудила, что для рослого Кеннета больше подойдет крупная и массивная модель жеребца-робота серии «Лорд Годольфин».

Кеннет вскочил в седло. Почувствовав непривычно большой вес и чужую руку, робот присел на задние ноги, вскинув голову, но затем выровнялся и двинулся вперед.

На заснеженном льду робот продвигался вперед мелкими шагами, скользил, садился на задние ноги, один раз почти сел на круп, метя хвостом снег, скользил, перебирал задними ногами, но не заваливался на спину, а продолжал упорно двигаться вперед. Кеннет с трудом удерживался в седле, думая о том, что даже если не завалится на спину сам робот, завалится он. Положение стало опасным... Один раз робот встал на дыбы, и Кеннет почувствовал, что балансирует на грани падения. Дэки, державшийся рядом с Кеннетом, стремительно рванулся к роботу, уверенно ухватил его за повод и рванул на себя и вниз. Робот не завалился, а опустился на передние ноги, равновесие было восстановлено, и Кеннет удержался в седле.

Дэки отошел в сторону, отряхивая с черных шаровар снег.

Кеннет тоже был весь в снегу: вставший на дыбы конь задел головой ветку заснеженной ели, осыпав всадника снегом. Субстанция, имитирующая снег, не напоминала ни вату, ни муку: взглянув на свой рукав внимательнее, Кеннет заметил, что эта субстанция состоит из множества частиц, размером и формой напоминающих настоящие снежинки, но, в отличие от настоящих снежинок, эти частицы не охладили кожу и не таяли от тепла.

На заснеженном берегу конь-робот двигался по снегу легким галопом, уверенным прыжком преодолел поваленное бревно, но потом вдруг начал осаживать и едва не взвился на дыбы.

– Это потому, что он реагирует на наклоны корпуса, – пояснил оказавшийся рядом Дэки. – Так он настроен. Вообще каждый конструктор настраивает верхового робота под

себя, и этот настроен для самой Эдельвейс. А ездить на чужом верховом роботе так же сложно, как на чужой норовистой настоящей лошади.

Кеннет выехал на лесную тропинку. Робот с трудом переползал через заснеженные корни деревьев: сосны здесь почему-то стояли на собственной корневой системе, как на ходулях. Тропинка неожиданно пошла под уклон, расширилась и превратилась в дорогу, по обеим сторонам которой вздымались не укрытые снегом песчаные откосы, над которыми высился сосновый лес. Кеннет огляделся по сторонам: взбираться на роботе по песчаному откосу он бы не решился: угол подъема был слишком крутым, да и субстанция, имитирующая песок, скорее всего начала бы проседать и осыпаться под копытами коня-робота, так что тот просто бы завяз задними ногами в песке, а потом завалился бы на круп. А вылететь из седла на глазах таких зрителей, как Эдельвейс и Дэки, Кеннету не хотелось. Поэтому, когда дорога уперлась в более-менее пологий заснеженный склон, Кеннет направил робота вверх по этому склону. Робот с подъемом успешно справился, и Кеннет оказался неподалеку от той точки, с которой начал прохождение маршрута. Все это время он ехал почти по кругу.

Эдельвейс и Дэки, находясь на возвышенности в самом центре этого испытательного «круга», на примерно равном расстоянии от любой его точки, наблюдали за Кеннетом с превосходящей высоты, готовые придти на помощь в случае серьезной проблемы.

Шагом подъехав к Эдельвейс, Кеннет спешился.

– Однако вы превосходно держитесь в седле, – заметила Эдельвейс, принимая повод своего робота.

– В детстве я занимался верховой ездой, – довольно улыбнулся Кеннет.

– Это многое объясняет, – кивнула Эдельвейс и поспешно отвернулась, чтобы он не заметил в ее глазах боль, тоску и зависть. Откуда знать этому благополучному американцу, что иногда совершенно невинная фраза может причинить человеку страшную боль?

В соответствии с традициями имперского гостеприимства, Эдельвейс пригласила Кеннета выпить чаю. На этот раз он никуда не спешил и охотно согласился.

Они расположились на веранде, выполнявшей роль кухни.

На столе уже кипел огромный самовар.

Эдельвейс распахнула дверцу холодильника, стоявшего в дальнем углу у окна: внутри было пусто, не считая двух банок варенья и банки горчицы. Заметив взгляд Кеннета, Эдельвейс скромно потупила глазки и просюсюкала:

– Наша страна может на равных противостоять Америке в гонке вооружений, но для этого ей приходится экономить на зарплате бюджетникам. Вот так выглядит изнутри холодильник рядового сотрудника имперской научно-исследовательской лаборатории...

Увидев выражение лица Кеннета после этого ее заявления, она не выдержала и расхохоталась.

– Знаете, капитан, нельзя же все воспринимать на веру... Сейчас я продемонстрирую вам мой синтезатор пищи, и вы поймете, что мне просто нет смысла набивать едой холодильник.

Она щелкнула пальцами, и на кухню вошел Дэки. На большом подносе он нес шампуры с шашлыком.

– Так вот он какой, синтезатор пищи! —изобразил изумление Кеннет.

– Самая лучшая модель синтезатора пищи всех времен и народов, – кивнула Эдельвейс на Дэки. – Я подумала, что вы не захотите довольствоваться синтетикой, и вот... Не буду утверждать, что этого кабана он выследил лично, однако идея с шашлыками была его. Так что сегодня на столе будет все натуральное, приготовленное вручную.

Эдельвейс вспомнила, что Сельма Акка предлагала ей угостить Кеннета местным деликатесом – щами из нежной молодой крапивы, со сметаной и сваренным вкрутую накро-

шенным яйцом, но Эдельвейс не решилась предлагать американцу такую экзотику из опасения, что он неправильно это истолкует...

– Ты бы еще лебеду предложила! -укоризненно фыркнула она, услышав предложение Сельмы. Она уже представляла броские заголовки на страницах американских сетевых изданий: « Имперцы вынуждены питаться одной крапивой!»

Эдельвейс достала из буфета блюдо с пирогами и вазочки с печеньем, конфетами и орешками.

Повернувшись к столу, она поняла, что допустила непростительную оплошность: помня, что фрукты-овощи для американцев можно мыть только кипяченой водой, тщательно промыла салат холодным кипятком и оставила в дуршлаге, чтобы стекла вода, а потом положила в миску, но не успела порезать и заправить растительным маслом. Отвлечшись, она случайно оставила миску с салатом на столе. Пока она суетилась возле буфета, Кеннет подвинул салат к себе...

– Вот на таких мелочах и сыплются американские агенты, -усмехнулся Дэки, уже заметивший, что Кеннет ест салат целыми листьями. Но откуда американцу знать, что в Империи салат принято сначала резать и заправлять маслом, и только потом есть?

Кеннет, вздрогнув, чуть не подавился. Он бросил на Дэки весьма выразительный взгляд, отчего парень согнулся от хохота.

– Агенты на таких мелочах не сыплются, они ведь проходят специальное обучение, - тихо произнес Кеннет, глядя Дэки прямо в глаза.

Дэки обезоруживающе улыбнулся. Он был веселым, озорным парнем, любителем безобидных розыгрышей. Однако далеко не всем его выходки нравились...

Эдельвейс была одной из немногих, кого его проказы никогда не раздражали и у кого не возникало желания его отлупить.

С Дэки они познакомились несколько лет назад и общий язык нашли сразу же. Злые языки в Нижних Клонах поговаривали, что они не только брат и сестра по отцу, но и... Однако ни Эдельвейс, ни Дэки это не волновало. Сестра – так сестра, а нет, так нет. Какая разница, если человек хороший?

Эдельвейс про себя усмехнулась: Кеннет явно не рассчитывал на присутствие за столом Дэки, он думал, что чаепитие будет проходить тет-а-тет, но глубоко ошибался.

«Не давай потенциальным эмиссарам оставаться с тобой наедине, – в свое время инструктировала Эдельвейс Аида. – Вряд ли эмиссар станет задавать тебе интересующие его вопросы в присутствии посторонних людей. Он сделает все возможное, чтобы остаться с тобой наедине. Поэтому внезапный интерес к тебе малознакомого человека и его настойчивые попытки пообщаться с тобой с глазу на глаз должны тебя насторожить. Но когда ты останешься наедине с предполагаемым эмиссаром и он начнет задавать тебе вопросы, постарайся всячески увильнуть от ответа. Если это действительно эмиссар, он задаст тебе эти вопросы еще раз. Вот по этой настойчивости ты и узнаешь эмиссара.»

Между тем Эдельвейс прекрасно понимала, что опытный эмиссар – а другому вряд ли доверят столь ответственную миссию, – начнет задавать ей вопросы весьма щекотливого свойства не при первой же встрече наедине, а только тогда, когда будет уверен, что добился ее расположения и доверия. Значит, надо дать ему такую возможность и такую уверенность. А значит, нужно постоянно изображать общительную, хлебосольную и гостеприимную хозяйку... И таким образом она скоро превратиться в точную копию своей биологической матери! Представив себе такую картину, Эдельвейс невольно поморщилась. Кеннет бросил на нее вопросительный взгляд.

– Ой, язык прикусила! – нашлась Эдельвейс. – А вот не хотите ли еще наливочки из черноплодной рябины? А аэрокар потом на автопилот поставите.

Дэки проводил Кеннета до самого аэрокара. Кеннет еще за столом обратил внимание, что Дэки явно хочет что-то ему сказать, но не решается. И только теперь, когда они остались вдвоем, Дэки наконец решился заговорить.

Они стояли возле аэрокара. Над их головами сплетались ветви огромных елей.

– Капитан Кеннет, скажите охраннику на КПП, чтобы не боялся и не прятался за вашей спиной, как сегодня утром: я не буду предъявлять ему претензии... -неожиданно произнес Дэки.

– Не понял... Какой охранник? – Кеннет нахмурился.

– Среднего роста, темноволосый, чуть старше двадцати лет... Сегодня утром он дежурил на КПП.

– А, это Джерри Томкинс, – вспомнил Кеннет. – Так в чем там дело?

– Томкинс? Вообще-то его зовут Джеральд Темкин. По крайней мере, по документам. Темкина – фамилия его матери, гражданки Свободной Народной республики. А вот отец его — гражданин США, поэтому парня называли Джеральд. Однако в Свободной Народной республике государственный язык – русский, поэтому когда этот парень служил в охране военной базы в Свободной Народной республике, его звали Герка Темкин, – усмехнулся Дэки. – Потом он уволился и поступил на службу на «Инвиктус». У него ведь двойное гражданство, так? Вот на базе мы с ним и столкнулись впервые при обстоятельствах... Ну, вы уже поняли, при каких именно?

Он был уверен, что капитан знает об этой неприятной истории – у него же высшая форма допуска к секретной информации, и наверняка у американцев есть на него, Дэки, досье. Про случай на базе не мог не доложить своему руководству американский инструктор, и это должно было попасть в досье, и Кеннет не может не быть в курсе...

– В общих чертах, – кивнул Кеннет, однако Дэки был уверен, что капитану известно практически все. Все, кроме того, что один из фигурантов того дела служит сейчас под его началом.

– В общем, когда я сегодня утром увидел Темкина, я его узнал, и он меня тоже. Такое не забывается...

Кеннет кивнул: он понимал, что тут Дэки прав. Он тоже не забыл бы такое...

– Но с точки зрения закона Темкину бояться нечего, -пожал плечами Кеннет. – Насколько я понимаю, он действовал в соответствии с уставом и выполнял приказы командования...

– В данном случае это значения не имеет. Все дело в том, что я подал встречный иск на руководство военной базы за нанесение мне морального и физического ущерба, и, если станет известно, что на территории Империи находится Джеральд Темкин, один из фигурантов той истории, ему придется давать свидетельские показания. Это как минимум. Я бы сообщил в полицию, но ваш Темкин... В общем, слухи у нас распространяются быстро. Все местные уже знают, что он встречается с дочерью уважаемого, покойного ныне имперского капитана, во времена мятежа погибшего на боевом посту.

После этих слов Дэки запнулся, вспомнив красноносого капитана контрабандистского катера, мобилизованного в народное ополчение. Говорили, что он по пьяни попросту налетел на мель... А уж эта капитанская дочка! В Нижних Клонах сложно что-либо утаить... И, судя по скорости, с которой эта девушка подала заявление на признание отцовства, подкрепленное справкой о беременности, она переспала с Темкиным чуть ли не в первый вечер после знакомства. Дэки это не удивляло: внешне Темкин был хорош: спортивного сложения брюнет со слегка вьющимися волосами, с правильными чертами лица, с серо-голубыми глазами... Неудивительно, что он привлекал внимание многих девушек.

– Так вот Темкин с девушкой уже подали заявление на официальное оформление отцовства, – сообщил Дэки Кеннету. – А если Темкина привлекут по делу на базе как свидетеля... Как будет выглядеть его роль в том происшествии не только с точки зрения имперских законов, но и с точки зрения морали, если это станет достоянием гласности? В общем, передайте Темкину, чтобы он не трясся: я не сообщу о нем в полицию... Но только потому, что не хочу, чтобы всплыла информация, что юная дочь уважаемого человека ждет ребенка от иноземного помощника палача, принимавшего участие в издевательствах над гражданином Империи.

...Эта история случилась на военной базе Свободной Народной республики месяцев семь назад...

Работавший на военном заводе своего отца, оформленный техником, Дэки сопровождал партию вьючных роботов, которых их фирма, согласно условиям договора, обязалась доставить на военную базу в Свободной Народной республике. Республика эта была очередным свежееиспеченным государственным образованием.

На базе планировалось провести испытания моделей вьючных роботов в полевых условиях. Вообще-то предполагалось, что партию роботов будет сопровождать совсем другой сотрудник, постарше и посолидней Дэки, но в последний момент тот сотрудник под каким-то благовидным предлогом отказался от командировки, и получилось так, что высокая честь сопровождать партию роботов выпала именно Дэки.

Вот таким образом он и оказался в командировке на военной базе в Свободной Народной республике. В его обязанности входила не только доставка вьючных роботов до места назначения, но и их сопровождение во время полевых испытаний.

Непосредственным начальником и командиром Дэки был назначен прапорщик Дубарь, почти двухметрового роста амбал с физиономией, словно высеченной топором из куска дерева. Дубарь терпеть не мог штатских. А уж таких, как Дэки... Парень был настолько не приспособлен к военной службе, что Дубарь смотрел на него даже чуточку с сожалением, как здоровые люди смотрят на инвалидов и умственно отсталых.

...Покосившись на Дэки, Дубарь тяжело вздохнул. Этот парень действительно был придурком. Ну, что еще ожидать от штатского?

– Построиться в одну шеренгу и рассчитаться на первый и второй... В две шеренги становись! – скомандовал прапорщик.

Все рассчитались и построились в две шеренги, только этот имперский придурок остался стоять посередине между шеренгами.

– А я уже забыл, кто я по номеру, первый или второй, – объяснил он прапорщику, разводя руками.

– Двадцать отжиманий, – мгновенно среагировал прапорщик.

Дэки искренне не понимал, чем вызвал недовольство прапорщика. Подумаешь, забыл, кто он по номеру!

– Но вы же не приказывали запомнить свои номера, а приказали рассчитаться на первый-второй, – напомнил прапорщику Дэки. – Так я и рассчитался, а значит, выполнил приказ с точности. Вот если бы вы приказали запомнить...

В строю почему-то захихикали.

– Тридцать отжиманий, – прошипел прапорщик, обводя строй тяжелым взглядом и начиная закипать.

– А у вас тут грязно, – заметил Дэки, оглядевшись.

– Вот и будешь чистить плац зубной щеткой.

– Да зачем же щеткой? – искренне удивился Дэки. – У вас что, современной техники нет? Давайте я вам робота-уборщика настрою! Он-то с этой задачей быстрее справится!

Прапорщик чуть не застонал сквозь зубы.

– Сорок отжиманий, и пока не сделаешь, все остальные будут бегать с полной выкладкой! Бегом марш! -скомандовал он.

Дэки мгновенно бросился отжиматься, стараясь выполнить это упражнение как можно быстрее: в противном случае ему сегодня обязательно набьют физиономию его же сослуживцы. Если не в раздевалке, так в душевой. А если и не набьют, так еще что-нибудь сделают, вот как в тот раз...

...Это было вскоре после его прибытия на базу.

В первый же день в кабинке душа его поджидал неприятный сюрприз... Потом он узнал, что с новичками поступали подобным образом довольно часто.

Раздевшись и войдя в кабинку, Дэки задвинул за собой дверь. Дверь душевой кабинки сдвигалась по направляющим, расположенным внутри кабинки. Откуда ж ему было знать, что между краем двери и стеной втиснут ящичек с запертой внутри крысой? И, стоило Дэки задвинуть за собой дверь, как дверца ящичка освободилась и крыса выбралась наружу.

А дверь душевой кабинки шутники к тому моменту уже успели заблокировать снаружи так, что изнутри ее было не открыть.

Обнаженный человек остался в замкнутом пространстве один на один с обезумевшим от ужаса грызуном, мечущимся по всей кабинке. Иногда такие забавы заканчивались для новичков трагически... А шутников, естественно, никак не могли поймать!

Дэки повезло, он сумел сладить с крысой и поймать ее, не получив укусов, поскольку умел обращаться с животными, а иначе... Как бы в этот раз сослуживцы не придумали чего-нибудь похуже!

Повезло еще, что прапорщик – человек гуманный, назначил всего сорок отжиманий, подумал Дэки, интенсивно отжимаясь с максимально возможной скоростью. Теперь он и сам понимал, что вел себя по-идиотски, а потом еще сморозил глупость, предложив настроить для уборки плаца робота! И как такое могло придти ему в голову? Ведь, во-первых, территория очень большая, а во-вторых, плац постоянно используется для строевой подготовки. Не может же робот крутиться под ногами солдат! Конечно, прапорщик разозлился! А ведь надо было просто предложить ему вымостить плац таким материалом, который сам впитывает мелкий мусор. На такую большую площадь покрытия фирма-производитель точно сделала бы скидку! Тем более, вспомнил Дэки, что где-то у него была даже визитка владельца фирмы, и надо было отдать ее прапорщику. Дэки сообразил, что если бы он таким образом организовал владельцу фирмы крупный заказ, то получил бы от него комиссионные! А он вот не догадался! Да за такую оплошность Эдуард Лацис заставил бы его отжаться не сорок раз, а все пятьдесят!

Пока Дэки отжимался, Дубарь не сводил с него тяжелого взгляда. Этот парень его доведет...

В первое же утро после прибытия прапорщик застал его, когда парень в шесть утра влез на столб перед казармой и пытался перерезать провод, идущий к громкоговорителю.

– Ты чем это там занимаешься? – с подозрением спросил прапорщик.

– Да вот какой-то придурок врубил в 6 утра военные марши, спать невозможно! Сейчас провод перережу.

– Отставить! – завопил прапорщик, умолчав при этом, что придурком, врубавшем в 6 утра военные марши, был полковник Новик, решивший таким образом облегчить военнослужащим утренний подъем.

Только потом, много позже, прапорщик Дубарь сообразил, что парень залез на столб без всяких специальных приспособлений, необходимых в подобном случае. И как же он это сделал? Тогда прапорщик об этом почему-то не задумался и не придал этому значения.

А ведь такие навыки... Такие навыки совсем не вяжутся с образом придурка и растяпы, каким он себе этого парня представлял. И еще прапорщик в первый же день заметил, что костяшки пальцев у юноши загрубевшие, как у человека, серьезно занимавшегося рукопашным боем.

Вот если бы он тогда насторожился!

...Прапорщик регулярно жаловался на имперского придурка командиру базы полковнику Новику, но тот разводил руками. Ну, что возьмешь с этих гражданских, тем более иностранных специалистов? К тому же парень тут по контракту, а контракт не так просто разорвать в одностороннем порядке, для этого должна быть веская причина. Пока что имперский техник со своей работой справляется, и поэтому никаких оснований для того, чтобы его уволить, нет.

– Вообще-то он еще и неплохо отжимается, – пробурчал прапорщик.

– Вот видите, есть и у него что-то хорошее, – обрадовался полковник. —Глядишь, еще и человека из него сделаем!

На этот счет у прапорщика были большие сомнения, но он не посмел перечить командиру.

...В тот день они уже возвращались с полевых испытаний, когда на узкой дороге, идущей вдоль речки, головной вьючный робот, похожий на серебристого паука, неожиданно застыл на месте, мгновенно затормозив всю колонну техники, и продолжать движение явно не собирался. Недолго думая, Дэки, сопровождавший колонну вьючных роботов, вскочил на него верхом и стукнул кулаком по той части корпуса, где у настоящего паука находилась бы голова. Робот среагировал странным образом: дернулся, вздыбился, сделал резкий прыжок с дороги в сторону откоса и, не удержавшись, начал падать. Выпрямившись в последний момент, робот сделал еще один неуверенный прыжок и, подогнув суставчатые конечности, рухнул в воду.

Несколько дней назад вода в реке сильно поднялась из-за прошедших в горах дождей. Робот в мгновение ока скрылся под водой. Бурлящий поток в считанные секунды скрыл его от глаз остолбеневших военнослужащих.

Дэки, спрыгнувший с падающего робота еще на откосе, прокатился по земле, встал и, ругаясь и отряхиваясь, выбрался на дорогу.

– Ах, ты... – у прапорщика Дубаря на этот раз больше не было слов, даже матерных, чтобы должным образом охарактеризовать имперского идиота. Схватив его за шиворот, он потащил его к командиру базы, по пути не переставая осыпать какими-то нечленораздельными междометиями, совершенно не походившими на полноценные матюки.

Через полчаса Дэки стоял на ковре перед полковником Новиком.

Американский инструктор крутился тут же. Этого типа Дэки заметил еще в первый день пребывания на базе. Военный советник, ага... Высокий, поджарый, с водянисто-голубыми цепкими глазами, он неожиданно возникал словно из ниоткуда в самых укромных уголках военной базы и особенно интересовался именно вьючными роботами.

Выслушав весьма эмоциональный доклад прапорщика, щедро приправленный ненормативной лексикой, полковник тяжелым взглядом уставился на злостного нарушителя дисциплины, которого Дубарь наконец соблаговолил отпустить и не дергать за шиворот, и тихо спросил:

– Какого черта? Ты что, под кайфом? Ты бухаешь или ширяешься?

– Да никогда, – возмутился Дэки.

Полковник смотрел на него тяжелым немигающим взглядом: в свое время в голову полковнику Новику пришла одна интересная идея, подсказанная ему сотрудником военной прокуратуры, и с тех пор полковник неоднократно использовал для перевоспитания новобранцев – растяп и придурков – особый метод. В большинстве случаев этот метод действо-

вал. И сейчас явно был подходящий момент. Сейчас он научит этого оболтуса дисциплине и порядку...

– Будь ты алкашом или наркоманом, это было бы понятно и простительно. Но в здравом уме и трезвой памяти утопить робота... – он задумчиво и устало посмотрел на имперца и покачал головой.

И приказал прапорщику:

– Выпороть.

Дэки обомлел.

– У вас тут что, суд шариата? – возмутился он. – Между прочим, я гражданин Парадизской Империи, а не вашей республики.

– Вы находитесь на нашей территории, а нас законы для всех одинаковы, а по условиям договора вы должны подчиняться уставу. Вы подпадаете под статью об умышленной порче и уничтожении военного имущества, а по этой статье предусматривается именно такое наказание. Уж так в уставе написано, – полковник с деланным сочувствием развел руками.

...Будь Дэки постарше и поопытнее, он для начала обложил бы зарвавшегося полковника изощренным матом для духовного отрезвления, а затем объяснил бы, что, во-первых, неважно, что в уставе написано, вот на заборе тоже много чего написано, но это еще ничего не значит, а во-вторых, в развитых цивилизованных странах дурные законы компенсируются необязательностью их исполнения... Однако Дэки был слишком молод и неопытен в словесных баталиях, к тому же от потрясения потерял дар речи и не мог выдать из себя ни слова. Но даже если бы и мог говорить, то не знал бы, что вообще можно сказать в столь дикой ситуации. Ну, в самом деле: в конце уютного 21 века вдруг оказаться в роли крепостного холопа жестокого барина! В Империи подобная ситуация была бы просто немыслима!

Дэки вспомнил, что в сети периодически мелькали упоминания о том, что в некоторых государствах в воинских частях применяются телесные наказания, и еще ходили слухи, что даже в Империи в некоторых негосударственных военизированных объединениях практикуются, хоть и совершенно незаконно, различные меры физического воздействия, но Дэки считал это байками и страшилками вроде городских легенд, иначе такие случаи, имея они место на территории Империи, непременно попали бы в полицейские сводки, но ничего подобного в сводках не было. Хотя, конечно, это еще ничего не значило: многие дела, связанные с той или иной формой насилия над личностью, рассматривала не полиция, а Храм Немезис... А из Храма утечек информации не бывает, там строго соблюдают секретность...

В голову не приходило ничего кроме: «Это не наш метод, это непедагогично!» Но Дэки чувствовал, что на полковника этот аргумент не подействует. У него явно свои представления о педагогике!

– Вы подписали контракт, вы находитесь на территории нашей страны, так что вы знали, на что шли, – жестко заявил полковник.

– Знал бы, ноги бы моей тут не было, – честно признался Дэки.

Не то чтобы Дэки очень боялся боли от ударов кнута: для того, чтобы заранее бояться того, чего никогда не испытывал, нужно иметь очень развитое воображение, а он таким воображением не обладал, к тому же сильную боль он и раньше испытывал и не настолько ее боялся, чтобы всерьез переживать по этому поводу, но вот предстоящее унижение... Мысль об этом была настолько невыносима, что в груди как будто сжалась тугая пружина, но сердце при этом билось частыми сильными толчками.

«Сколько оно еще так выдержит?» – отвлеченно подумал Дэки.

За семнадцать лет своей жизни Дэки уже бывал и в смертельно опасных ситуациях, и чудом выживал после серьезных ранений, но вот к подобному унижению не был готов морально. Просто он был из тех людей, которые по своей душевной организации совершенно не выносят такого насилия над собственной личностью. Дэки относился к людям

такого типа, которые готовы скорее умереть, чем пережить нечто подобное. Пожалуй, даже если бы его приговорили к расстрелу, он был бы потрясен куда меньше. Кровь бросилась ему в лицо, в голове мутилось от гнева и ярости.

Гордый, самолюбивый парень не мог смириться с мыслью, что люди, которых он уже начинал считать своими боевыми товарищами, могут поступить с ним подобным образом. Ощущение было такое, словно ему на голову рухнул потолок вместе со стенами.

Если бы это были враги, а он был бы пленным, дело другое. От врагов ждешь любой подлости, на то они и враги, и их жестокость не вызывает удивления... Но чтобы так поступали свои, которым доверяешь! Приговорить к унижительному наказанию своего! Да кем он себя возомнил, этот полковник? Это просто не укладывалось у Дэки в голове! Так поступить могли только враги. А он по глупости принимал врагов за своих! Догадался бы сразу, и вел бы себя на базе совершенно иначе... И особо он злился на себя из-за этой своей фатальной ошибки.

В глазах Дэки приказ полковника выглядел настоящим предательством, а предателей Дэки ненавидел особо. Предатели – они ведь как оборотни! Дэки был потрясен и возмущен. Вся его сущность идеалиста восставала против такого поворота событий.

Воспитанный на имперской системе ценностей, вполне совпадающей с системой ценностей Лачры, Дэки считал высшей ценностью вовсе не жизнь, а человеческое достоинство. И с этим был согласен и его отец, который, кстати, никогда не поднимал на него руку, даже когда Дэки этого явно заслуживал.

А в данном случае, по мнению Дэки, он порку вообще не заслужил, и это возмущало его сильнее всего. А ведь он пытался все объяснить...

– Что это за метод починки техники? – спрашивали его.

– Метод самый действенный в полевых условиях, -отвечал он. —Особенно если у техники просто какой-то контакт нарушен.

А что ему было делать, разбирать робота прямо посреди дороги, тем самым надолго заблокировав целую колонну техники? А так он хотя бы сдвинул робота с места, открыв остальным проход. Да, в результате робот отклонился от намеченного маршрута, ну и что? Дэки решительно не понимал, за что на него так взъелись. Хотя нет, понимал... Просто на базе его невзлюбили с самого начала. Ну, подумаешь, испугал робота... Делов-то!

Да и вообще, что это за метод наказания?! Средневековье какое-то! В Империи сама мысль об официальном применении телесных наказаний казалась дикостью, не совместимой ни с законом, ни с моралью, а любое унижение человеческого достоинства считалось серьезным уголовным преступлением.

Если бы Дэки знал заранее, какие на этой базе порядки, он бы носу не сунул на территорию этой республики просто из принципа. Но времени на ознакомление с законами у него просто не было. Надо было, конечно, внимательно почитать устав, но очень уж не хотелось тратить время на столь скучное чтение! Детективы-то интереснее! И вот теперь он влип! Так вот почему тот сотрудник выдумал уважительную причину, только чтобы не ездить в эту командировку: должно быть, он читал устав, а не всякие развлекательные книжонки... И что ж теперь делать?

По поведению полковника Дэки понял, что качать права бесполезно: либо тот не знает, что он сын владельца завода, либо считает, что перед законом все равны. И перед уставом тоже. И, хотя полковник Новик и его офицеры не походили ни на казаков, ни на приверженцев законов Шариата, но, видимо, все равно считали физические наказания наиболее доходчивой мерой воздействия.

Дэки понимал, что имеет дело с сумасшедшими, а у них извращенная логика. Больше всего его возмущало даже не то, что полковник назначил ему именно физическое наказание, а то, что назначил согласно уставу. Вот если бы это была инициатива самого полковника

Новика, вот если бы лично полковник считал, что такое наказание является единственно правильным в данной ситуации, Дэки еще мог бы это понять и списать на дикость местных нравов... Но назначать наказание не по собственному разумению, не по логике и здравому смыслу, а согласно уставу... А если бы в уставе было написано, что провинившегося нужно десять раз макнуть головой в унитаз, вояки и это бы выполнили?

Ну и как взаимодействовать с такими людьми?

Можно, конечно, встать в позу и заявить: «А вы знаете, кто я такой?» Нет, бесполезно, делать громкие заявления надо было раньше, а теперь уже слишком поздно: такие, как полковник, просто из принципа не пойдут на попятную. Такие типы не отменяют своих решений только потому, что считают, что от этого может пострадать их авторитет. Поэтому Дэки промолчал: выставлять себя в смешном и дурацком виде он не хотел.

А полковник, уже мягче, добавил:

– К тому же это тебе, дураку, на пользу пойдет. Мы ж из тебя еще человека сделаем!

«Если такого человека, как вы, полковник, то лучше не надо,» – едва не ляпнул Дэки, но вовремя сдержался. Он задыхался от возмущения. Бывало, конечно, что его называли и полукровкой, и метисом, и еще по-всякому, но чтобы усомниться в том, что он принадлежит к роду человеческому! Он уже открыл рот, чтобы высказать этому расисту в военной форме все, что он о нем думает, но не успел.

Полковник только поморщился и, не вступая в дискуссию, сделал знак рукой: увести.

Конвой вывел осужденного из кабинета.

– Найдется и на вас, полковник, Вера Засулич! – с чувством успел-таки выкрикнуть Дэки, когда дверь кабинета уже закрывалась за ним.

На лице американца появилась широкая улыбка: похоже, ситуация его забавляла. Новообразованные государства, гордо именовавшие себя республиками, повсеместно вводили свои законы, словно соревнуясь между собой в их дикости и нелепости. И вот надо же, чтобы именно в этой республике в армии ввели телесные наказания! Редчайший случай. Правда, американец ничего не слышал об этом нововведении, но вообще-то такое было неудивительно для только-только образовавшихся республик: в армию шли и алкоголики, и наркоманы. И справиться с такой публикой простым словесным внушением было невозможно.

Дэки не мог сообразить, как ему найти выход из этой экстремальной ситуации. Он и опомниться не успел, как оказался на плацу в наручниках и без рубашки.

Его до сих пор трясло от дикой злости: в помещении караулки при гауптвахте прапорщик Дубарь попытался сорвать с него рубашку, резко рванув подол сверху, задирая его на голову.

– Сволочи, – вывернувшись, прошипел Дэки, адресуя это определение прапорщику и охранникам, – я что, сам не могу ее снять?

Он терпеть не мог, когда чужие люди к нему прикасались, и уж тем более пытались его раздеть.

Прапорщик пожал плечами – ну, сам так сам, – и послушно убрал руки. Он даже не догадывался, как близок был к тому, чтобы остаться без пальцев.

Дэки через голову стянул рубашку, скомкал ее и со злостью швырнул в угол, где в простенке между окном и шкафом стояла мусорная корзина, а высоко над ней висел портрет президента Свободной Народной республики и государственный флаг. Прапорщик удивленно поднял брови, а потом усмехнулся и издевательски заявил:

– Ну, наконец-то дождался я момента, когда ты сам добровольно снимешь свою рубашку!

Стиснув зубы и прищурившись, юноша презрительно посмотрел на прапорщика: этот Дубарь постоянно придирался к его одежде: Дэки, видите ли, обязательно должен был носить форменную футболку защитного цвета! Это по такой жаре! А если ему удобней

в своей собственной светлой рубашке с накладными карманами, куда так удобно складывать разные мелочи, необходимые для работы? И он упорно игнорировал пожелания прапорщика и, пользуясь правами гражданского специалиста, продолжал носить свою собственную рубашку. Вплоть до сего момента... Да, у прапорщика сегодня праздник!

Дэки был уверен, что экзекуция состоится тут же, в караулке на гауптвахте, под бдительным взором президента, и быстрым взглядом окинул помещение, с тоской понимая, что отсюда ему не вырваться: слишком тесно, чтобы задействовать кнопку экстренной эвакуации, но его под конвоем вывели на плац. Склонность к публичным мероприятиям, по-видимому, являлась отличительной чертой военных.

— Да, тем, которые под кайфом, не так больно, — сочувственно заметил самый молодой из конвоиров, обращаясь к Дэки. — Если б я знал заранее, к чему тебя приговорят, дал бы тебе дозу.

— Опоздал ты, Герка, — насмешливо оскалился конвоир постарше. — Не обломился тебе сегодня клиент...

Темкин пожал плечами, давая понять, что это его не особенно беспокоит. Ну, не сегодня, так завтра...

Дэки насторожился. Опять они про дозу? Он это уже слышал от полковника. Они что, сговорились? А ведь так и становятся наркоманами, подумал он. Первая доза — бесплатно. Сперва — как анестезия, потом — для поднятия тонуса... Оно и понятно, при жизни такой. Тот у них в армии такой высокий процент наркоманов. А этот вот молодой конвойный, Герка Темкин, стало быть, толкает дурь сослуживцам? Интересно, а полковник в курсе?

По-видимому, от этой мысли он переменялся в лице, потому что старший из конвойных, истолковав это по-своему, насмешливо заметил:

— Да не психуй ты так, не ты первый, не ты последний... Переживешь!

Переживешь! Конечно, им не впервой издеваться над мальчишками-контрактниками... А ведь не все их жертвы такие выносливые, как Дэки, и не у всех высокий болевой порог! Просто ему достался счастливый билетик в генетической лотерее, а вот другим... От этих мыслей он испытал к воякам такую ненависть, что у него буквально потемнело в глазах, но усилием воли он тут же взял себя в руки. Дэки принадлежал к тому типу людей, которые в экстремальной ситуации в первый момент теряются, но потом начинают искать пути к спасению. Он знал, что очень часто люди не могут найти выход из сложной ситуации только потому, что теряют голову от страха или безудержной ярости. А вот если не отвлекаться на эмоции... И почти сразу же на смену ярости и негодованию пришла спокойная холодная ненависть, совершенно не мешавшая отвлеченным размышлениям. Несмотря на испытанное им потрясение, Дэки не потерял способности к хладнокровному анализу ситуации. Он заставил себя сконцентрироваться на путях решения проблемы.

Дэки лихорадочно размышлял: как выкрутиться? Кто же знал, что он попадет в такую ситуацию! А ведь должен был предположить подобное, видно же было, что прапорщик его сразу невзлюбил! Вот, например, прапорщик был уверен в том, что Дэки не слушает его объяснений, просто потому, что Дэки всегда стоял дальше от него, чем другие военнослужащие. Ну почему он должен был объяснять этому Дубарю, что лачры слышат на большем расстоянии, чем люди? А эти допотопные автоматы Калашникова, неизвестно в каком музее выкопанные! Прапорщик постоянно заставлял рядовых снаряжать магазин на время, так вот Дэки в отведенное время никогда не укладывался. И что, он должен был объяснять Дубарю, при каких обстоятельствах получил проблемы с мелкой моторикой? А если это военная тайна плюс тайна врачебная?

А еще прапорщика бесило, что Дэки одет не по уставу. Ну, не хотел Дэки носить форменную футболку и кепи! Это чертово кепи, как оно его раздражало! Лачры вообще не носили головных уборов, а защитой от солнца им служили собственные густые волосы,

тем более что у Дэки они были густые, светлые, прекрасно отражающие солнечные лучи! Так вот Дубарь постоянно придирался к его прическе и выражал желание остричь его чуть ли не наголо, а то, мол, стрижка не по уставу! Дэки, конечно, отбрыкивался от настырного прапорщика, как мог, объясняя ему, что гражданский специалист все-таки не военнослужащий, и таким образом сумел отстоять свое право ходить с такой прической, которая нравилась ему, а не прапорщику, и носить не форменную, а свою собственную рубашку, ту самую, которая теперь валяется в углу возле шкафа. Наверняка с самого начала прапорщик капал на него полковнику, и вот чем все закончилось...

Чуть в стороне от конвойных Дэки заметил прапорщика Дубаря.

– Сыпь ему еще и за выходку с плакатом! – крикнул прапорщику полковник, высунувшись из окна своего кабинета.

...Несколько дней назад Дэки потихоньку вывесил на двери казармы плакат с надписью «Все ушли на фронт» и бутафорский амбарный замок. Он думал, что его не вычислят, но полковник, видимо, догадался, и вот теперь...

– Будет исполнено! – рявкнул прапорщик.

Дэки не сомневался, что будет... Он заметил в руке у прапорщика кнут.

На секунду сердце сжалось от страха, потом забилося частыми упругими толчками, но почти сразу на смену страху опять пришла спокойная холодная ненависть. Дэки посмотрел на происходящее отстраненно, как будто со стороны – именно так его учили действовать в экстремальных ситуациях, и, несмотря на весь драматизм ситуации, ему почему-то стало смешно. Возможно, потому, что происходящее казалось ему каким-то нереальным, как сцена из спектакля. Дэки так и тянуло спросить прапорщика: «Инструмент, поди, приобрели в салоне интим-услуг?», но он сдержался. Эти люди шуток явно не понимают...

А прапорщик Дубарь искоса поглядывал на Дэки, размышляя, не слишком ли жестоко они поступают с парнишкой, ведь он явно не от мира сего, больной на всю голову: мало того, что не курит, так еще и не пьет – это ребята рассказывали, которые с ним ходили в увольнение! Ну, в баре ему бы и так не налили – несовершеннолетний, – так можно ж спиртное купить навынос и устроиться в скверике... Он, Дубарь, так бы и сделал, а этот!... Да еще и девку продажную шуганул, а она ведь недорого брала! А может, у него с деньгами проблемы? Это возможно... Так обратил бы внимание, как на него некоторые офицерские жены поглядывают! При его-то внешности... И вправду, зачем ему шлюхам платить, если приличные женщины и так согласны?

Так нет, в свободное время сидит, журналы читает, Дубарь это сам видел! Ну, «Физкультура и спорт» еще ладно, журнал полезный, но вот «Здоровье»! Вот тут прапорщику и пришло в голову, что у парня, может быть, определенного рода проблемы... Эта езда верхом на роботах! Долго ли до травмы! Вот Дубарь как-то в юности решил на лошади прокатиться, и в результате навернулся о переднюю луку седла как раз этим самым местом! До сих пор вспоминать страшно! Может, и парень тоже...? Тогда понятно, что ему пока не до девок! А теперь еще это...

Угораздило же парня так влипнуть! Но к этому все и шло! С самого начала парень держался подчеркнуто независимо и порой даже своенравно, нарушал воинскую субординацию, и это всегда раздражало прапорщика, однако в парне чувствовался твердый характер, а таких людей прапорщик уважал, даже если не разделял их убеждений. Да, парень был с закидонами, однако свои профессиональные обязанности выполнял безупречно, придраться было не к чему. До того, последнего случая... Интересно, насколько хватит его характера: выдержит ли он до конца или все же сломается?

Дэки с досадой огляделся. Ишь, как косится на него прапорщик! Небось, припоминает все мелкие каверзы, которые до сего момента Дэки творил безнаказанно. Конечно, с плака-

том он переборщил, хватило бы и предыдущей выходки, с той табличкой... Тогда ему все сошло с рук. Но не могло же ему везти вечно!

...Решив, что, раз уж американцы прислали им инструктора, то надписи кириллицей на дверях должны быть продублированы еще и на английском языке, Новик поручил прапорщику Дубарю напечатать красивые таблички. Прапорщик Дубарь поинтересовался у американца-инструктора, как по-английски будет «Штаб». Тот сказал, что в обиходе для обозначения штаба применяются две буквы: H.Q. Сказал он это по-английски.

Прапорщик не обладал художественными талантами и к тому же не знал английского языка, хотя и стеснялся в этом признаться. Правда, он знал большое количество английских слов и фраз и даже умел произносить их к месту, что создавало иллюзию того, что он, хоть и на примитивном уровне, но все же владеет языком, однако читать по-английски он не умел и алфавита не знал. Поэтому он записал названия английских букв кириллицей, так, как услышал – эйч кью. И пришел с этим листком с записью к Дэки, решив переложить на того нудную работу по распечатке табличек.

– Это еще что такое? – удивился Дэки. Он тоже не знал английского алфавита и тоже не торопился в этом признаваться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.